

Александр Васильев

Людмила Лопато

*Царица
парижских
кабаре*

ЭНЭ

УДК 82-94:78.071
ББК 84-4:85.314
В19

Редактор Полина Суворова

Васильев А.А.

В19 Царица парижских кабаре / Александр Васильев, Людмила Лопато. — М.: Альпина нон-фикшн, 2011. — 335 с.

ISBN 978-5-91671-115-8

Новая книга известного историка моды посвящена Людмиле Лопато, которую в 40-е годы прошлого века называли царицей парижских кабаре — самой русской из парижанок и самой очаровательной парижанкой из русских. Она была знакома с Кшесинской, князем Юсуповым, Анной Павловой, Шаляпиным, Вертинским, Галичем, Нуриевым... Открыла в Париже ресторан «Русский павильон» у Елисейских полей, любимый и бомондом, и богемой. Ее живой рассказ с комментариями Александра Васильева воссоздает атмосферу, в которой жили и творили люди, вынужденные после революции покинуть Россию, но сохранившие ее театральные, музыкальные и даже гастрономические традиции.

УДК 82-94:78.071
ББК 84-4:85.314

Руководитель проекта <i>И. Серёгина</i>	Подписано в печать 28.06.2011.
Корректор <i>М. Миловидова</i>	Формат 84×108/32.
Верстальщик <i>Е. Сенцова</i>	Объем 10,5 печ. л.
Дизайнер обложки <i>С. Куликова</i>	Тираж 5000 экз.

Фотографии из личного архива А. Васильева и Л. Лопато

Альпина нон-фикшн
123060, г. Москва
ул. Расплетина, д. 19, офис 2
Тел. (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

© А. Васильев, 2011
© Д. Харвич, 2011
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2011
ISBN 978-5-91671-115-8

Содержание

Звезды и созвездие	7
<i>Вместо предисловия</i>	
Глава первая	27
<i>Моя родина. Моя судьба. Мои мама и папа, «люди стиля модерн»</i>	
Глава вторая.	45
<i>«Марь Иванна, очень странно...» Первые артистические впечатления. Вертинский, Лемешев, Елена Трутовская. «Харбинский киднепинг»</i>	
Глава третья.	55
<i>Пароход Шанхай — Марсель. Французские лошади не похожи на китайских! «Беби-балерины». Париж. Коровин, увы, не пишет мой портрет</i>	
Глава четвертая	67
<i>Возлюбленные леди Детердинг. Как я получала английское воспитание</i>	
Глава пятая.	75
<i>Мои караимские корни</i>	
Глава шестая	81
<i>Мой сценический дебют. Русская консерватория в Париже. Князь Волконский и Шаляпины. Уроки у Медеи Фигнер</i>	
Глава седьмая	91
<i>Смерть папы</i>	
Глава восьмая	97
<i>Кодекс элегантности. Последняя песня Плевацкой. Князь Феликс Юсупов и «Кирпичики». «Яр», «Доменик», «Мартьяныч» и «Шехерезада»</i>	

Глава девятая	113
<i>Иза Кремер, Нюра Масальская, Юрий Морфесси. Русские манекенищицы в парижских Домах моды</i>	
Глава десятая	129
<i>Очень красивый мальчик Никита из пансиона в Жуан-ле-Пен. Наша свадьба. Переезд в США</i>	
Глава одиннадцатая	141
<i>Грета Гарбо в темно-красном бархате и в соболях. С. А. Кусевицкий и его единственный совет крестнику</i>	
Глава двенадцатая	147
<i>Кролик Иван Петрович и дети Буньюэля. Начало войны. «Темная ночь». Моя первая пластинка</i>	
Глава тринадцатая	161
<i>Никита — бизнесмен. «Русская чайная» и «Самовар». Орхидеи и разорванный чек</i>	
Глава четырнадцатая	173
<i>Молодой человек с собакой Гун-Герль. Васильки на летном поле. «Частушка, в пятницу женимся!» Бегство, бегство и окончательное бегство</i>	
Глава пятнадцатая	179
<i>«Динарзад», «Казанова», «Ночь в Париже»</i>	
Глава шестнадцатая	189
<i>«В гостях у Людмилы Лопато». Фильм «Распутин». Жгучие тайны Азии</i>	
Глава семнадцатая	197
<i>Ужин у Кшесинской. Владимир Кшесинский-Романов и его черепаха. Графиня Лилиан и Серж Лифарь</i>	
Глава восемнадцатая	205
<i>Каникулы с Делано и мои путешествия</i>	
Глава девятнадцатая	211
<i>Шампанское с малиновым соком и главная встреча в моей жизни</i>	
Глава двадцатая	219
<i>«Маленький Москвин» русского Парижа. Киса Куприна. Федя Протасов у цыган Димитриевичей</i>	

Глава двадцать первая	237
<i>«Все это слегка напоминало свадьбу...» Наш второй спектакль. Ирина Строцци — «пани Ирэна»</i>	
Глава двадцать вторая	247
<i>Русский артистический Париж пятидесятых</i>	
Глава двадцать третья	255
<i>Дело моей жизни, «Русский павильон»</i>	
Глава двадцать четвертая	267
<i>Я не знаю точно, как создать успешный ресторан</i>	
Глава двадцать пятая	283
<i>Наши путешествия. Русские конфеты. Свадебная полость из белого меха. Жан Татлян. «Пора освободиться»</i>	
Глава двадцать шестая	291
<i>Новый «Русский павильон». «Вы хотите песню веселую или грустную?» Путаны, реклама, наряды... и другие проблемы ресторатора</i>	
Глава двадцать седьмая	303
<i>Русская Пасха на французском телевидении. Ростропович празднует в моем ресторане падение Берлинской стены</i>	
Глава двадцать восьмая	313
<i>Именины принцессы Монако. Потомки «Пиковой дамы». Не открывшийся «Русский павильон» в Монте-Карло и... закрывшийся в Париже</i>	
Глава двадцать девятая	325
<i>Цветы на террасе. Тишина. Зеркало</i>	
Постскриптум	333
<i>Заповеди</i>	

*Людмила Лопато в концертном платье.
Фотография фотоателье «Ирис». Париж, начало 1950-х гг.*

Звезды и созвездие

Вместо предисловия

Странно теперь подумать, но самой прочной связью между русской эмиграцией XX века и «исторической родиной» были не вещавшие на СССР западные радиостанции (на которых работали многие выдающиеся наши литераторы), не «тамиздат», чудом проникавший в страну, и даже не память людей старших поколений, сохранявших в душе образ своей родины до 1917 года, но — песня. Не только народная, а и салонная... и даже ресторанная, «кабацкая».

Как бы ни был тяжел и прочен «железный занавес» между Советской Россией и Россией Эмигрантской, слухи о русских кабаре — иначе говоря, о ресторанной песне за границей — не только доходили до ушей советских обывателей, но и обрастали попутно ворохом всевозможных небылиц. Само словосочетание «эмигрантская песня» стало более чем устойчивым, и, несмотря на все запреты, на Родине барды и просто поющие под гитару на кухнях на протяжении долгих лет озвучивали с «чужого голоса» ставшие классическими куплеты о дочери камергера, в прошлом институтке, обернувшейся в Париже «черной молью и летучей мышью», и о звоне колоколов в Москве Златоглавой, который слышен и в зарубежье...

Живя в СССР, мы не знали ни имен легендарных эмигрантских певцов, ни всей сокровищницы их непо-

нятного нам, но заманчивого репертуара, но слышали всегда, что где-то там, далеко, в русских ресторанах-кабаре Константинополя, Парижа и Нью-Йорка идет кутеж, сопровождаемый цыганами, слезами и шампанским. Не имея нормального, реального представления о заграничной жизни, мы на протяжении трех четвертей последнего столетия черпали сведения о том, как живут за пределами России миллионы наших соотечественников, из песенного фольклора. Особенно популярной была песня о ночной жизни Марселя, где танцуют голые девочки, дамы носят соболя, лакеи носят вина, а воры, в свою очередь, носят фрак... Как ни карикатурны были эти зарисовки ночной жизни, в них заключалась доля правды. Переломным моментом в расширении наших знаний о ресторанно-варьетешно-кабаретной жизни эмиграции стала Вторая мировая война. Если маленькие русские кабаре Риги и Таллина не были ярким примером этого редкого и, увы, сейчас почти совсем исчезнувшего, вместе с XX веком, видом искусства, то появление на горизонте двух знаменитых отечественных певцов кабарежного жанра в 1940-е годы сыграло огромную роль в знакомстве всей страны с «эмигрантско-ресторанным» репертуаром.

Первой ласточкой был Александр Вертинский, проживший в эмиграции более 20 лет и по собственной воле, с женой, тещей и маленькой дочерью, вернувшийся в СССР в тяжелый 1943 год из Харбина. Как ни странно, Вертинскому позволили и петь, и гастролить, и даже сниматься в кино. Замечательные, за душу забирающие баллады-романсы о пани Ирэн, о бананово-лимонном Сингапуре, о прощальном ужине — взбудоражили умы россиян, изголодавшихся за годы войны по «чистой лирике», попавших в томительно-прекрасный плен мелодий Вертинского, кружевное переплетение рифм и замороженных шар-

мом его замечательного, совершенно индивидуального и особенного исполнения.

Возвращение Вертинского включило его творчество в контекст отечественной культуры и породило полчище более или менее удачных имитаторов, из которых, увы, никто славы не обрел. Не столь счастливым было возвращение на Родину, во время той же войны, Петра Лещенко, долгие годы выступавшего в Бухаресте. НКВД не простило популярному певцу, звезде 1930-х годов, ни гастролей в оккупированной румынами во время войны Одессе, ни эмиграции — и Лещенко погиб в тюрьме. Однако даже «мертвый Лещенко» разошелся по всей стране в самодельных пластинках-«ребрах», гравированных на старых рентгеновских снимках в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Гораздо труднее и тернистее был в СССР путь к умам и сердцам двух других звезд дореволюционной эстрады и впоследствии столпов песенного жанра русской эмиграции — Изы Кремер и Юрия Морфесси. Никогда в страну не возвращавшиеся, их записи с пластинок из архивов немногочисленных коллекционеров стали переиздаваться лишь в последние годы. Напрочь забытые на протяжении долгих лет широкой публикой, Кремер и Морфесси так никогда, несмотря на незаурядность их талантов, не достигли ни славы, ни почитания, которыми сегодня пользуются Вертинский и Лещенко.

Я прекрасно помню, как в эпоху Брежнева в 1970-е годы в Москве ходила по рукам много раз переписанная кассета под названием «Париж — цыгане». Как я понял много позднее, на ней пели Дмитриевичи, и я юношей заслушивался их особым произношением, отличающимся той отчетливой манерой в русских романсах мять и проглатывать слова, которую трудно описать, но, раз услышав, не забыть уже никогда.

На той же «самиздатской» кассете было несколько песен в исполнении Людмилы Лопато. Тембр ее голоса потряс меня в одночасье, задушевность тронула сердце и пробудила удивительные мечты. Невольно я стал воображать себя в Париже или почему-то в Тегеране, за столиком в эмигрантском кабаре, наполненном звуками румынской скрипки, восторженными возгласами гуляк и теми песнями, в которые нельзя не влюбиться. Но тогда, естественно, я и думать не мог, что русский эмигрантский Париж станет частью моей судьбы и что Людмила Лопато сделает меня своим конфидентом и летописцем.

Справедливости ради надо сказать, что в России важной связующей нитью между канувшими в Лету кабаре, русской эмиграцией и Родиной стала певица Алла Баянова, приехавшая из Бухареста в Москву в 1980-е годы, в период перестройки. Баянова появилась в России в расцвете творческих сил, с огромным, неслыханным репертуаром русского и цыганского романса, редкого эмигрантского «шансона», и объездила с концертами всю страну, собирая многочисленные залы почитателей. Таким образом она вызвала волну огромного интереса к редкому, подчас и вовсе забытому песенному репертуару, лучше сохранившемуся в недрах русской эмиграции именно благодаря успеху «русских кабаре» во всем мире. Вслед за Баяновой в России выступали на бывшей родине и даже переехали туда жить несколько исполнителей фольклора «третьей волны» эмиграции — 1970-х годов, в основном прославившихся в США, в окрестностях Брайтон-Бич, но работавших уже в другом, более массовом и популярном жанре.

В начале нового, XXI века, старый, эмигрантский Париж со своей ночной жизнью встает перед нами в эмоциональных воспоминаниях «Императрицы русского ночного Парижа», знаменитой певицы и хо-

зайки очень успешного парижского русского ресторана Людмилы Лопато. Смею утверждать, что сам жанр песенного кабаре, где мелодия имеет не меньшее значение, чем поэзия, издавна сроднен с русской культурой. В любви кутить, а это значит кушать, пить и слушать песни, мы, по счастью, не одиноки. Такой же слабостью страдают, как ни странно, многие латинские на-

*Людмила Лопато, Александр Васильев и Ольга Ришкевич.
Париж, 2002 г.*

ции, особенно испанцы с их зажигательными танцами «фламенко» под звуки песен «зарзуэлы», и португальцы, с их великолепными, щемящими сердце «фадос». Ближе всего, на мой взгляд, к лирико-драматическим качествам русского и цыганского романса подошли латиноамериканские песни «болерос» (как это созвучно русскому «болею»!), где страдания по поводу неразделенной или потерянной любви накалены до такого же крайнего, последнего предела, как и у нас. Возможно,

в этих традициях есть что-то общее, и это общее — цыгане.

Именно они, вольный кочевой народ, восхищавший Пушкина, а с ним и целую плеяду русских писателей, музыкантов и художников, держали первенство в России XIX века в хоровом пении в ресторанах «Яр» и «Стрельня», о чем по сей день поют в романсе «Что за хор певал у Яра». Предыстория цыганских хоров в России уходит в глубь времен. Еще в эпоху Екатерины Великой ее фаворит граф Григорий Орлов организовал первый цыганский хор из музыкально и вокально одаренных цыган, выходцев из Молдавии, под руководством знаменитого Ивана Трофимова. В составе хора были первая цыганская вокалистка России в эпоху Александра I Стеша Каталани и Олег Васильев. Успех цыганского пения оказался настолько велик, что вслед за Орловым другие фавориты императрицы — князь Потемкин, граф Зубов и граф Зорич — создали свои собственные цыганские хоры для вечеров и кутежей. Постепенно цыгане поселяются в столицах: в Петербурге — на Песках, в Москве — на Грузинах. Многие цыганские и русские романсы были записаны с напева хора Ивана Трофимова и стали классикой уже в пушкинскую эпоху, а впоследствии знаменитый Илья Соколов, племянник Трофимова, вместе со своим хором создал огромную вокально-песенную коллекцию русско-цыганского романса, дошедшую частями и до нашего времени. Цыгане пели в ресторанах и трактирах, и постепенно русский праздник XIX века стал невыносим без перебора гитары и задушевного голоса. Именно эта традиция и перешла затем в эмиграцию, когда поиски утраченной страны сузились до атмосферы ночного кабаре...

В период между 1870 и 1900 годом подмосковный роскошный ресторан «Яр» становится центром паломничества для тех душ, которые уже «не могут жить без шам-

панского и без табора, без цыганского». Его главным соперником была «Стрельня», созданная Иваном Федоровичем Натрускиным и прославившаяся своим зимним садом с экзотическими растениями. Он назывался «Мавританией». Там тоже вечера не обходились без цыганских напевов, послушать которые съезжалась «вся Москва». История донесла до нас несколько имен знаменитых цыганских певиц той поры — это, прежде всего, Мария Соколова, Малярка и Феша. Атмосфера цыганских ночей того времени замечательно воспроизведена в пьесе Толстого «Живой труп». Москва конца XIX века прославилась трактирами, где тоже выступали цыгане в более непринужденной атмосфере пьяного раздолья. Такими модными и популярными местами для бесконечных ночей с песней стали «Голубятня», «Лопачев», «Бубнов», «Крым», «Сибирь», «Егоров» и «Тестов»...

Однако атмосферой музыкальных вечеров в ресторанах Москва и Петербург очень различались. Школа петербургского цыганского пения под руководством семьи Шишкиных дала России таких замечательных исполнительниц цыганского романса, как Настя, Стеша и Варя. Именно в Петербурге, в хоре гитариста Шишкина, молоденькая цыганка Леночка впервые исполнила романс «Очи черные», ставший визитной карточкой кабаре русской эмиграции XX века. Там же, в хоре Шишкиных, дебютировала замечательная певица Нюра Масальская, будущая парижская звезда, вышедшая замуж за генерала Непокойчицкого. Об их сыне много вспоминает Людмила Лопато. Знаменитые петербургские рестораны — «Вилла Родэ», «Аквариум» и «Ташкент» — надолго остались символами совершенства в коллективной памяти представителей русской эмиграции, которые всегда желали найти и воссоздать в своих кабаре непринужденную атмосферу великолепных вечеров, отшумевших в России.

В Москве же, в эпоху Серебряного века, стилистика русского кабаре претерпела большие изменения. Знаменитый Никита Балиев создал свою «Летучую мышь» — кабаре, основанное на капустниках Художественного театра, где он сам играл маленькие роли. Это послужило толчком к созданию новых программ, более современных и злободневных. Стиль песенного исполнения становится более поэтичным и эталонным: звездой на

*Никита Балиев в спектакле
«У жизни в лапах». МХТ. Москва, 1914 г.*

небосклоне восходит Анастасия Вяльцева, заработавшая миллионное состояние своим голосом и имевшая собственный железнодорожный вагон для гастрольных поездок. В моду входит молодое поколение вокалистов, таких как Тамара Вавич, Морфесси, Кремер и Вертинский. Все они внесли свою лепту в создание нового жанра искусства, который впоследствии привлекал внимание публики в эмигрантских кабаре, от Харбина до Берлина. Изменяется и стиль исполнения. Управление знаменитым хором в «Яре» переходит в руки семьи Поляковых, где гвоздем программы становится красавица Настя Полякова, выступавшая вместе со своими братьями Егором и Дмитрием. В ночной жизни предреволюционной Москвы появляется еще одна ярчайшая фигура — «московский

негр» Федор Томас, мексиканский метис, родом из Санта-Фе, ставший впоследствии в Константинополе родоначальником искусства русского эмигрантского кабаре. Именно Федор устраивает в Москве, в саду «Аквариум», ресторан «Максим», прославившийся своей первоклассной кухней и цыганами. Сын покойной великой цыганской певицы Вари Паниной, Борис Панин, со своими сестрами стоит во главе музыкальной программы. Именно там Тамара Панина впервые исполнила романс «Любовь прошла», ставший в эмиграции знаменитым и сохранившийся в репертуаре Людмилы Лопато.

Большевиcтский переворот привел к закрытию или национализации всех ресторанов в столицах, и естественно, что стиль цыганского (да и русского тоже) исполнения романсов стал «идеологически чуждым». Но часть цыганского репертуара в Стране Советов все же сохранилась благодаря таким значительным фигурам, как Изабелла Юрьева, прозванная «белой цыганкой». А настоящие цыгане пустились, вслед за любившей их и понимавшей их искусство публикой, в долгие странствия. Сперва Харьков и Киев, затем Одесса, Ялта и Севастополь. А уж когда обескровленная Добровольче-

*Никита Балиев и Джеки Куган.
Голливуд, 1930 г.*

ская армия не смогла больше стоять на их защите, очень многие из них перешли на положение беженцев и сотнями пароходов были переправлены союзными войсками Антанты в Константинополь. Всего за годы гражданской войны более миллиона россиян разделили их судьбу, увозя с собой любовь к русской песне, цыганским хорам, кутьбе и гульбе без конца.

Древняя столица Оттоманской империи Великий Константинополь стал их временным прибежищем и первой болью. Поиски работы привели многих к идее продолжения в этом городе хорошо знакомого и налаженного в старой России ресторанного дела. Да и без работы и дела они жить не могли — ведь праздник был у них в крови. Первым русским рестораном Константинополя стала «Стелла», располагавшаяся в саду Шишли и открытая бывшим владельцем «Максима» в Москве Федором Томасом вместе с Настей Поляковой и Ницей Колдобаном, ставшим знаменитым еще в России цыганским музыкантом.

На долю «Стеллы» выпал огромный успех в среде русской эмиграции, константинопольского бомонда и офицеров Антанты, оккупировавших босфорскую столицу в те годы. «Стелла» прославилась не только цыганами, но и русской опереттой, при участии сына водочного магната Петра Смирнова и его жены, опереточной примадонны и красавицы Валентины Пионтовской. Там же дебютировала и труппа русского балета под руководством Бориса Князева.

Вслед за «Стеллой» на самой роскошной улице в европейской части города — Пере открывается ресторан «Эрмитаж» г-на Рыжикова, бывшего хозяина «Эрмитажа» в Москве. Там же, на Пере, на втором этаже торгового пассажа, было создано легендарное первое декадентское кабаре эмиграции «Черная роза», где пел Александр Вертинский. Помещение этого кабаре сохра-

нилось до наших дней, и в стенах, слышавших и видевших так много кутежей эмиграции, сейчас расположен бильярдный салон.

Успех русских кабаре и ресторанов был настолько и так неожиданно велик в Константинополе, что вскоре открылось 50 ресторанных заведений и кабаре, которые держали русские беженцы. Этот успех был связан не только с невиданной ранее кухней и блестящими музыкальными программами, но и с тем фактом, что в них стало работать множество титулованных аристократов. Дворянские титулы старой России стали приманкой в ночной жизни Константинополя, как и позднее Парижа. Встретиться с официантом-князем или с графом-гардеробщиком льстило самолюбию многих. Но все же русские женщины, эти великолепные белокурые и голубоглазые гурии, в элегантных платьях от Ламановой или Бризак, в остатках последних фамильных драгоценностей, с манерами баронесс — именно они вызвали самый живой интерес у турецких и греческих нуворишей.

Как писал в своих воспоминаниях Александр Вертинский, «разводы сыпались, как из рога изобилия». Рассерженные этим фактом, одалиски из константинопольских гаремов написали петицию губернатору с просьбой избавить их город от толп назойливых русских беженок. В придачу провозглашенная в 1923 году Турецкая республика во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком старалась и сама как можно скорее расстаться с огромным потоком иноверцев. Дольше всех там продержался Федор Томас со своей «Стеллой» — она закрылась со смертью хозяина лишь в 1928 году. Тем временем потерявшая в Первой мировой войне большую часть работоспособных мужчин Франция срочно нуждалась в дешевой и квалифицированной рабочей силе на шахтах и машиностроительных заводах. Франция дала наибольшее количество въездных виз русским эмигрантам, осталь-

ные последовали в Чехословакию, Болгарию, Югославию или Аргентину. Париж стал настоящим центром русской жизни, и из Турции большинство ресторанов и кабаре переехало на берега Сены, обогатив одновременно свои меню некоторыми видами босфорских закусок, которые до сих пор во Франции считают русским изобретением, — например, таких как «тарама», сорта масла из рыбьей икры розового цвета.

Все началось с самого первого цыганского кабаре «Шато Каво Коказьен» («Кавказский погребок»), открытого 22 октября 1922 года на улице Пигаль в доме 54. Там выступал хор Дмитрия Полякова, где солировала знаменитая Настя Полякова. Успех заведения был так велик, что несколько месяцев спустя, в 1923 году, напротив, на Пигаль, дом 63, открылся «Яр» и рядом, на улице Фонтэн — «Тройка». Так создается «русский треугольник» на Пигаль. Спешу успокоить читателя: в период 1920-х годов район этот еще не был оккупирован представительницами древнейшей профессии, пришедшими туда в послевоенное время... На волне успеха за этими ресторанами следуют «Русское бистро», «Казбек», «Золотой петушок», «Минутка», «Медведь», «Домик русских артистов», «Большой московский Эрмитаж» и «Черная роза» (вторая по счету после Константинополя).

Париж приходит в восторг от «русских ночей», и постепенно весь район от Пигаль до Клиши и Монмартра становится «русским». Его население — джигиты в черкесках, горцы с шашлыками, цыганки с монистами, генералы в роли вышибал, балерины с акробатическими номерами, титулованные дворяне в роли официантов, обносящие посетителей чарочками водки и тарелками блинов с черной икрой, — создало уникальную атмосферу ночного русского праздника, который в Париже в бешеную эпоху стремительных 1920-х годов очень многим пришелся по сердцу. Это была замечатель-

ная пора — эмиграция ощущала прилив сил, энергии и надежды на скорейшее возвращение на родину после свержения большевиков. Успех всего русского искусства был необычаен: «Русские балеты» Дягилева, выступления русских оперных звезд, от Шаляпина до Марии Кузнецовой, снятые на студии «Альбатрос» в Монтрейе русские немые фильмы с Натальей Кованько и Иваном Мозжухиным в главных ролях, спектакли «Художественного театра», кабаре «Летучая мышь» Никиты Балиева, русские «Кутюры» — Дома моды, за которыми стояли самые громкие аристократические титулы от Романовых до Трубецких, шесть тысяч русских такси, многочисленные кондитерские, магазины кустарных промыслов, русские газеты и книжные магазины — все это давало почву для подъема и расцвета эмигрантской русской культуры, которыми нельзя было не гордиться, приняв во внимание все тяжести быта и пережитые в России годы.

В 1924 году два русских придворных повара — Алексей Васильевич Рыжиков и Федор Дмитриевич Корнилов — получают высочайшие награды в качестве первых кулинаров Франции; русские рестораны по праву могут гордиться первоклассной кухней. Множество замечательных артистов старой России находят себе работу в парижских кабаре — Кремер, Вертинский, Масальская, Полякова, Морфесси, Северский, Адорель, Бемер, Бразин, Хан-Мануков — и их число все возрастает.

История русских парижских кабаре в основном дошла до нас благодаря замечательному исследованию Константина Казанского, болгарского певца, приехавшего в Париж в 1971 году и заставшего в живых еще многих из плеяды русских артистов той героической поры. Его книга «Русское кабаре» была написана по-французски и стала важным источником всех подробностей на эту богатейшую тему. Кульминацией успеха эмигрантов

было открытие в 1926 году в Париже, на авеню Рашель, роскошного кабаре «Казанова», названного в честь знаменитого одноименного немого фильма с Иваном

Анна Павлова в костюме из балета «Жизель». Англия, конец 1920-х гг.

Мозжухиным в главной роли, о котором немало пишет в своих воспоминаниях Людмила Лопато. Коронованные монархи, звезды Голливуда и сильные мира сего стремились в «Казанову» — лучшее парижское кабаре 1920-х годов, где выступали не только русские, но и знаменитые французские певцы той поры. Невиданный успех «Казановы» вслед за тем разделило кабаре «Шехерезада», открытое Сергеем Ипполитовичем Нагорновым по совету княгини Долгорукой на Рю де Льеж, дом № 3,

3 декабря 1927 года. Оно было так названо в честь балета Михаила Фокина, который показывала с ошеломляющим успехом Дягилевская труппа еще в 1910 году. Гаремная атмосфера кабаре была создана декоратором Борисом Билинским и до сегодняшнего дня является одним из ярчайших памятников эмигрантского искусства в Париже. Управление «Шехерезадой» было поручено полковнику Дмитрию Дмитриевичу Чихачеву, который поставил дела кабаре на недостижимую высоту. «Шехерезаде» посвятил главу своего романа «Триумфальная арка» Эрих-Мария Ремарк.

На волне этого успеха в Париже открылось около ста русских эмигрантских ресторанов. В 1927 году в Париж эмигрирует семья цыган Димитриевичей, начавшая играть огромную роль в жизни ночного Парижа. Обстановка стала портиться осенью 1929 года после невероятного нью-йоркского краха на Уолл-стрит, повлекшего за собой финансовые трудности во всех странах Европы. Многие рестораны и кабаре разорились в одночасье. Даже «Казанова» обанкротился в 1931 году, потом вновь открылся, но, увы, сгорел во время пожара 13 января 1939 года.

Вероятно, одним из самых больших потрясений для русской эмиграции начала 1930-х годов было убийство президента Французской республики Поля Думера русским эмигрантом Павлом Горгуловым 6 мая 1932 года, во время вернисажа художественной выставки. Даже если не вдаваться в причины этого террористического акта и его истинные движущие силы, становится ясно, почему Франция вдруг охладела ко всему русскому и эмигрантскому. К этому печальному событию добавился осадок от двух организованных ГПУ в Париже исчезновений лидеров Белого движения — генералов Кутепова и Миллера.

*Анна Павлова в костюме по эскизу
Л. Бакста к «Умирающему лебедю».
Англия, конец 1920-х гг.*

Для того чтобы придать своим заведениям более европейский характер, многие русские рестораны «офранцузились» и сменили вывески на менее экзотические. К тому же большинство артистов кабаре, бывших знаменитостями еще в России, стали уставать и стареть. Это же происходило и со многими другими деятелями русского искусства: наступила тяжелая пора траура и расставаний. В 1929 году в Венеции умирает Сергей Дягилев, в 1931 году в Гааге — Анна Павлова, в 1934 году Париж покидает Вертинский, в 1936-м в Нью-Йорке умирает Никита Балиев. Вторая мировая война еще больше ухудшила положение эмигрантских ресторанов и кабаре. Немецкая армия вошла в Париж 14 июня 1940 года и первое время исполнение песен по-русски было вообще запрещено оккупационными властями. Затем некоторые из уцелевших русских ресторанов продолжили работу, но поменяли репертуар согласно новым требованиям. На войне как на войне. В 1945 году в Париже умирает Нюра Масальская. Через год, прямо на сцене, во время выступления, — Ашим Хан Мануков, в Америке — Настя Полякова, а вслед за сестрой и Дмитрий Поляков. Общая картина жизни русских кабаре сильно меняется, и их последующая судьба детально описана в воспоминаниях Людмилы Лопато.

В заключение мне хочется добавить собственные впечатления от моей первой встречи с ней.

Приехав в Париж 1 июня 1982 года, я совсем не представлял, что такое «русские рестораны». Музыкальные кассеты и советские фильмы вроде «Бега» ясной картины не давали. Приятельница посоветовала мне устроиться на работу в русскую блинную на Монпарнасе, которую держал эмигрант из Баку. Эта работа мне не пришлось по душе, и я быстро нашел другую — декоратором в театре, что было и остается моей основной профессией. Однажды, примерно в 1986 году, крупный парижский предприниматель русского происхождения Владимир

Рэн, для племянницы которого, юной принцессы Наташи Строцци-Гвиччардини я делал костюмы во Флоренции, пригласил меня в ресторан Людмилы Лопато, возле Елисейских полей. При этом он предупредил, что дело ее — самое прекрасное из всех русских ресторанов мира. Мы подъехали к большому красному тенту, на котором было написано «У Людмилы», и вошли сквозь густые бархатные занавески.

Сразу после гардеробной нас встретила невысокая дама без возраста, роскошно одетая во что-то длинное и мерцающее, в пестрой расшитой цыганской шали с кистями и увешанная эффектными драгоценностями. От нее исходило невероятное женское обаяние, перед которым устоять не мог никто и никогда. Нежным бархатистым голосом она приветствовала нас словами: «Как давно вы ко мне не заходили!» Официант Федор усадил нас на бархатный пурпурный диван, и я смог разглядеть на стенах этого удивительного ресторана многочисленные пейзажи XIX века. Я помню также три или четыре вещи работы Эрте, русского художника в Париже, с которым я в те же годы познакомился. Атмосфера была наполнена ощущением тепла, с примесью аромата ностальгии и еще чего-то неуловимо душевного.

Ужин был в разгаре, когда Людмила села за рояль. Ее общение с публикой показалось мне великолепным. Перемишывая поочередно «песни грусти» и «песни веселья», она неизменно устаивалась бурных аплодисментов, при этом произнося: «Какая публика, просто замечательно!» Все были так счастливы и так веселы от шампанского, что не грустили даже при получении счета. Это было великолепно!

С тех пор каждый раз поход к Людмиле становился для меня праздником. Помню Пасхальный ужин у нее с хореографом Валерием Пановым и Машей Зониной.

Помню ужин с принцессой Ириной Строчи, с ее мамой певицей Натальей Рэн и Владимиром Деревянко.

Для меня лично 1980-е годы были незабываемой эпохой в Париже, которые шли под звуки песен Людмилы Лопато. Тогда я впервые купил ее кассету и влюбился в этот голос. Романсы «Я слушаю тебя внимательно и чутко», так же как и «Твои глаза зеленые» в исполнении Людмилы Лопато стали для меня настоящим утешением в трудные минуты, когда о приезде в Россию мы и помышлять не могли.

Одно время в те же годы я писал статьи об эмиграции и эмигрантах для парижской газеты «Русская мысль». Задумав рассказать о театре эмиграции, я отправился к Людмиле Лопато в ресторан днем, в неурочный час, с тем чтобы записать ее воспоминания. Увы, она была тогда страшно занята своим делом. Но и по коротким рассказам я понял, что в ее воспоминаниях есть материал на целую книгу. А потом Людмила Ильинична переехала в Канны. Мы не потеряли связи. Первое время я навещал ее с друзьями из Ниццы, потом с Владимиром Рэнном, а после кончины ее мужа Джонни я предложил, дабы развеять грусть, написать вместе со мной книгу — ту, которая перед вами.

Долгие дни просиживали мы на террасе в ее каннской квартире с видом на сад с пальмами. С диктофоном в руках мы попивали чай с пирожками из русской кулинарии, перескакивая от одной эпохи к другой, пока наконец, много месяцев спустя, наша общая работа не выстроилась в цельный рассказ.

На помощь приходила замечательная Мила, родственница Людмилы, помогавшая мне, будучи уже в Париже, дополнить и развить воспоминания. И, конечно, в Москве нашим верным союзником в работе над этой книгой стала талантливая журналистка и чуткий человек Елена Дьякова. Без ее ценнейших дополнений при со-

ставлении комментариев эта книга, вероятно, никогда бы не была опубликована.

При подборе иллюстраций, кроме личного архива Людмилы Ильиничны Лопато в Каннах, мы использовали ценные дополнения из нью-йоркского архива ее сына Делано Гарвича и мои собственные парижские архивы.

Спасибо вам всем, подарившим русскому читателю книгу, полную любви, радости и ностальгии!

*Людмила Лопато.
Париж, начало 1980-х гг.*

Александр Васильев
Париж — Сидней, 26 сентября 2002 г.

Перед тем как вы начнете читать, я хочу поблагодарить моего близкого друга, талантливую во всем и замечательно образованную Милу Зайончковскую, которая очень помогла мне в этой работе.

Литературной обработкой моих текстов в Москве, а также составлением комментариев к этой книге занималась талантливая журналистка Елена Дьякова, и я выражаю ей большую благодарность за это.

Людмила Лопато
Канны, 12 марта 2002 г.

Рекламный плакат акционерного общества «А. Лопато и сыновья», выпускавшего табачные изделия в Чите и Харбине, середина 1920-х гг.

Глава первая

*Моя родина. Моя судьба.
Мои мама и папа,
«люди стиля модерн»*

Я родилась в стране, которой нет. Увы, уже много лет нет на картах. Она есть лишь в моей памяти. Страна эта называлась Маньчжурией.

За свою жизнь я сменила много стран и городов.

Долго жила в Париже. Несколько лет в Нью-Йорке и Голливуде.

А теперь живу в департаменте Приморские Альпы, на Юге Франции, в Каннах.

По крови я караимка. Но город Харбин, где я родилась, моя семья, уклад ее жизни, мысли и принципы, мое образование — все было исконно русским.

И вся моя жизнь неотделима от русского театра, русской музыки, русской песни.

Я застала на свете последнее поколение русских XIX века — промышленников, офицеров, прямых и сдержанных гимназических учителей, восторженных гувернанток, престарелых великих князей, известных меценатов и филантропов, таких как мои старшие парижские друзья — семья Щукиных и Альма Эдуардовна Полякова, примадонны Мариинской императорской

сцены Матильда Кшесинская и Медея Фигнер, учившая меня искусству пения.

Я помню многих людей Серебряного века, таких как князь Феликс Юсупов, князь Сергей Волконский — директор Императорских театров и директор Русской консерватории в Париже (там я училась); помню таких легендарных людей, как Анна Павлова, Федор Шаляпин, Добужинский, Иза Кремер, Вертинский, Тэффи, Вячеслав Туржанский и Наталия Кованько, актеры Художественного театра Александр Вырубов, Поликарп Павлов, Вера Греч.

Я хорошо знала людей первой русской эмиграции, к которой сама принадлежала по рождению, благодаря сложившимся обстоятельствам и особому духу, — декоратора Эрте, Сержа Лифаря, артистов эпохи «Русского балета Монте-Карло» Ирину Баронову, Тамару Туманову, Давида Лишина. Знала я знаменитых русских мане-

Семья Лопато в Харбине, начало 1920-х гг.

Вид центральной улицы в городе Харбине, 1920-е гг.

кенщиц и красавиц эпохи ар-деко графиню Лизу Граббе, Тею Бобрикову, Ариадну Гедеонову, Кису Куприну.

Я видела Голливуд в эпоху его величия, в 1940-х годах. Встречала Грету Гарбо, Ингрид Бергман, Мишель Морган, Луиса Буньюэля. И конечно, «русских голливудцев» — Анну Стен, Марию Успенскую, Акима Тамирова, продюсера Бориса Мороза.

В послевоенном Париже я пела в кабаре «Казанова» и «Динарзад». Потом несколько десятилетий владела рестораном «Русский павильон». Он был очень любим в Париже 60-х–90-х годов. К нам приходили Джина Лоллобриджида, Софи Лорен, Роми Шнайдер, Марина Влади, Анна Маньяни, Шарль Азнавур, Шон О'Коннери, Карл Лагерфельд. И русские эмигранты «третьей волны» — Наталья Макарова, Галина Вишневская, Мстислав Ростропович, Рудольф Нуреев, Александр Галич, Олег Целков.

В «Русском павильоне» кутили аристократы, носители древнейших европейских и азиатских фамилий —

Люся и Володя в Токио в японских костюмах

Бурбоны, Полиньяки, принцессы Монако и Саудовской Аравии, бывшая шахиня Ирана.

Моя жизнь удивляет меня саму — так много стран, театральных залов, гостиных, ночных ресторанов и кабаре пересекла линия моей судьбы! Так много было встреч! Так много незабываемых, гордых и блистательных человеческих лиц! Так много радости... Впрочем, и печали.

Прежнюю Россию я знала только понаслышке. Новая, советская Россия не стояла у меня за спиной — в отличие от тех, кто в ней родился, — вечным укором. Иногда я говорю с улыбкой, что кажусь сама себе, где бы ни жила и что бы ни делала, декоративным элементом «стиля рюсс», таким огненным завитком на шелковой шали.

Но я никогда не прилагала усилий, чтобы стилизовать этот «стиль рюсс»! Возможно, он просто был моей сутью и судьбой. Хотя жизнь моя прошла вдали от России.

В советской России я бы, верно, прожила эти десятилетия в совершенно ином стиле. Однако у каждого из нас своя линия судьбы.

Теперь, когда родина моей матери и моего отца вновь действительно стала частью общего мира, я хочу рассказать еще одному поколению соотечественников, русским третьего тысячелетия, о моей судьбе со всеми ее географическими зигзагами, победами, печальями, романами. О том «русском рассеянии», которое в прошлом веке было неотъемлемой частью мира, — точно тень России, отброшенная на прочие пять шестых части света.

Уверяю вас, эта тень «страны, которой нет» была заметна миру!

Поведу свой рассказ по порядку, с самого начала...

По Маньчжурской равнине течет река Сунгари, приток Амура.

Маленький город на курьих ножках, не одетый, необутый. Холод, пыль, беднота... И военно-полевой лазарет княгини Кропоткиной: неустроенный Харбин — место его дислокации. Привозят новых и новых раненых. Идет Русско-японская война.

В Харбине живет и моя мама, Зинаида Михайловна Шпаковская. Мама родилась в Пскове, в генеральской семье,

Людмила Лопато. Харбин, 1920-й г.

Харбин-новый. Общий вид, 1910-е гг.

в 1877 году. Их было шесть человек детей: Елизавета, Юлия, Ольга, Мария, Зинаида и брат Аркадий.

Они рано и неожиданно лишились отца.

Молодой генерал, играя в саду с детьми, упал с качелей. Ударился о землю виском. Смерть его, на глазах у маленьких дочерей, была мгновенной.

Семья моей мамы и прежде была дружной. Но горе и раннее сиротство очень их сплотили. Пять сестер и брат сохранили эту детскую близость на всю жизнь.

Судьбы им — как всем русским этого поколения — выпали разные. Одна сестра моей матери была врачом, другая — писательницей. А третью, монахиню, большевики во время революции бросили в кипяток...

В годы Русско-японской войны моя мама окончила Высшие медицинские курсы, чтобы стать сестрой милосердия в лазарете княгини Кропоткиной. В тот день, когда их эшелон уходил на Дальний Восток, мой будущий отец тоже пришел на вокзал — проститься с друзьями, отбывающими в действующую армию.

Он увидел маму. И влюбился.

Через несколько месяцев отец решил пожертвовать для солдат вагон муки и табака. Не выдержал — и сам поехал с этим грузом в Харбин.

Там уже насчитывались тысячи русских переселенцев всех сословий. Датой основания города принято считать 1898 год. В 1895-м было подписано русско-китайское соглашение о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), пересекавшей всю Маньчжурию с запада на восток, с новой линией, ведущей на юг, до Порт-Артура. Вскоре люди потянулись со всех концов империи — строить русский город на китайской земле.

Там, еще до окончания войны, мои родители поженились. Они остались в Маньчжурии после заключения Портсмутского мира, стали пионерами нового города, в котором создавали и свое дело, и свою семью.

Когда я вспоминаю маму и отца, всегда приходит в голову определение «люди стиля модерн». Не только

Вид новостроек в городе Харбине, 1910-е гг.

потому, что в этом стиле, в духе 1900-х, был обставлен родительский дом в Харбине, элегантный и многолюд-

Харбин. Китайская улица, 1910-е гг.

ный дом моего детства, с огромной залой для приемов, концертами, музыкальными вечерами. И не только потому, что в этом доме встречались коммерсанты, актеры и музыканты, немцы и англичане, приезжавшие в Маньчжурию, служащие КВЖД (на моей памяти, в конце 1920-х, многие из них были уже «советскими»). Слуги-китайцы и восточные вещицы делали наш дом в Харбине весьма экзотическим. Рождественским праздникам — а у нас бывали замечательные елки! — это придавало сказочный колорит.

Постоянное присутствие в доме ярких и деятельных людей, открытость русской колонии Харбина всему миру, ощущение близости Японии и Китая, Индии и Америки, тесные контакты с Европой, интерес ко всем новинкам Старого Света — все это было очень в духе России начала XX века. В Харбине вы повсюду ощущали энергию стремительного развития молодого русского города.

В стиле «модерн» одевалась мама, когда я была ребенком. Она очень любила нарядные платья: помню,

сколько сундуков семья Лопато погрузила на пароход «Раш-путана» летом 1929 года, покидая Харбин. И это притом, что основные вещи оставались в доме!..

Но и в этих струящихся шелках лиловых, зеленых, оливковых и палевых тонов, в широкополых шляпах, в хитонах, в драгоценных вещицах тонкой работы, подражающих ветвям, цветам, осыпающимся листьям, замершим на миг бабочкам и стрекозам, — она, мама, оставалась весьма энергична, полна жизни, отличалась необычными для дам той поры взглядами.

Хозяйка большого дома и мать троих детей, она считала, что у женщины должно быть какое-то свое дело. И сумела найти его — что, впрочем, было нетрудно при ее медицинском образовании и опыте сестры милосердия военно-полевого лазарета.

Союз моих родителей — слияние в генах и семейных воспоминаниях духа псковской усадьбы, мягкого уюта, обаятельного здравомыслия дворянской интеллигенции и личной предприимчивости, энергии, опыта моего отца — был очень в стиле России начала XX века. Может быть, причина тому — любовь к родителям, но мне такое сочетание представляется идеальным. Вот это я и называю для себя «люди стиля модерн».

Только не надо путать модерн с декадансом! Декадентского духа в нашем доме совсем не было: родители мои обладали достаточно сильным чувством юмора. И потому им претили демонизм и высокопарность.

На высокопарность и демонизм у них просто не было времени. Мой отец, Илья Аронович Лопато, был, несмотря на свою молодость, опытным экспертом по турецким табакам. Свое табачное дело он основал еще в 1898 году, в России. Затем решил рискнуть и открыл фабрику в Харбине. Дела пошли так успешно, что через несколько лет крупный концерн British American Tobacco Company предложил отцу партнерство. Фабрика

после этого разрослась, на ней были заняты две тысячи человек.

Отец отличался замечательным умением разговаривать с рабочими. Какие бы стачки ни гремели в Харбине, папа выходил из конторы к «своим», выслушивал их требования — и всегда умел найти золотую середину.

А мама открыла врачебный кабинет еще до того как отец построил фабрику. Она принимала всех, ее часто ждала большая очередь пациентов. Не раз отец, идя мимо, спрашивал у бедных старушек, стоявших в этой очереди: «Не помочь ли вам купить лекарства?»

Старушки отвечали: «Не надо, барин, докторша нам все даст».

Шли годы. Харбин стал городом со своим Железнодорожным собранием, оперой и драматическим театром, с церквями, гимназиями, блестящими магазинами.

Перед началом Первой мировой войны население города составляло почти сорок тысяч человек — и 90% из них были русскими! После Гражданской войны население Харбина пополнилось бывшими колчаковцами, уцелевшими остатками добровольческих полков и многими тысячами образованных и предприимчивых, иногда от отчаяния, беженцев из советской России. Помнится, позже одна из театральных трупп города даже поставила комическую феерию «Беженцы всех стран» — хотя, воистину, то была комическая феерия сквозь слезы!

Так или иначе, к началу 30-х годов в Харбине проживало уже свыше ста тысяч русских.

Задолго до этого мой отец стал директором банка, председателем караимской общины города, членом Биржевого комитета, членом совета Политехнического института, попечителем гимназии. Он состоял в правлении шестнадцати общественных организаций.

В те же самые годы в семье Ильи и Зинаиды Лопато родился первенец, Миша, а через пять лет — второй мой брат, Володя. И самой последней, младшей и единственной девочкой, на свет явилась я.

Комментарии

Караимы — потомки древних тюркских племен, входивших в состав Хазарского каганата, живущие преимущественно в горной части Крыма.

Семья Щукиных — Надежда Афанасьевна Щукина, урожденная Миротворцева, и Ирина Сергеевна Щукина, вдова и дочь Сергея Ивановича Щукина (1854–1936), одного из четырех знаменитых московских братьев-коллекционеров. Его собрание французской живописи конца XIX — начала XX вв. — одна из первых и лучших в мире коллекций живописи импрессионизма и постимпрессионизма. Собрание было открыто для осмотра в 1907 г., после душевного потрясения, пережитого С. И. Щукиным ввиду неожиданной смерти его первой жены. Экспозиция «Щукинской галереи» повлияла не только на развитие русской живописи 1910-х гг., но и, например, на концепцию философии культуры Н. А. Бердяева. В ноябре 1918 г. коллекция Щукина была национализирована декретом СНК. Вскоре С. И. Щукин с семьей эмигрировал из России.

Альма Эдуардовна Полякова — представительница династии московских банкиров, промышленников, строителей железных дорог. Яков Соломонович Поляков (1832–1909), финансист, учредитель Азовско-Донского коммерческого банка, Донского земского банка и др. Не меньшей известностью в деловых кругах России пользовались его братья: Самуил Соломонович (1836–1888), подрядчик Козлово-Воронежско-Ростовской, Курско-Харьковско-Азовской и других железных дорог, а также крупный финансист, основатель Московского земского банка Лазарь Соломонович (1842–1927).

Медея Фигнер — Фигнер, урожденная Мей, Медея Ивановна, певица (меццо-сопрано). Итальянка по рождению, начала оперную карьеру в 1877 г. Затем, до 1912 г., была ведущей солисткой Императорского Мариинского театра. Первая исполнительница партий Лизы («Пиковая дама»), Иоланты, Кармен на русской сцене. С 1889 г. — жена Н. Н. Фигнера, знаменитого тенора Мариинской оперы. В 1923 г. оставила сцену, преподавала. С 1930 г. жила в Париже. См. подробнее: Медея Фигнер. Мои воспоминания. — СПб., 1912.

Князь Феликс Юсупов — Юсупов Феликс Феликсович (1887–1967), блестящий петербургский денди Серебряного века, меценат. В декабре 1916 г. стал одним из организаторов и участников убийства Григория Распутина, почитая это патриотическим долгом, после чего уехал за границу. В Париже в 1924–1931 гг. руководил совместно с женой И. А. Юсуповой (урожд. Романовой) Домом моды «Ирфе», создал фарфоровые мастерские, привлек к работе над «юсуповским фарфором» лучшие художественные силы русской эмиграции. Оставил яркие воспоминания (М., «Захаров», 1998 и переиздания).

Князь Сергей Волконский — Волконский Сергей Михайлович (1860–1937), видный театральный деятель, художественный критик, мемуарист, теоретик ритмической гимнастики. В 1899–1901 гг. — директор императорских театров. Эмигрировал в 1921 г. В 1936–1937 гг. был директором Русской консерватории в Париже. Автор многих книг, в том числе мемуарных («Родина» переиздана «Захаровым» в 2002 г.).

Анна Павлова — Павлова Анна Павловна (1881–1931), балерина.

Шаляпин — Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), певец (бас).

Добужинский — Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957), художник, член объединения «Мир искусства», книжный и журнальный иллюстратор, сценограф многих спек-

таклей Московского Художественного театра, «Русских сезонов» С. Дягилева в Париже. Эмигрировал в 1924 г.

Иза Кремер — Кремер Иза Яковлевна (1890–1956), певица (сопрано), автор и исполнительница песен в стиле «шансон» — жеманных, романтических, весьма популярных у широкого слушателя в 1910-х — 1930-х гг. С 1914 г. выступала в Одессе, главным образом в оперетте. С 1919 г. в эмиграции. Концертировала в городах Европы, центрах русской эмиграции. Последние годы жизни провела в Аргентине.

Вертинский — Вертинский Александр Николаевич (1889–1957), артист, поэт, композитор, мемуарист. Эмигрировал в 1920 г. В 1943 г. вернулся в СССР.

Тэффи — Бучинская, урожденная Лохвицкая, Надежда Александровна, псевдоним Тэффи (1872–1952), прозаик, поэт, драматург. С 1910 г. сборники ее юмористических рассказов и новелл пользовались огромной популярностью. В то же время Тэффи как стилиста высоко ценили И. Бунин, А. Куприн, М. Зощенко. С 1920 г. в эмиграции (ее путь в Европу из Москвы, через почти всю Россию, охваченную Гражданской войной, описан в книге «Воспоминания», 1931). Новеллы Тэффи 1920-х — 1940-х гг. создают яркий мозаичный портрет «русского Парижа».

Вячеслав Туржанский — Туржанский Виктор (или Вячеслав), отчество не установлено (1891–1976), киноактер, режиссер, сценарист. Снимался с 1912 г., дебютировал как режиссер в 1914 г., с 1920 г. в Париже, работал в группе Ермольева, был сорежиссером фильма А. Ганса «Наполеон» (1927). С 1938 г. в Германии, с 1957 г. в Италии.

Наталья Кованько (1899–1974), киноактриса. В 1918 г. стала женой Туржанского, вместе с которым эмигрировала в 1920 г. С успехом сыграла главные роли в его фильмах парижского периода «Прелюд Шопена», «Песнь торжествующей любви» (по И. Тургеневу, 1923), «Шехерезада. 1001 ночь» (1925), «Прелестный принц» (1925), «Мишель Строгов» (по роману Ж. Вер-

на, с И. Мозжухиным в заглавной роли), «Замаскированная дама» — и в более поздних немецких и испанских кинолентах Туржанского. Славилась красотой. Уйдя из кинематографа, продолжала жить в Париже.

Александр Вырубов — Вырубов Александр Александрович (1882–1962), актер, в МХТ и его студиях работал с 1912 г. С 1922 г. — в эмиграции. Участник Пражской (Берлинской) труппы МХТ. В 1920-х гг. выступал в Театре русской драмы в Париже, игравшем на сцене Театра Шатле.

Поликарп Павлов — Павлов Поликарп Арсеньевич (1885–1974), актер МХТ в 1908–1922 гг., член Пражской труппы. Был организатором нескольких русских театральных трупп. Снимался в фильмах «Раскольников», «Шехерезада», «Идиот», «Монпарнас, 19» и др.

Вера Греч — Греч Вера Мильтиадовна, настоящая фамилия Коккинаки (1893–1974), артистка 1-й студии МХТ. В 1919 г. уехала за границу, играла в Пражской труппе, некоторое время жила в Белграде. Позднее, в Париже, вместе с мужем П. А. Павловым ставила русскую классику («Женитьба», «Ревизор», «Власть тьмы», «Вишневый сад», «Дядя Ваня»). Продолжая играть на сцене, реализуя свое замечательное дарование характерной актрисы, занималась подготовкой молодых актеров, преподавала в Русской консерватории имени С. Рахманинова.

Эрте — Роман Петрович Тыртов (1892–1990), художник, график, сценограф, модельер. Потомок старинного дворянского рода, сын адмирала. Окончив гимназию, уехал из Петербурга в 1912 г. в Париж. С 1913 г. работал в Доме моды Поля Пуаре, ведущего европейского модельера предвоенной эпохи. В 1920-е гг. — один из ведущих художников стиля ар-деко (эскизы тканей, костюмов, аксессуаров и др.). Создавал костюмы для Анны Павловой, Маты Хари, Лилиан Гиш, спектаклей мюзик-холла «Фоли-Бержер». В 1925 г. первым

из европейских художников по костюму приглашен в Голливуд, на студию «Метро-Голдвин-Майер». В 1925–1937 гг. выполнил более ста обложек для журналов *Harper's Bazaar* и *Vogue*, сделав их новым феноменом искусства. В 1940-х — 1960-х гг. — скульптор, график (автор знаменитых серий «Цифры» и «Алфавит»), сценограф (в частности, оформлял балеты Ролана Пети с Зизи Жанмер). В начале 1970-х, в эпоху нового интереса к ар-деко, достиг мировой известности.

Серж Лифарь — Лифарь Сергей Михайлович (1905–1986), танцовщик, балетмейстер, педагог. В эмиграции с 1923 г. В середине 1920-х гг. — ведущий солист «Русского балета» Дягилева. С 1929 г. — ведущий солист балета парижского театра «Гранд-опера», позднее — его главный балетмейстер, создатель 200 балетов, автор 25 книг о танце, основатель Парижского института хореографии и Университета танца. См. его воспоминания «Дягилев и с Дягилевым» (М.: АРТ; Русский театр, 1994).

«Русский балет Монте-Карло» — труппа была основана в 1932 г. полковником де Базилем (В.Г. Воскресенским) и Рене Блюмом. Эта антреприза унаследовала часть труппы Дягилева, декорации и костюмы его постановок, отчасти и артистическую традицию дягилевского «Русского балета»; в 1936 г. разделилась на две труппы: «Русский балет полковника де Базиля» и «Русский балет Монте-Карло» Рене Блюма.

Ирина Баронова — Баронова Ирина Федоровна (р. 1919), одна из трех «беби-балерин» младшего поколения первой русской эмиграции, открытых Дж. Баланчиным в начале 1930-х гг. Дебютировала в 1932 г. в «Русском балете Монте-Карло». Оставила сцену в 1946 г. Вице-президент Королевского хореографического общества Великобритании, попечительница Королевского хореографического училища Австралии.

Тамара Туманова — настоящая фамилия Борецкая-Хазидович, Тамара Владимировна (1919–1976), балерина, киноактриса. Ученица О. Преображенской. С 1932 г. солистка «Русского балета Монте-Карло». Редкостная красота принесла

ей прозвище «черная жемчужина». Позже выступала во многих труппах, исполняла главные партии в балетах Мясина, Баланчина, Лифаря. С 1939 г. в США. В 1943 г. начала карьеру киноактрисы, продолжая танцевать. В 1966 г. снялась у Альфреда Хичкока в фильме «Разорванный занавес» (ее партнерами были Джули Эндриус и Пол Ньюман).

Давид Лишин — настоящая фамилия Лихтенштейн (1910–1972), танцор и хореограф. Учился в Париже у Любви Егоровой и Брониславы Нижинской, затем танцор трупп Иды Рубинштейн и Анны Павловой. В 1932–1941 гг. выступал в «Русском балете Монте-Карло» (как хореограф поставил балеты «Франческа да Римини» (1937), «Кадетский бал» (1940) и др. В 1941 г. уехал в США вместе с женой Татьяной Рябушинской. Выступал в Американском театре балета, исполнял главные партии в постановках М. Фокина, ставил спектакли в Париже, Лондоне, Буэнос-Айресе. В 1953 г. совместно с Т. Рябушинской создал в Лос-Анджелесе школу танца и учредил балетный фонд.

Лиза Граббе — княгиня Белосельская-Белозерская Елизавета Николаевна, урожденная графиня Граббе (1893–1982), парижская манекенщица 1920-х — 1940-х гг., ведущая модель в Домах моды «Молине» и «Бальмен».

Тяя Бобрикова — Бонне, урожденная Бобрикова, Екатерина Николаевна (1909 — ?), дочь полковника лейб-гвардии, крестница Николая II. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. парижская манекенщица, ведущая модель Дома моды «Ланвен». Затем хозяйка Дома моды «Катрин Парель» в Париже.

Ариадна Гедеонова — прославленная парижская красавица 1930-х — 1940-х гг., победительница конкурса красоты «Мисс Россия» 1938 г., впоследствии журналистка.

Киса Куприна — Куприна Ксения Александровна (1908–1981), дочь писателя, парижская манекенщица и киноактриса 1920-х — 1930-х гг. В 1956 г. вернулась в СССР, где стала пере-

водчицей, издала воспоминания «Куприн — мой отец» (М., Советская Россия, 1971).

Мария Успенская — Успенская Мария Алексеевна (1876–1949), актриса. Училась в Варшавской консерватории, затем — в Москве, на Драматических курсах Адашева. Играла в провинциальных труппах, с 1911 г. — в МХТ. Участница легендарного спектакля Первой студии МХТ «Сверчок на печи» (1914) и экранизации спектакля (1915). В 1916–1918 гг. снялась в нескольких фильмах. Участница гастролей Художественного театра по Америке в 1922–1923 гг., осталась в США. Вместе с Ричардом Болеславским руководила Американским лабораторным театром, играла в бродвейских постановках. В 1929 г. открыла в Нью-Йорке свою театральную школу. В 1936 г. вновь начала сниматься в кино. После дебюта была номинирована на премию «Оскар». В фильме «Нашествие» сыграла мать главной героини, роль которой исполняла Грета Гарбо. В «Мосте Ватерлоо» с Вивьен Ли сыграла русскую преподавательницу балетной школы, в фильме ужасов «Человек-волк» — цыганку-прорицательницу (эта роль считается лучшей киноработой Успенской).

В декабре 1949 г. погибла при пожаре в своей квартире в Лос-Анджелесе. Об Успенской см., например, в воспоминаниях актрисы МХТ Веры Павловой: «Кое-кто из труппы остался в Америке, как Ричард Болеславский, ставший потом известным фильмовым режиссером. Осталась там и Мария Алексеевна Успенская (по прозвищу Маруча). Говорят, она имеет свою драматическую студию, ездит в собственном автомобиле и курит сигары. Мне смешно это себе представить, когда я вспоминаю Маручу — некрасивую, старообразную, очень маленькую и худенькую. Правда, она несомненно талантлива, а это главное». (Мемуары Веры Павловой. Публ. И. Л. Соловьевой. Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. — СПб.: Феникс, 2001. С. 192).

Бывшая шахиня Ирана — Сорайя, в 1951–1958 гг. супруга шаха Ирана Мохаммеда Резы Пехлеви, неизменный персонаж парижской светской хроники тех лет.

Балерина Елена Трутовская. Харбин, 1926 г.

Глава вторая

*«Марь Иванна, очень
странно...» Первые
артистические впечатления.
Вертинский, Лемешев,
Елена Трутовская.
«Харбинский киднепинг»*

Вскоре после моего рождения семья переехала в большой дом в Новом городе. Он стоял на возвышенности, на южном берегу Сунгари. На двух пересекающихся проспектах, Большом и Вокзальном, кипела деловая жизнь, были лучшие магазины и кафе, красивые здания Русско-Азиатского и Русско-Китайского банков, Правления КВЖД, бывшего Гарнизонного собрания (похожего на крепостную цитадель, в стиле ар-нуво), Московских торговых рядов, акционерного общества «Чурин и К⁰» (на крыше которого была прелестная, почти сказочная круглая башенка с куполом), иностранных консульств...

Огромный храм японских синтоистов на Вокзальном проспекте занимал целый квартал! Впрочем, неподале-

ку располагались и лютеранская кирха, и католический костел, и армянский храм, и русская старообрядческая церковь, и буддийский храм Цзилэсы с драконами на черепичных крышах.

А на пересечении двух проспектов, на круглой площади, стоял бревенчатый Свято-Николаевский собор,

*Балерина Ольга Преображенская.
Петроград, конец 1910-х гг.*

выстроенный еще первыми харбинскими переселенцами.

Помню наш особняк, огромный фруктовый сад, теннисный корт, каток, турецкие бани и три маленьких отдельных домика для служащих. К нам из революционной России добралась младшая сестра мамы, Ольга Михайловна, с мужем и шестью детьми. Они разместились на первом этаже дома, где прожили много лет.

По российским понятиям о семейных отношениях того време-

ни в переезде к нам тетушки, дядюшки, шести кузенов и кузин ничего из ряда вон выходящего не было. Хотя проблем, конечно, хватало.

По нашему саду гуляли белые барашки, мы почему-то называли всех их по имени-отчеству. Как-то раз вдруг степенная овца Мария Ивановна исчезла. Все дети в доме, числом девять человек, волновались два дня, расспрашивая всех, где же овца. Один из поваров

наконец нехотя ответил: «Кажется, Марию Ивановну съели...»

С мамой, по крайней мере неделю, мы были холодны как лед.

Харбин моего детства — это и ледяные горки, и каток на Сунгари. Река была очень любима горожанами. Еще задолго до прихода русских маньчжуры дали ей имя Зунгариула — «Молочная река»: действительно, летом вода в реке была мутной, белесой. Китайское название Сунгари переводилось весьма поэтично — «Река кедрового цветка».

Харбин моего детства — это и подружки, и школа, и музыка. У нас несколько раз менялись гувернантки. Была и «фребеличка» Анна Адамовна, выписанная родителями из Германии, чтобы учить нас немецкому (куда быстрее мы научили ее говорить по-русски), и энтузиастическая, полная идей Эмма Петровна — с ней мы увлеклись марионетками, спектакли в доме шли через день, и до сих пор не могу забыть, какое удовольствие я получала от домашнего кукольного театра! Самым большим горем и самым суровым наказанием за шалости для меня в ту пору были слова Эммы Петровны: «Сегодня в театр можешь не приходиться».

Актриса М. Батурина в украинском костюме. Харбин, 1920-е гг.

*Александр Шеманский в роли Канио в опере «Паяцы».
Русская опера при Железнодорожном собрании. Харбин, 1920-е гг.*

Некоторое время спустя к нам поступила гувернанткой Вера Ивановна, вдова офицера-колчаковца, научившая меня петь самые первые мои романсы — «Молодушку» и «Мы встретились случайно, вдруг и странно...» Оба романса я пою до сих пор.

День был расписан по часам: занимались английским и французским, брали уроки танцев. С шести лет меня учила музыке изумительная харбинская пианистка Аптекарева, и уже в восемь лет я, как и другие ее ученики, играла на концертах в Железнодорожном собрании.

Это были ответственные выступления: зал вмещал полторы тысячи слушателей!

А летом концерты «Желсоба» часто устраивались в саду.

У нас была устроена сцена для домашних спектаклей. Ставили мы «Золушку» и забытую теперь оперет-

ту «Иванов Павел», любимую русскими гимназистами, их школьным невзгодам и посвященную. В ней я изображала сторожа. Вся моя роль была в два слова — я звонила в колокол и говорила невероятно низким басом: «Пора вставать!..»

Позже я поступила в женскую гимназию М. А. Оксаковской — она располагалась на Вокзальном проспекте Нового города, в прекрасном, светлом и нарядном здании. По воскресеньям там собирались музыканты-любители, исполняли струнные трио, квинтеты, сонаты. Но — увы! Гимназистки младших классов на эти вечера не допускались. Наши обязанности в гимназии Оксаковской, к сожалению моему, состояли отнюдь не в музицировании.

Математик, высокий элегантный господин в очках, меня буквально презирал: ни малейшего таланта к арифметике, алгебре и физике у меня не было!

Зато стихи, все, что мы учили в гимназии, помню до сих пор.

«Русский карнавал». Рисунок Октавио Фиораванти, 1926 г.

По поведению мне довольно часто ставили «кол», потому что я всегда оказывалась заводилой во всех шалостях, да еще иногда говорила друзьям: «Господа, пойдемте в синема! Все приглашены!»

Харбинские синема той поры назывались громко и завлекательно: «Театр Азия», «Атлантик», «Весь мир». Мы покупали шоколад и шли большой компанией смотреть старые комедии Макса Линдера или новые Чарли Чаплина. Однажды отец спросил: «Люсенька, это правда, что ты приглашаешь в синема всех друзей?»

Полная правда состояла в том, что иногда я приводила в синема полкласса.

Узнав это, отец засмеялся: «Ты — дорогая хозяйка».

Слова его были пророческими: приглашать друзей я люблю до сих пор.

Это оказалось моим призванием и делом жизни.

Когда я училась во втором или в третьем классе, в Харбине появился бандит Корнилов со своей шайкой (в основном в ней состояли грузины и осетины). Они наводили ужас на город, похищая детей состоятельных горожан. Банда, например, украла сына богатого коммерсанта Каспе — способного мальчика, которому прочили славу пианиста. Отец его отказался платить выкуп, надеясь на помощь полиции. Мальчику отрезали ухо и прислали отцу. Затем пришла вторая такая же посылка. Потом сын Каспе был бандой Корнилова убит.

За нас тоже боялись и потому возили в автомобиле. Наш «форд» еще был для Харбина редкостью. Боялись не напрасно: вскоре и моему отцу позвонили неизвестные и потребовали денег — иначе похитят нас. Отец ответил: «Вы знаете, что для меня дети важнее, чем деньги. Приходите ко мне в контору, мы договоримся». — «Как мы можем быть уверены, что вы не позовете полицию?»

Отец дал им честное слово. И они пришли. Во главе с самим Корниловым.

Я это помню хорошо: мы сидели дома и волновались. Бандиты потребовали какую-то очень большую сумму, отец сказал: «Таких денег у меня нет. Но сколько я могу, вам заплачу». Подумав, они сбавили цену... Потом отец сказал Корнилову: «Мне вас жаль, вы умный молодой человек. Если будете продолжать в том же духе — кончите на виселице». Корнилов ответил: «Господин Лопато, это мое дело, и оставим этот разговор».

Его действительно поймали и повесили через полгода.

В Харбине тех лет были чудный драматический театр и опера. Замечательные артисты приезжали к нам из России.

Харбинцы старшего поколения еще помнили концерты Анастасии Вяльцевой, прибывшей в Маньчжурию на гастроли в личном салон-вагоне. Городской легендой стал страусовый веер, поднесенный певице харбинскими слушателями: пятисотенный кредитный билет был приколот к каждому перу!

Театралы помнили приезд строгой Веры Комиссаржевской — она посетила наш город незадолго до гибели от оспы на гастролях в Туркестане. Позже на берегах Сунгари бывали и Федор Шаляпин, и Александр Вертинский.

Шли и балетные спектакли — и не только приезжих трупп. Мне в детстве более всего нравились балеты с участием Елены Михайловны Трутовской. Уже в 1926 году она давала сольные концерты в Харбине.

Родилась Елена Трутовская в 1901 году, в годы революции была солисткой Большого театра, затем эмигрировала в Маньчжурию. В Харбине она, помимо выступлений, держала школу танцев для детей и взрослых. Позже танцевала в Париже, училась у Ольги Преображенской, стала звездой в труппе балета «Стелла» русской балерины Натальи Евгеньевны Комаровой. «Стелла» блистала в «Фоли-Бержер» в сезон 1932/33 годов.

Трутовская была очень талантливая балерина, красивая и компанейская дама.

Артисты выступали и у нас дома: и Сергей Лемешев, начинавший в Харбине свою карьеру на сцене Русской оперы клуба Железнодорожного собрания, и драматический тенор Александр Шеманский, который прославился в Харбине партией Канио в «Паяцах», и Зерянова (ее меццо-сопрано запомнилось мне в «Пиковой даме»), и многие другие.

А еще я помню гастролы в Харбине Айседоры Дункан. Знаменитая «босоножка» уже пережила в ту пору расцвет своей карьеры...

Я очень любила приемы, которые устраивали родители, любила домашние концерты... Но терпеть не могла, когда меня, младшенькую, выводили в гостиную на показ — нарядную, с большим розовым или голубым бантом!

Кто-нибудь из гостей всякий раз щипал меня за щечку со словами: «У, какая прелестная девочка!» Я делала реверанс и быстро убегала прочь.

Мне было тринадцать лет.

Комментарии

Лемешев — Сергей Яковлевич Лемешев (1902–1977), певец (лирический тенор), народный артист СССР, солист Большого театра.

«*Фребеличка*» — последовательница немецкого педагога Фридриха Фребеля, известного своими работами по педагогике дошкольного воспитания, разработкой идеи детского сада и методики работы в нем. Русские «фребелички» конца XIX — начала XX в., как правило, брали на свое попечение в дневные часы небольшую группу детей и уделяли особое внимание развивающим играм на воздухе.

Анастасия Вяльцева — Вяльцева Анастасия Дмитриевна, «Настя» (1871–1913), эстрадная певица, исполнительница русских и цыганских романсов.

Ольга Преображенская — Преображенская Ольга Иосифовна (1871–1962), танцовщица, педагог. В 1890-х — 1900-х гг. солистка балета Санкт-Петербургского Мариинского театра. С середины 1910-х гг. преподавала классический танец. Ее последовательницей считала себя А. Ваганова. С 1922 г. Преображенская в эмиграции. В 1923 г. открыла в Париже балетную студию, где воспитала несколько поколений европейских танцовщиков. Преподавала танец до 89-летнего возраста.

«*Фоли-Бержер*» — парижский мюзик-холл, основанный в 1871 г. С 1918 г. — «Театр Фоли-Бержер», прославленный музыкальными спектаклями-ревю. Крупнейшие из многочисленных звезд «Фоли-Бержер» — Жозефина Бейкер, Мистингетт, Морис Шевалье.

Александр Шеманский — Шеманский Александр Леонидович (1900–1976), певец (тенор). Воспитанник Иркутского кадетского корпуса, во время Гражданской войны был подпоручиком на Восточном фронте. Затем оказался в Харбине, где начал занятия вокалом у сопрано Осиповой-Заржевской, был солистом Харбинской оперы при Железнодорожном собрании, гастролировал по Азии с итальянской оперной труппой «Капри». Исполнял партии Радамеса в «Аиде», Германа в «Пиковой даме», Гофмана в «Сказках Гофмана», Герцога в «Риголетто», Хозе в «Кармен», Канио в «Паяцах».

В 1936 г. в Харбине дал совместный концерт с Ф. Шаляпиным. В 1940-х гг. пел в Шанхае и Харбине, после войны переселился в Индию, ставил оперные спектакли в Калькутте. В 1960-х гг. переехал в США, солировал в Казачьем хоре, гастролировал с ним по стране. В 1970-х гг. преподавал вокал в Лос-Анджелесе.

Людмила — гимназистка. Харбин, 1920-е гг.

Глава третья

*Пароход Шанхай —
Марсель. Французские лошади
не похожи на китайских!
«Беди-балерины». Париж.
Коровин, увы, не пишет
мой портрет*

Мой отец был хрупкого здоровья: много курил с ранних лет, легкие у него были, кажется, почти прозрачные, а одно — совершенно испорчено вечным никотином. Доктора посоветовали ему в 1929 году, весной, переехать в Европу, подальше от свирепого, то пыльного и ветреного, то слишком жаркого харбинского климата.

Отец должен был до окончательного отъезда побывать по своим табачным делам в Японии и взял нас с собою. Из Токио и Кобэ мы лишь ненадолго, в последний раз, вернулись в Харбин.

Покидали ставшую нам совсем родной Маньчжурию вчетвером: родители, мой брат Володя и я. Старший, Миша, родившийся в 1909 году, учился тогда в Америке, в Колумбийском университете. В Шанхае семья села

*Константин Коровин. «Ночной Париж», 1932 г.
Музей изобразительных искусств Армении, Ереван*

на огромный английский пароход «Рашпутана». Мы плыли целых тридцать два дня — через Гонконг, Сингапур, Сайгон, индийский порт Пенанг, по Суэцкому каналу, который пароходы в ту пору проходили очень медленно.

17 июля 1929 года — навсегда запомнила эту дату — по приглашению нашего капитана Ф.Г. Кадиза я выступала на музыкальном вечере, на палубе корабля, где играла на рояле «Тройку» Чайковского и пьесу норвежского композитора Кристиана Синдинга.

Я играла, а вокруг меня шумел океан...

Это было прекрасное плавание, в каждом порту, по всему миру нас встречали знакомые — чаще всего англичане, деловые партнеры моего отца.

В Марселе встретили нас друзья моих родителей, караимская чета Хаджаш, Шура и Вера. Первое, что поразило меня в Европе, — лошади!

Огромные! В Китае они низкорослые, почти как пони.

В те месяцы мне все казалось чудесным, волшебным!

Сняв в Париже квартиру на рю Шарль Грен, около авеню Фош, мы, благо наступал «бархатный сезон», отправились на Лазурный берег, в Жуан-ле-Пен. Русские друзья посоветовали нам поселиться в пансионе Винтерфельда. Туда приезжали весьма известные люди: кинозвезда Наталия Кованько, красавица Ольга Давыдова (супруга литератора Давыдова, правнука декабриста), Аничка — будущая жена художника Савелия Сорина (в ту пору она была еще замужем за биржевым дельцом).

Все мы вскоре перезнакомились.

В пансионе по соседству жили артисты русского балета.

Среди них — очаровательная, веселая, обожавшая кошек Ольга Морозова. Позже Ольга стала женой казачьего сотника Василия Григорьевича Воскресенского, более известного как балетный импресарио полковник де Базиль.

Вместе с Ольгой на Лазурный берег в то лето приехала ее сестра, балерина Нина Вершинина. Она носила фамилию отца, в то время как Ольга сохранила фамилию матери. По совету Ольги Преображенской, учившей обеих танцу, сестры поступили так, чтобы их не путали на сцене.

Нина стала в 30-е годы очень известной балериной неоклассического направления, музой хореографа Леонида Мясина. Именно под впечатлением ее прекрасных, таких пластичных рук Мясин создал два своих знаменитых «абстрактных» балета — «Фантастическую симфонию» и «Предзнаменования».

Во время Второй мировой войны красавица Нина жила в Рио-де-Жанейро, стала одной из основатель-

ниц бразильского балета и до самой смерти держала на краю знаменитого пляжа Копакабана свою балетную студию.

Другой «беби-балериной» тех лет (и тоже обитательницей Жуан-ле-Пен летом 29-го) была красавица Тамара Туманова, прозванная американским импресарио Солом Юроком, впоследствии моим большим другом, «черной

Ирина Баранова, 1940-е гг., США

жемчужиной русско-го балета». Эта «беби» всегда появлялась на пляже и променаде в сопровождении мамы Евгении Туманишвили. Тамара была грузинско-польского происхождения, по маме грузинской княжной Туманишвили. Со своей мамой жила там и Иоланда Ляка, приятельница тогдашней жены Чарли Чаплина.

В эту молодую блестящую летнюю балетную компанию входила также прелестная Ирина Баранова, дочь царского офицера, ставшего в Румынии, а потом и в США известным театральным художником. Ирина тоже училась у Преображенской. Она потом вышла замуж за сына Станиславского. Одно время они жили в Сорренто и часто приглашали меня приехать к ним в гости.

Наконец, в том пансионе проводил лето Давид Лишин. Он вскоре стал мужем третьей русской «беби-балерины» Татьяны Рябушинской, происходившей

из семьи московских текстильных фабрикантов-миллионеров. Татьяна училась у Матильды Феликсовны Кшесинской и была гордостью ее школы. Давид уехал с ней впоследствии в Голливуд, где поставил хореографические номера к нескольким американским фильмам, работая с кинорежиссером Литваком.

Утром все мы встречались на пляже, днем шли есть мороженое в кафе «Пам-Пам». Мадам Давыдова заказывала самые дорогие сорта мороженого, но не могла с ними справиться и предлагала балетным мальчишкам за ней подъедать... С шести до семи часов вечера танцевали танго и фокстроты под «живой оркестр» в саду или шли в кинематографическом саду под открытым небом смотреть фильмы с Ширли Темпл, Мэри Пикфорд и Дугласом Фербенксом. Часто пели вместе. Мои друзья любили, когда я играла на рояле и пела. С постоянным успехом принимался романс «Мы только знакомы».

Со всем роковым шармом очень ранней и очень неопытной юности я пела: «Вам девятнадцать

лет, а мне возврата нет, я прожила так много...» Это, как я понимаю теперь, очень забавляло моих слушательниц, действительно переживших многое.

Тамара Туманова в роли «Умиряющего лебедя». США, 1940-е гг.

Хотя, вероятно, широкие поля летних шляп скрывали не только их мимолетные улыбки, но и мимолетные слезы.

Мой старший брат Володя возмущенно спрашивал: «Как тебе не стыдно! Что ты пережила?! У тебя понятия нет об этом!»

Я начинала напевать в ответ: «Не ревнуй, были прегрешенья...»

«Мама, послушай, что она поет!» — кричал Володя в отчаянии.

Мама говорила: «Оставь Люсю в покое!»

В пансионе Винтерфельда в то лето жила и семья Гарвичей, владельцев кинофирмы «Луна-фильм», имевшей отделения в Марселе и Брюсселе, — Абрам Рафаилович, Тамара Аполлоновна и двое их детей, Наташа и Никита.

Никита носил короткие брюки и всегда, проходя мимо меня, краснел. А я всегда думала: «Какой красивый мальчик!»

Вернувшись из Жуан-ле-Пен в Париж, мы сняли пятикомнатную квартиру на авеню Шарль Флоке. Рядом с нами жили Наталия Кованько и ее муж, известный режиссер Туржанский. В кино работали и оба брата Наталии Ивановны. Много позже, в Риме, стал кинематографистом и сын Туржанских.

Брат Наталии Кованько, Виктор, дружил с генералом Миллером, впоследствии выкраденным НКВД.

Туржанский обожал свою жену. Наталия Ивановна рассказывала, что в пору революции, в самые страшные и голодные месяцы, у них остался в конце концов один стул — всю остальную мебель они сожгли в печке-буржуйке. Галантно усаживая жену на этот единственный стул, придвинутый к обеденному столу, самоотверженный Туржанский почти каждый день говорил ей: «Ешь, Наташенька, а мне что-то сегодня не хочется».

Ее фотографии выходили невероятным тиражом в виде открыток. Наталию Ивановну рисовал Савелий Сорин (то был прекрасный пастельный портрет). В Париже Кованько была очень дружна с К. А. Коровиным — я часто видела его в гостях у нее и Туржанского. Видела я ее не раз беседующей и с А. Н. Бенуа.

Из разговоров Наталии Ивановны с мамой помню, что Коровин собирался написать мой портрет. Кованько полагала, что это необходимо сделать: «Красивая девочка. Надо обязательно написать».

Но я отнеслась к такой возможности легкомысленно, я почему-то никогда не стремилась позировать художникам. Поэтому портрета юной Людмилы кисти Константина Коровина в нашей семье нет, увы...

Комментарии

Литератор Давыдов, правнук декабриста — Давыдов Александр Васильевич (1881–1955), участник Русско-японской войны и Белого движения, с 1920 г. в Париже, член правления Крымского землячества, сотрудник газеты «Возрождение», видный деятель масонских лож эмиграции в 1920-х — 1930-х гг., с 1940 в США, сотрудник «Нового журнала» и «Нового русского слова», член правления Русского литературного кружка в Нью-Йорке.

Аничка, будущая жена художника Савелия Сорина — Сорин Савелий Абрамович (1878–1953), художник. Получил известность благодаря циклу акварельных и пастельных портретов знаменитых артистов, писателей, музыкантов, светских красавиц. Участвовал в выставках «Мира искусства», был близок к кругу журнала «Аполлон» и посетителей кабаре «Бродячая собака», дружил с С. Судейкиным и О. Глебовой-Судейкиной. Эмигрировал в мае 1920 г. В Париже и США создал портреты Л. Шестова, М. Фокина, Н. Евреинова, Ли-

лиан Гиш, Дж. Баланчина. В 1960-х гг. ряд его работ передан вдовой, Анной Степановной Сориной, в дар музеям СССР.

Ольга Морозова — Морозова де Базиль Ольга Александровна, урожденная Вершинина (1914–1993), балерина, ученица О. Преображенской, жена В. Воскресенского.

Воскресенский Василий Григорьевич — «Полковник де Базиль» (1888–1951), балетный импресарио. Участник Первой мировой и Гражданской войн, казачий офицер, в эмиграции стал организатором русских концертов и спектаклей в Лондоне и Париже. После смерти С. Дягилева совместно с Рене Блюмом основал труппу «Русский балет Монте-Карло».

Нина Вершинина (1910–1995) — танцовщица, хореограф, педагог. Ученица Б. Нижинской, солистка труппы «Русского балета полковника де Базиля», где ею были созданы балеты на музыку Баха и Сибелиуса. Впоследствии преподавала в Аргентине, в Институте хореографии, ставила балеты на музыку Шопена, Равеля, де Фальи, Гершвина. В Бразилии руководила балетной труппой музыкального театра Рио-де-Жанейро, преподавала классический и современный танец. Ее последний балет «Трубы Апокалипсиса» на музыку Г. Берлиоза был поставлен в Рио-де-Жанейро за три месяца до ее смерти.

Леонид Мясин — Мясин Леонид Федорович (1895–1979), один из крупнейших хореографов XX в. В 1914–1928 гг. — солист «Русского балета» Дягилева и постановщик ряда спектаклей (в том числе «Треуголка» на музыку М. де Фальи со сценографией П. Пикассо, «Пульчинелла» на музыку Дж. Перголези, И. Стравинского, «Стальной скок» на музыку С. Прокофьева со сценографией Г. Якулова). Создал на сценах Западной Европы и США свыше ста балетов, поражающих стилистическим разнообразием и блестящим освоением наследия разнородных культур. Балет «Предзнаменования» на музыку Пятой симфонии П. И. Чайковского был поставлен в 1933 г. в «Русском балете Монте-Карло». «Фантастическая симфония» на музыку Гектора Берлиоза — в 1936 г., в лондонском театре «Ковент-Гарден».

Сол Юрок — настоящее имя Гурков Соломон Израилевич (1888–1974). Покинув Россию в 1906 г., стал первым импресарио, знакомившим США с русским искусством. Занимался организацией гастролей Шаляпина, Анны Павловой, известных балетных коллективов (как эмигрантских, так и труппы Большого театра), Г. Вишневской, М. Ростроповича.

Баронов — Баронов Михаил Федорович (1893–1952), художник, сценограф. Сын директора Императорских банков, участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1936 г. жил в США, сотрудничал с Американским театром балета, работал над оформлением постановок Л. Мясина, Дж. Баланчина, совместно с Марком Шагалом — над оформлением спектаклей в театре «Метрополитен-опера». В эпоху становления телевидения — главный художник по декорациям и костюмам телестудии CBS. 25 июня 1951 г. первой цветной телепередачей США стал специально созданный балет Баланчина в декорациях и костюмах Баронова.

Кинорежиссер Литвак — Литвак Анатолий Михайлович (1902–1974). В эмиграции с 1925 г. В начале 1930-х гг. снимает ряд фильмов в Германии, Франции, Великобритании. Широкую известность получает после фильма «Майерлинг» (1936) с Даниэль Дарье и Шарлем Буайе в главных ролях. С 1936 г. работает в США, в его фильмах снимались Клодетт Кольбер, Эдвард Робинсон, Хэмфри Богарт и другие звезды. Огромный успех имел его публицистический антифашистский фильм «Признания нацистского шпиона» (1939). В годы Второй мировой войны вступил добровольцем в армию США, участвовал в боевых действиях, получил звание полковника. В 1943–1944 гг. — автор документальных фильмов о войне, в том числе «Битва за Россию» (1944). Среди его послевоенных лент — «Анастасия» (1956; Ингрид Бергман, сыгравшая великую княжну Анастасию Николаевну, получила за этот фильм премию «Оскар»), «Любите ли вы Брамса?» (1961; по роману Ф. Саган, с участием Ингрид Бергман, Ива Монтана и Энтони Перкинса), «Ночь генералов» (1967; с участием Омара Шарифа и Питера О’Тула) и др.

Награжден призом Венецианского МКФ «За вклад в развитие киноискусства».

Ширли Темпл — Темпл Ширли (р. 1928) — начала сниматься в кино в трехлетнем возрасте, в шесть лет получила «Оскара», была чрезвычайно популярна в 1910-х — 1920-х гг.

Пикфорд Мэри (1893–1979) и *Фербенкс Дуглас* (1883–1939), звезды американского кино, муж и жена. М. Пикфорд играла преимущественно в мелодрамах, Д. Фербенкс — в приключенческих фильмах.

«Вам девятнадцать лет, а мне возврата нет...» — романс из репертуара Юрия Морфесси.

«Не ревнуй, были прегрешенья...» — цыганский романс XIX в. Автор неизвестен.

Семья Гарвичей, владельцев кинофирмы «Луна-фильм» — Гурвич Абрам Рафаилович (1890–1986), продюсер, режиссер. Гурвич (Гарвич) Никита Абрамович (псевд. Жак Дармон), кинорежиссер, продюсер, бизнесмен.

Генерал Миллер, впоследствии украденный НКВД — Миллер Евгений Карлович (1867–1939), генерал от кавалерии (1919), участник Первой мировой войны и Белого движения.

С 1920 г. в эмиграции, главноуполномоченный по военным и морским делам генерала Врангеля в Париже (1920–1922), начальник штаба главнокомандующего Русской армией (с 1922), руководитель РОВСа (1930–1937). 22 сентября 1937 г. был похищен советской разведкой в Париже, доставлен в Москву и расстрелян.

К. А. Коровин — Коровин Константин Алексеевич (1869–1939) — художник.

А. Н. Бенуа — Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — художник, теоретик и историк искусства, сценограф, критик, мемуарист.

Наталию Ивановну рисовал *Савелий Сорин* — «Прекрасная звезда кинематографа, нервная и чувствительная артистка, живущая неправдоподобной жизнью экрана и ослепляемая дьявольским огнем прожекторов, царица толпы и ее раба», — писал об этом портрете А. И. Куприн в парижской газете «Русское время» в 1926 г.

Людмила с братъями-гимназистами. Харбин, 1920-е гг.

Глава четвертая

Возлюбленные леди Детердинг. Как я получила английское воспитание

В «русском Париже» конца 1920-х — начала 1930-х годов весьма примечательным персонажем была леди Детердинг, урожденная Лидия Павловна Кудеярова, в первом браке Багратиони. Не могу сказать, что она была красива, но казалась мне тогда очень представительной.

С сэром Генри Детердингом, знаменитым нефтепромышленником, Лидия Павловна познакомилась совершенно случайно: она один день работала у Пакена продавщицей, заменяя свою заболевшую подругу. Сэр Детердинг покупал своей даме какие-то туалеты. Но увидел Лидию Кудеярову — и влюбился.

А он ведь был в то время одним из богатейших людей мира...

Самое поразительное — до сэра Генри Детердинга Лидия была любовницей не менее знаменитого миллионера-нефтепромышленника Гюльбенкяна и сменила, таким образом, одну нефтяную скважину на другую.

Ее история напоминает мне знаменитый фильм 1950-х годов «Некоторые любят погорячее» (в СССР он

шел под названием «В джазе только девушки»), в котором Мэрилин Монро играет джазистку-польку Шугар. Героиня мечтает познакомиться с нефтепромышленником и миллионером — как видно из истории Лидии Детердинг, у некоторых дам это ловко получалось еще в 1920-е годы...

Между прочим, удивительна последующая судьба леди Детердинг. Она стала любовницей русского эмигранта Любимова, а впоследствии — итальянского жи-

голо Гаргии, моложе ее лет на сорок.

Я была знакома с нею самой и с ее милой кузиной, которая была замужем за ливанцем и много лет спустя играла не последнюю роль среди сотрудников Дома Диора. Леди Детердинг была несметно богата и одевалась в туалеты исключительно больших парижских Домов моды, завещав свой гардероб Парижскому музею моды и костюма.

Лидия Павловна в те годы финансировала русскую гимназию

Великая княгиня Мария Павловна.
Париж, 1920-е гг.

в Париже, которая располагалась в районе Молитор. История этой гимназии, русской средней школы в Париже, много говорит об истории самой эмиграции «первой волны».

Школа была основана в феврале 1920 года по инициативе группы педагогов и при помощи М. А. Маклаковой — сестры В. А. Маклакова, бывшего посла России во Франции, известного общественного деятеля. Директором парижской школы стал В. П. Недачин, бывший директор Медведниковской гимназии в Москве. Господин Недачин участвовал в 1917 году в работе над проектом реформы правописания, был активнейшим сторонником упразднения буквы «ять».

Рю Рояль и церковь Мадлен в Париже, 1930 г.

Учебные программы соответствовали программам русских гимназий и реальных училищ (в зависимости от выбранного отделения — в школе их было два). Французский язык и литература и английский язык преподавались по расширенным курсам.

Поначалу в парижской гимназии, как мне рассказывали, учились всего-навсего шесть русских детей. Но через год, после исхода Добровольческой армии из Крыма, число гимназистов достигло полутора сотен. А к концу

1920-х годов детей в единственной русской гимназии на территории Франции стало около двухсот.

При этом, как сообщает краткая история русской средней школы, изданная в Париже в 1930 году, 78% детей вносили лишь часть платы или учились вовсе бесплатно, так бедны были семьи большинства русских эмигрантов (особенно тяжело ударил по эмиграции кризис 1929 года).

Гимназии помогали: субсидии давали и Министерство просвещения Франции, и мэрия города Парижа, и принцесса Монакская, и балерина Анна Павлова, и наследники Густава Нобеля, и великая княгиня Мария Павловна — замечательная вышивальщица, русская женщина, с характером и судьбой, достойными пера Василия Ключевского.

И все же именно поддержка Лидии Павловны Детердинг-Кудеяровой в конце 1920-х годов спасла школу от закрытия.

Пусть об истории «гимназии первой эмиграции» рассказывают те, кто в ней учился раньше и дольше, чем я. Но... есть ли в библиотеках России вот эта пожелтелая брошюра «Ecole secondaire russe»?

Я рассматриваю фотографии на ее страницах. Вот удлинненное лицо, темная шляпа и меховое мантио Лидии Павловны Детердинг, а вокруг нее — наши преподаватели в твердых крахмальных воротничках, немолодой бабюшка с умным, твердым взглядом, гладко причесанные русские учительницы... И малыши-первоклассники — с такими точеными, породистыми лицами, в таких бедных, но строгих платьях и башмаках!

Это — русский Париж в год прибытия нашей семьи во Францию...

Свои выпускные экзамены я держала именно в этой школе, а весной 1930 года провела несколько месяцев в Буффемоне, в известном женском пансионе

(не знаю, как нынче, но еще в 1960-х он существовал и по-прежнему славился). В этом элегантном и дорогом французском «институте благородных девиц» были огромный сад, лошади, бассейны. Два раза в неделю мы ездили в Париж, в оперу или на концерт («Бориса Годунова» с Шаляпиным, последнюю парижскую «Жизель» Анны Павловой в мае 1930 года не забуду никогда!).

Вернувшись из Буффемона, я попросила разрешения у родителей отправиться в Оксфорд вместе с братом Володей. Он стал студентом Сент-Джонс колледжа. А я мечтала в Оксфордской закрытой школе для девочек выучиться знаменитой английской дисциплине.

И я училась ей!

Мы вставали в шесть часов, по звонку. Окна спален были всегда приоткрыты, моросил дождь, ветер вдувал его в комнаты. Утром ели невыносимый поридж — овсянку на воде. Форма была тяжелая, суконная, темно-синяя, к ней прилагались шляпа с плоскими полями и жесткие «гигиенические» ботинки без каблука!

А я была довольно избалованной девочкой.

Отчасти, конечно, ботинки без каблуков были весьма уместны и даже спасительны: каждое воскресенье мы всей школой шли в церковь. А путь до нее был еще и прогулкой, полезной для здоровья. И занимал он ровным счетом два часа!

Барышень учили гимнастике, и довольно-таки свирепо (с дрожью вспоминаю оксфордского деревянного «коня» для прыжков!). Учили нас и готовить — и я вечно переживала, потому что мои печенья были ужасны...

К счастью, я играла на рояле. И это — все искупало. Девочки в школе, невзирая на все мои гимнастические и кулинарные фиаско, были милы со мной.

Тем не менее вскоре я позвонила родителям: «Спасите! Не желаю больше английского воспитания!» Папа, надо сказать, очень обрадовался и воскликнул: «Конеч-

но, Люся, мы тебя заберем». И вскоре мама приехала за мной.

По водворении в Париж я проспала до десяти часов утра на мягкой подушке, под пуховым одеялом.

И с английской дисциплиной было в моей жизни покончено раз и навсегда!

Комментарии

Леди Детердинг — Лидия Павловна Кудеярова (1904–1980), в первом браке Багратиони, во втором — Детердинг. Известная деятельница русской эмиграции, меценатка, в молодости артистка варьете.

Сэр Генри Детердинг — Генри Детердинг (1866–1939), нефтепромышленник, владелец концерна Shell Oil.

Миллионер-нефтепромышленник Гюльбенкян — Гюльбенкян Галуст Саркисович (1869–1955), нефтепромышленник, коллекционер, меценат, компаньон Г. Детердинга при учреждении компании Shell, создатель художественного музея в Лиссабоне и благотворительного фонда Гюльбенкяна, известного, в частности, организацией международных фестивалей балета.

Парижский музей моды и костюма — расположен во дворце итальянской маркизы Гальера, улица Петра I, короля Сербского, 10, Париж. Обладает одной из лучших в мире коллекций исторического костюма, аксессуаров и материалов по истории моды.

Сестра В. А. Маклакова — Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), юрист, общественный деятель, депутат Второй, Третьей и Четвертой Государственных дум. В октябре 1917 г. был назначен послом Временного правительства в Париже. Председатель Русского эмигрантского комитета при Лиге Наций (с 1924 г.). Пользовался высоким авторитетом в среде «русских парижан».

Недачин В. П. — Недачин Василий Павлович (1863–1936), филолог, преподаватель и директор Медведниковской гимназии в Москве, почетный член Московского археологического общества. С 1919 г. директор русской гимназии в Париже.

Великая княгиня Мария Павловна — Мария Павловна Романова (1890–1958), внучка императора Александра II, кузина императора Николая II, воспитанница великой княгини Елизаветы Федоровны. В 1914–1917 гг. — сестра милосердия Псковского военного госпиталя. В эмиграции с 1918 г. В 1921 г. в Париже создала Дом вышивки «Китмир»; в первые месяцы вышивала по четырнадцать часов в день и засыпала на полу, у станины машинки. К середине 1920-х гг. «Китмир» стал предприятием со ста сотрудницами (на работу Мария Павловна брала только русских эмигранток). В 1925 г. вышивки «Китмира» были отмечены золотой медалью выставки L'Art deco, давшей свое имя новому художественному стилю. После разорения «Китмира» в годы Великой депрессии Мария Павловна переселилась в США. Опубликовала две книги воспоминаний.

*Борис Эгиз. «Караимка в национальном костюме».
1940-й г. Частное собрание, Литва*

Глава пятая

Мои караимские корни

Мой отец, как я сказала, был по национальности караимом. Я никогда особенно не занималась историей караимов, но все-таки знаю, что этот народ обитал на землях Хазарского каганата еще в IX веке. Из Поволжья часть караимов переселилась в Крым. А в 1396 году, совершив набег на крымские земли, великий князь Витовт привез с собой в Литву несколько сотен семейств, поселив их в окрестностях своего замка. Оттуда идут литовские и польские караимы (многие из них занимали немалые посты, становились профессорами, врачами, адвокатами, офицерами, сановниками).

Крымские караимы были, как правило, табачниками, заводили в России фабрики — например, известное табачное дело Катлама в Риге. Фабрикант Катлама, друг нашей семьи, был широким человеком. Рассказывали, что, когда он делал предложение своей будущей жене-красавице Ольге Яковлевне, то прислал ей тройку лошадей и соболье покрывало, укутать ноги — такой шикарный жест...

А я помню, как та же Ольга Яковлевна, в строгом и скромном английском костюме, отправлялась с нами и со своей дочерью Софьей в парижские музеи, часами показывала нам живопись — от Беллини до Сезанна, учила видеть свет на полотнах.

Эти утренние экскурсии, почти лекции, и вечерние катанья на тройках, когда ноги укутывались соболями,

как-то совершенно не противоречили друг другу в жизни женщины, которыми я восхищалась в детстве.

А таких женщин было много.

Целая плеяда... целая порода русских дам начала XX века!

Но я возвращаюсь к истории караимов. В тихой Евпатории обитало особенно много богатых людей, военных, врачей, артистов, коммерсантов караимских кровей. В конце XIX века многие из них переселились в Москву, Петербург, Ригу и Ревель. В Париже 1920-х — 1930-х годов потомки этих семей составили довольно большую колонию.

Глава караимской общины в Литве, Хаджи Серая Хан Шапхал, был человеком высочайшей культуры (к тому же очень красивый!). Он преподавал восточные языки в Санкт-Петербургском университете, а потом был гувернером наследника престола Ирана. Будучи избран гахамом, он основал караимский этнографический музей, а в Санкт-Петербург, в Академию наук, передал свою бесценную коллекцию восточных рукописей.

Рассказывали, что императрица Александра Федоровна благосклонно относилась к гахаму. Он не раз бывал приглашен государыней к чаю; одна из ее фрейлин, с которой я познакомилась много позже, помнила не только самого гахама, но и то, сколько ложечек сахара он клал в чашку с чаем.

Упоминания о Хаджи Серая Хан Шапхале я встретила много позже, читая изданную в русской эмиграции переписку императорской семьи (Берлин, «Слово», 1922).

Императрица сообщает государю 2 июля 1916 года: «Кахам (так в оригинале. — Л. Л.) приехал и провел вечер вчера у Ани — сегодня она меня просила провести вечер с ней и послушать его живописные рассказы». На следующий день Александра Федоровна пишет в Ставку:

«Я провела вчерашний вечер у Ани с Кахамом. Очень умный, приятный человек...»

Аня — это, конечно же, фрейлина Анна Вырубова. В ее мемуарах есть упоминание о знакомстве с гахамом, о том, как рассказывал он ей старинные легенды «караимского и татарского народа...» «Он, — пишет Вырубова, — как и все караимы, был предан Их Величествам».

Далее она приводит эпизод, который напомнил мне мой детский восторг перед Шапхалом: «В августе из Крыма приехал гахам караимский. Он представлялся государю и несколько раз побывал у наследника, который слушал с восторгом легенды и сказки, которые гахам ему рассказывал... Гахам первый умолял обратить внимание на деятельность сэра Бьюкенена и на заговор, который готовился в стенах посольства с ведома и согласия сэра Бьюкенена. Гахам раньше служил по Министерству иностранных дел в Персии и был знаком с политикой англичан. Но государыня и верить не хотела, она отвечала, что это сказки, так как Бьюкенен был доверенный консул Короля Английского, ее двоюродного брата и нашего союзника...»

И уже после отречения императора от престола, 9 декабря 1917 года, Александра Федоровна пишет Вырубовой: «Ты имеешь известия от гахама? Напиши ему и поклонись...»

Его действительно было трудно не запомнить: слишком яркая личность, слишком сильное впечатление... Он был довольно суров. И чтил свое положение, строго выполняя все, что предписывал ему караимский закон.

Когда, приезжая в Вильно, мы заходили в его дом, это было все равно что оказаться в другом мире, в восточной стране и в восточной старине.

Низкая мебель, инкрустированные столики, вышитые стулья, низкие табуреты, крытые бархатом с золотыми узорами, ковры, картины той эпохи на восточные сюжеты (там было много работ брата его жены, акаде-

мика живописи Бориса Эгиза, эмигрировавшего затем в Константинополь).

И начинались разговоры, воспоминания гахама о персидском шахе и о его сыне, который был очень привязан к своему учителю... А на низких резных столиках темного дерева стояли цветные фаянсовые блюда (в узоре, помню, преобладала зелень — или особая, раскаленная синева, которую так любили гончары всех южных народов). А на блюдах дышали слоеные пирожки с орехами или с вишнями, рахат-лукум с фисташками был осыпан сахарной пудрой, как тончайшим белым песком Юга, древней прародины...

Все это вызывало детский восторг. И делало каждый визит к гахаму сказкой из книжки с картинками и вязью позолоты на обложке.

Сказкой, которая сначала была прочитана, — а потом приснилась.

Подчиненный Шапхала, тракайский священник и караимский поэт Семен Фиркович тоже был очаровательным господином, который всегда во всем помогал Шапхалу.

Его семья была милейшая, там нас часто угощали караимскими блюдами и знаменитой селявой. Вокруг их дома на Караимской улице в Тракае находился большой фруктовый сад, где дети собирали вишни и малину. Все плавали на лодках по озеру Гальве, вокруг острова, на котором стоит знаменитый замок.

И я, и мои братья запомнили этих людей на всю жизнь...

Комментарии

Хазарский каганат — раннефеодальное государство VII–X вв. Охватывало часть территории Северного Кавказа, Поволжья, Приазовья и Крыма.

Витовт (1350–1430) — великий князь Литвы (с 1392 г.). Совершил множество походов, стремясь расширить пределы княжества. Был одним из руководителей и героев Грюнвальдской битвы (1410 г.).

Хаджи Серая Хан Шапхал (1873–1961) — востоковед, воспитатель наследника шаха Персидского в Тебризе, чиновник российского Министерства иностранных дел, Тавридский гахам караимов. В 1928 г. назначен гахамом караимов в Польше, жил в Вильно. Один из составителей словаря караимского языка. С 1940 г. — директор Исторического музея караимов в Тракае.

Борис Эгиз — Эгиз Борис Исаакович (1869–1947), живописец, мастер салонных портретов и жанровых сцен. Работал в Одессе, был секретарем Товарищества южнорусских художников. С 1920 г. в эмиграции.

Тракайский священник и караимский поэт Семен Фиркович (1898–1982) — писатель, этнограф, священник, уллу газзан караимов. С 1921 г. — преподаватель караимского языка в Тракае.

Анна Вырубова — Вырубова Анна Александровна, урожд. Танеева (1884–1960), фрейлина и близкая подруга императрицы Александры Федоровны.

Сэр Бьюкенен — Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924), британский дипломат, в 1910–1918 гг. посол в России. О своей деятельности, особенно интенсивной в 1917–1918 гг., в том числе об участии в «Заговоре послов» рассказал в книге «My mission to Russi and other diplomatic memories» (L. — N. Y., 1923. V. 1–2).

*Сопрано Медя Фигнер в визитном платье.
Фотография А. Фишера. Петербург, 1912 г.*

Глава шестая

*Мой сценический дебют.
Русская консерватория
в Париже.
Князь Волконский
и Шляпнины.
Уроки у Медеи Фигнер*

Мои родители часто устраивали в Париже «караимские вечера». Однажды возникла идея любительского спектакля в пользу нуждающихся караимов.

Эта мысль очень понравилась моей маме. А я, еще со времен гувернантки Эммы Петровны и ее театра марионеток, мечтала играть на сцене. Был приглашен режиссер, уже полнеющий и стареющий Дуван-Торцов, по происхождению крымский караим.

Он предложил поставить чеховский «Юбилей». Я играла Настасью Федоровну Мерчуткину — женщину, как известно, слабую, беззащитную, но очень упорную в достижении своих целей на общую сумму 24 рубля 36 копеек. Во втором отделении шли несколько скетчей. Помню комический дуэт из одного:

— Марь Иванна, неустанно
Я люблю вас от души,
Оттого что, Марь Иванна,
Вы, как ангел, хороши!
— Если б я была бы вашей,
Это было б трэ шарман!
Побеседуйте с мамашей...
— Но при чем же тут маман?!
— Я ведь маменькина дочка,
И без маменьки никак.

*Медя Фигнер в прогулочном наряде,
отделанном чернобурками.
Петербург, 1908 г.*

Поцелуйте меня
в щечку
И все будет трэ шар-
ман...

Дуван-Торцов по-
ставил нам и танец
к этому примечатель-
ному дуэту. Публике
очень, очень нрави-
лось!

Со мной выступал
Шура Хаджаш, инже-
нер, вместе с родите-
лями встречавший нас
в Марселе. Три раза
в неделю собирались
у нас, пили чай и с эн-
тузиазмом репетиро-
вали. Актеров было
около пятнадцати че-
ловек.

Вечер прошел
с большим успехом, моя Мерчуткина «кофий пила
безо всякого удовольствия», публика смеялась, а Дуван-

Торцов в конце спектакля сказал такой милый экспромт:

Люся, Люся, я боюсь,
весь в сомненьях нахожуся,
Вы Мерчуткина-бабуся
или просто Люся-дуся?

И крепко меня поцеловал!..

В Париже я поступила в Русскую консерваторию имени Сергея Васильевича Рахманинова. Директором консерватории был в те годы князь С. М. Волконский. Преподавание было очень хорошо поставлено, а блестящие музыканты русской эмиграции оказались мудрыми педагогами.

Моим профессором был Конюс, ученик Рахманинова, часто приезжал давать уроки Владимир Горовиц, а с виолончелистами занимался Григорий Павлович Пятигорский.

У Конюса училась и Дася Шаляпина, которая была несколькими годами младше меня. Я знала всю семью Шаляпиных — особенно часто мы встречались позже, в Америке. В Париже они жили в Трокадеро,

*Медя Фигнер в вышитом платье.
Париж, 1925 г.*

на авеню д'Эйло. Все Шаляпины были веселы, все очень любили друг друга, но жаловались, что в их доме трудно жить, слишком много шума — из-за мощного голоса отца и из-за его постоянных репетиций.

После смерти Федора Ивановича его домочадцы разъехались по разным странам: Марина жила в Риме, Дася — в Париже, Борис стал известным художником в США, Лидия давала уроки пения в Нью-Йорке, Федор ездил по всему миру, снимаясь в фильмах. На старости лет он замечательно сыграл ученого католического монаха в фильме «Имя розы».

Я окончила консерваторию с отличием, была первой по успехам, и после выпускного экзамена князь Волконский в газете написал обо мне: «Людмила Лопато с головы до ног — музыка». Конечно же, я была страшно горда.

В те же годы я брала уроки пения у легендарной русской артистки. Когда мы впервые пошли на концерт Медеи Фигнер в зале Гаво, я была поражена ее искусством. В черном платье, с малиновым бархатным шарфом, она была великолепна. И по-прежнему дивно, как в Петербурге времен Александра III, звучало ее меццо-сопрано!

Я сразу сказала маме, что хочу учиться у нее.

Мы пришли к ней на квартиру, в Отей, и Медея Ивановна сказала: «Персико, хочешь учиться петь — давай!» «Персико» она называла меня: как итальянка, Медея Ивановна довольно часто и очень артистично меняла окончания и ударения в словах. Уроки наши проходили два раза в неделю; аккомпаниаторшей была маленькая старушка, изумительная пианистка, она всю жизнь следовала за Медеей Ивановной.

Я была счастлива узнавать от Медеи Фигнер о тонкостях вокального искусства, выучила в ту зиму всю оперу «Кармен» (хотя, конечно, никогда ее не пела). И даже

взяла несколько уроков у Морено, ученицы Анны Павловой, чтобы танцевать хабанеру с кастаньетами.

Но ими было очень трудно овладеть!

Медея Фигнер говорила по-русски с сильным акцентом. Приехав из Милана в Петербург, она стала примой Мариинского театра. В 1890 году Медея Ивановна была первой Лизой в мировой премьере «Пиковой дамы», только что законченной Чайковским. И сам композитор давал ей указания на репетициях! Особенно тщательно Чайковский работал с певицей над знаменитой сценой у Зимней канавки. А первым Германом в «Пиковой даме» был муж Медеи Ивановны, прославленный тенор и редкостный красавец Николай Николаевич Фигнер.

У нее была масса наград, медалей, которые она мне показывала. И даже письма от государя. Были «премьерные подношения» императора — бриллиантовая диадема и брошь с рубинами. Она была еще очень красива, такой скульптурной, чуть тяжеловатой итальянской красотой. Когда-то для Медеи Фигнер стал большим горем разрыв с мужем: еще в Петербурге Николай Николаевич оставил примадонну и ушел с хористкой.

И хотя прошло уже много лет, Медея Ивановна оставалась одна, совсем одна...

После занятий мы — она, я, ее дочь Лидия и гувернантка — пили чай. На столе стоял большой самовар, и всегда подавался длинный французский багет — Медея Ивановна и Лидия очень любили эти хрустящие, поджаристые парижские батоны. И я ела их — с маслом, с вареньем, и всегда с большим удовольствием.

Как жаль, что я не записывала тогда рассказы, которыми она осыпала нас за чаем! Осталось только общее ощущение. Медея Фигнер для меня — величественный облик, блеск, триумф, смех — и вечная грусть.

Конечно, я очень старалась на этих уроках и очень хотела быть певицей!

И постепенно стала выступать на концертах.

...Передо мной — пожелтый листок харбинского «Рубежа» (1938 год, № 37). Ксерокопия газетной страницы мне прислана из Стэнфордского университета профессором Лазарем Флейшманом, исследователем русского Берлина и русского Парижа в эпоху «между двумя войнами»:

«Людмила Лопато неоднократно выступала на концертах, литературно-вокальных вечерах и юбилейных торжествах русского Парижа. Состоявшийся не так давно ее концерт в зале газеты “Журналь” был ее первым самостоятельным концертом. Мягкое контральто молодой певицы звучало великолепно, и она имела шумный успех.

В первом отделении Л. Лопато спела несколько вещей Гречанинова, Мусоргского, Чайковского, Глинки и знаменитую “Хабанеру” из “Кармен”.

Второе отделение было посвящено исключительно цыганскому пению.

Л. Лопато пела под аккомпанемент оркестра Черепинского. У нее богатый репертуар. Цыганские романсы она исполняла с милой непринужденностью и подкупающей экспрессией, и публике, переполнившей зал, очень понравилась. После арии из “Кармен” в первом отделении певица удостоилась настоящей овации.

Перед началом концерта конференсье артист С. Бартнев выступил с кратким словом, в котором подчеркнул, что “весь чистый сбор с вечера Людмила Ильинишна жертвует в пользу больных русских артистов” — на организацию и содержание специальной койки в госпитале Вильжуиф.

Русскому артисту трудно живется в Париже, и во всех отношениях, как в материальном, так и со стороны художественной.

Успех окрылил молодую певицу, но не вскружил ей голову».

Рецензент Унковский был слишком добр к «певице, подающей надежды». Конечно же, вскружил... Но какое же это было чудесное чувство!

Летом, на Лазурном берегу, я решила научиться водить машину. Пришла в школу, внесла задаток, выбрала себе инструктора по вождению. Мы начали ездить, но я все время делала ошибки. И вот однажды мой учитель повернулся ко мне и сказал: «Мадемуазель Лопато! Я вынужден либо вернуть ваши деньги, либо сойти с ума... Мы можем в любой момент въехать в дерево!» — «Правда? — спросила я. — Вы думаете, я не научусь?» — «Никогда», — мрачно ответил опытный шофер.

И он оказался прав.

Комментарии

Дуван-Торцов — Дуван-Торцов Исаак Эздрович (1873–1939), актер и режиссер МХТ, актер пражской труппы, режиссер берлинского театра «Синяя птица».

Русская консерватория имени С. В. Рахманинова — была создана в Париже в 1923 г. по инициативе композитора Н. Н. Черепнина, ставшего ее первым директором. Занятия проходили по классам рояля, скрипки, виолончели, пения, духовых инструментов, теории музыки, вокального ансамбля, дикции, декламации; при консерватории также существовала балетная студия.

Конюс — Конюс Лев Эдуардович (1871–1944), пианист, профессор Московской консерватории (1912–1920), с 1920 г. в Париже, с 1937 г. жил и преподавал в США.

Горовиц — Горовиц Владимир Самойлович (1905–1989), один из величайших пианистов XX века. Эмигрировал в 1925 г. В 1926–1928 гг. дал цикл триумфальных концертов в Гамбурге,

Париже, Лондоне, быстро завоевав европейскую славу, впоследствии ставшую мировой.

Григорий Павлович Пятигорский (1903–1976) — виолончелист. Эмигрировал в 1921 г. С середины 1930-х гг. и до конца жизни концертировал с оркестрами под управлением Тосканини, Стоковского, Кусевицкого. Особым успехом пользовались записи скрипично-виолончельного дуэта «Концерты Хейфеца и Пятигорского». Был удостоен звания почетного доктора 14 университетов США и Европы. В 1962 г. в Нью-Йорке учреждена премия имени Пятигорского для молодых виолончелистов.

Марина — Шаляпина Марина Федоровна (р. 1912).

Дася — графиня Шувалова Дасия Федоровна, урожденная Шаляпина (р. 1921).

Борис стал известным художником — Шаляпин Борис Федорович (1904–1979). Учился у Д. Кардовского, В. Шухаева, С. Коненкова, К. Коровина. С 1925 г. жил и работал в Париже, с 1935 г. в США. Создал большой цикл портретов отца, декорации к опере «Демон» и к фильму «Дон Кихот» с участием Ф.И. Шаляпина.

Федор — Шаляпин Федор Федорович (1907–1992), киноактер.

«*Имя розы*» — фильм Ж.-Ж. Анно по одноименному роману Умберто Эко (ФРГ — Италия — Франция, 1986).

Лица в мировой премьеры «Пиковой дамы» — мировая премьера оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама» состоялась в Мариинском театре 7 декабря 1890 г.

Николай Николаевич Фигнер (1857–1918) — певец (тенор). В 1887–1907 гг. — солист Мариинского театра. Первый исполнитель партии Германа («Пиковая дама») и Водемона («Иоланта»). Фигнеру посвящен цикл романсов Чайковского.

Харбинский «Рубеж» — еженедельный литературно-художественный иллюстрированный журнал (1927–1945). Ныне возобновлен во Владивостоке.

Рецензент Унковский — Унковский Владимир Николаевич (1888–1964), писатель, журналист, врач. В 1920-х гг. работал в Африке, позднее в Париже. Был другом А. М. Ремизова, который упоминал Унковского под именем «африканского доктора».

Отец Людмилы Илья Лопато. Франция, начало 1930-х гг.,

Глава седьмая

Смерть папы

Здоровье моего отца слабело и ухудшалось. Он почти не выходил, каждое утро к нему приходил доктор Айваз. Они подолгу играли в шахматы.

В ноябре 1933 года врачи настояли на том, чтобы папу перевезти на юг Франции, в сухой климат Ментоны. Мы провели там зиму всей семьей. Мама довольно часто ездила в Монте-Карло, играть в рулетку. Никогда не знали результатов!

В начале августа, когда мы с братом Володей были на курорте Сен-Жан-де-Люз возле Биарицца, позвонила мама и сказала, что отцу очень плохо.

Мы немедленно выехали в Ля Бурбуль.

Папа успел прошептать мне: «Умираю, Люсенька...»

Поехали в Польшу, в Троки, хоронить папу на его земле. До 1939 года Троки, как тогда назывался Тракай, вместе со всем Виленским краем, входили в состав Польши и были под управлением маршала Пилсудского, тоже уроженца тех краев. Нас встретил гахам Хаджи Серая Хан Шапхал. Похороны моего отца на новооткрытом караимском кладбище в Тракае были очень многолюдными.

Ведь папа и родился в Троках, в бедной семье. Четырнадцатилетним мальчиком уехал в Москву, что-

бы работать в табачном магазине своего дяди. Перед отъездом из Литвы бросил в озеро монетку и загадал, что вернется, что будет всегда стараться помогать бедным...

И действительно — долгие годы помогал многим.

И действительно — вернулся...

В Вильне, в день его похорон, даже магазины были закрыты в знак траура.

Люди шли за гробом отца, и осталось глубокое, грустное и светлое воспоминание об этом благородном и благочестивом человеке.

Средневековый замок литовских князей. Тракай

Его надгробный памятник стоит на холме, теперь он стал символом кладбища в Тракае, которое, по прошествии семи десятилетий, стало тесным.

До сих пор часто перечитываю некролог в номере парижских «Последних новостей» от 19 августа 1934 года:

«Имя скончавшегося на днях Ильи

Ароновича Лопато мало было известно в Париже, где покойный жил сравнительно недолго. Но его знали буквально все на русском Дальнем Востоке не только как крупного промышленника, владельца огромной табачной фабрики в Харбине, но и как исключительно отзывчивого человека с большой общественной жилкой.

Достаточно сказать, что, живя в Харбине, И. А. Лопато состоял председателем или членом правления 16 общественных организаций всякого рода: попечителем гимназии, председателем караимской общины, членом совета Политехнического института, Биржевого комитета и т. д. Несколько лет назад харбинская общественность чествовала 25-летие работы Ильи Ароновича на общественном поприще. На юбилее присутствовали представители буквально всех кругов населения, от православного епископа и главы еврейской общины до делегатов китайских рабочих.

В 1921–22 гг., когда в России свирепствовал голод, покойный, преодолев предубеждение большинства местных влиятельных кругов, не отделявших еще в то время русского населения от коммунистической власти, создал крупную организацию помощи голодающим. Много десятков вагонов с мукой и продовольствием, в сопровождении уполномоченного организации, дошли до Советской России, и сотни полученных оттуда благодарственных писем свидетельствовали, какое доброе дело было выполнено.

Обладая очень крупным состоянием, им самим созданным (И. А. Лопато был сыном простого крымского огородника), покойный никогда не имел сбережений.

На себя и семью он тратил сравнительно небольшую часть своих доходов; остальное шло на помощь стипендиатам, нуждающимся всякого рода, на помощь в Россию и т. д. Так было в Харбине, так продолжалось и во Франции. Светлая память о покойном сохранится навсегда у тех, кто сталкивался с ним. Зная Илью Ароновича, нельзя было не оценить этого редкого человека».

Горю нашему после смерти папы не было конца. Жизнь переменилась. Мы, трое детей, вдруг стали взрослыми.

Комментарии

Маршал Пилсудский — Пилсудский Юзеф (1867–1935), польский политический деятель, в 1919–1922 г. фактический диктатор страны. В 1920 г. руководил обороной Польши при попытке военной интервенции со стороны Советской России. В 1926–1928 гг. и в 1930 г. — военный министр, премьер-министр. Вильно и Виленский край входили в состав Польши в 1920–1939 гг.

Парижские «Последние новости» — одна из двух самых стабильных и влиятельных парижских газет первой волны русской эмиграции. Выходила в 1921–1940 гг. Тираж достигал 40 000 экз. Главный редактор — П. Милуков. Среди сотрудников и постоянных авторов — М. Осоргин, А. Бенуа, князь С. Волконский, генерал А. Деникин и др. Считалась либеральной по сравнению с другой, более консервативной газетой «Возрождение».

Ирина Юсупова

Глава восьмая

*Кодекс мелантности.
Последняя песня Плевницкой.
Князь Феликс Юсупов
и «Кирпичики». «Дур»,
«Доменик», «Мартьянович»
и «Шехерезада»*

Мой брат Володя учился в Оксфорде. Миша, самый старший из нас, уехал на два года в США, в Вирджинию, чтобы досконально изучить табачное дело.

Я оставалась в Париже с мамой и продолжала учиться.

Круг наших знакомств расширялся: очаровательная и богатая дама Ольга Маврикиевна Френкель, с которой мы встретились в Карлсбаде, уговорила меня приехать на неделю к ней в Стокгольм. Я гостила в особняке Френкель, мы ходили в оперу и на вечера. Сын Ольги Маврикиевны, Юрий, был в меня тогда влюблен.

В их доме я познакомилась с клавесинисткой Анни Дорфман, с известным дирижером Фридрихом Бушем (он был тогда директором оперного театра в Глинден-

Л. Лопато. 1930-е гг., Париж

бурге и уговаривал меня дебютировать в «Кармен»), с семьей посланника Ирана в Швеции. Посланник был женат на очень полной княгине Радзивилл и имел детей, Нинон и Додо. С Нинон я дружна до сих пор — в юности она была придворной дамой при дворе персидского шаха, а позднее, в течение долгого времени — представительницей Дома Диора в Тегеране.

В Париже я любила бывать на «четвергах» у Щукиных. Главы этого известного семейства, самого Сергея Ивановича Щукина, знаменитого в Москве начала XX века коллекционера и мецената, тогда уже не было в живых. Но его жена со своей сестрой (обе были очаровательные старушки) и дочка Щукиных Ирина (потом она вышла замуж за графа Келлера) своим гостеприимством сумели создать в небольшой парижской квартире в Отей настоящий обставленный в русском стиле и увешанный картинами салон, куда приглашали молодежь хороших фамилий.

По четвергам там кипел серебряный самовар, пили чай, ели вкусные пирожки, разговаривали, смеялись, пели и танцевали. У них бывали граф Татищев, граф Келлер, графы Толстые, князья Оболенские, баронесса Софья Энден, князь Мещерский, барон Андрей Вольф...

Однажды в гостях у друзей мы встретили даму необыкновенной красоты и элегантности, Альму Эду-

ардовну Полякову. Она была родом из Австрии, в молодости встретила знаменитого Полякова, строителя железных дорог, из московской династии банкиров Поляковых. Детей у них не было... В Париже она стала попечительницей русских инвалидов и одной из первых начала пропагандировать во Франции русскую моду.

Альма Эдуардовна жила на авеню Анри-Мартен в большой квартире, которая была очень удачно разделена на две части коридором. Мы с мамой после смерти папы жили в отеле «Мажестик», но хотели обосноваться где-то в другом месте. Мадам Полякова, услышав об этом, помолчала... и — предложила нам прийти на следующее утро к ней: «Может быть, вам там будет хорошо».

Мы пришли. Бывший генерал, уже довольно пожилой и седой, в белой куртке мажордома, открыл нам дверь и провел в салон с мебелью стиля «бидермейер» и большим роялем, с окнами, выходящими на авеню Мартен. Генерал начинал работать у Поляковой после первого завтрака и выполнял свои обязанности до конца дня. Жена генерала была дивной поварихой.

Вскоре мы переехали к Альме Эдуардовне, заняв две комнаты и гостиную.

Русский праздник в кабаре, 1920-е гг.

Здесь мне открылся новый мир. На каждом завтраке на авеню Мартен появлялись интересные люди — Феликс Юсупов, Бурбоны, Пьер де Фукиер — в прошлом дипломат, служивший в России; его дружба с Альмой Эдуардовной началась в Петербурге и длилась всю жизнь.

Де Фукиер, женатый на испанской аристократке, был отцом двоих замечательно красивых детей. Но несмотря на это и в Париже, будучи уже людьми весьма зрелых лет, они каждый день с Альмой Эдуардовной тайно встречались. И всегда это происходило в три часа дня.

С Альмой Эдуардовной жила ее мама, фрау Райе, королевского вида седовласая дама, сидевшая вечно в кресле, в бархатной жакетке с белым кружевным высоким воротником.

Вечера у г-жи Поляковой поражали необыкновенной смесью людей: артисты, художники, аристократы, пианисты, цыгане.

Всем было весело, и это веселье продолжалось ночи напролет.

Альма Эдуардовна очень привязалась к нам, брала меня с собою на все приемы и коктейли, где бывала, знакомила со светским и «кутюрным» Парижем (в тогдашних знаменитых Домах моды она была хорошо известна). И я до сих пор благодарна ей за все тонкости, которым она меня научила.

Альма Эдуардовна посоветовала мне, например, купить мое первое платье «от кутюр» у Магги Руфф.

Она помогла мне усвоить главное: женщина должна носить не просто красивые вещи, но те, которые идут именно ей. А для этого зеркало должно быть членом семьи! Это будет волшебное зеркало вашей души!

Все зависит от вашей манеры. Все должно выглядеть естественно, как будто не приложено ни малейшего усилия. И в то же время — так, чтобы окружающие не сомневались, что вы всегда в форме.

Чулки и туфли должны подходить к вашему наряду по цвету и по стилю. Это сочетание следует продумать. Цвета туалетов должны подходить к сегодняшнему тону вашего лица, вашей кожи. Шляпы и вуалетки всех моделей и форм много значат для женщины. В Париже тех лет самые элегантные шляпы выходили из рук мастериц домов Деска — Сюзи и Полетт. А вот от украшений, цветов на шляпе или меховой отделки зависит не так уж много...

Никогда не нужно носить чересчур узкое. Наоборот, все свободное и удобное, по мнению Альмы Эдуардовны, да и по-моему, — куда элегантней.

А в целом — элегантность прежде всего зависит от вашего воображения и вкуса.

Мы прожили на авеню Мартен два года. Я вспоминаю их с большим удовольствием. Альма Эдуардовна очень любила, когда я играла и пела на ее вечерах. Это доставляло удовольствие ее гостям. Один из Бурбонов как-то сказал: «Хочу вас съесть вместе с роялем!» — это было смешно и весело.

Альма Эдуардовна и в тогдашнем своем возрасте брала уроки балета и гимнастики у бывшей балерины Императорского балета Мариинского театра Алисы Францевны Вронской, которая одно время была солисткой труппы Анны Павловой.

Госпожа Полякова ее обожала. И предложила мне также брать у Вронской уроки сценического движения в ее студии в районе Пасси. Алиса Францевна поставила мне номер к романсу «Василечки»:

Помнишь, помнишь ту полянку,
Ярко солнышко, цветы,
На полянке спозаранку
мы гуляли, я и ты...

Этот номер имел успех. А много лет спустя Шарль Азнавур, неоднократно приходивший в мой ресторан, написал свою знаменитую песню «Богема», мотив которой подозрительно напоминает мои «Василечки»...

Алиса Францевна Вронская учила меня, как держаться на сцене, как подать жест публике, как правильно спеть самые важные слова в романсе.

У Альмы Эдуардовны бывала и певица Надежда Плевицкая, приезжавшая к ней домой в русском костюме и кокошнике (и, верно, в русском такси). В один из вечеров она спела гостям: «Помню, я еще молодущкой была...» Плевицкая решила передать эту песню мне. Уже на этих вечерах я чувствовала, что в Плевицкой была какая-то тайна, страшная тайна. Только потом мы узнали, что она была агенткой НКВД под кличкой «Фермерша».

Когда я видела Плевицкую в последний раз у Поляковой, ни я, ни кто-либо из гостей не мог предположить, что на следующий день все парижские газеты напишут об ее аресте и об исчезновении ее мужа, генерала Скоблина, сразу после похищения агентурой НКВД последнего председателя РОВСа генерала Миллера, — к чему, увы, Надежда Васильевна и Скоблин были действительно причастны.

Бедного Миллера, как мы помним, не видел больше никто и никогда. Скоблина, кажется, тоже.

Но Плевицкая расплатилась многолетним заключением во французской тюрьме и предсмертным покаянием.

Сами собой на память приходят слова «Молодушки», ее коронной песни:

К нам приехал на квартиру генерал,
Весь израненный, он жалобно стонал...

Русская баллада, в странном изломе, напророчила судьбу певицы:

Раскрасавец барин снился мне всю ночь...

Феликс Юсупов на одном из вечеров Альмы Эдуардовны предложил:

— Людмила, споем вместе «Кирпичики»? — и пригласил меня к себе.

Он был большой красоты человек, элегантный, курил сигареты из черного портсигара и при этом пудрил лицо. Однажды я случайно его застала за этим немужественным занятием.

В парижском доме Феликса и Ирины Юсуповых, в шестнадцатом аррондисмане Парижа, две большие комнаты были соединены в одну. Получилась студия — ее стены были обиты пробкой, чтобы не долетал уличный шум. У Юсуповых часто бывали вечера, очень веселые, с шумом, пеньем и цыганами — все это длилось до трех-четырёх часов ночи. Князь Юсупов отменно пел «Кирпичики», жалобную фабричную песню, очень популярную в России начала XX века:

На окраине где-то города
Я в убогой семье родилась,
Горе мыкая, лет шестнадцати
На кирпичный завод нанялась.
На заводе том Федьку встретила.
Лишь, бывало, слышу гудок —
Руки вымою и бегу к нему
В мастерскую, накинув платок...

Князь Феликс мраморными пальцами перебирал струны гитары, самозабвенно подыгрывая жестокому городскому романсу. Так, верно, кто-то из его предков,

екатерининских вельмож, восхищавших Пушкина, мог напевать «В островах охотник целый день гуляет...» — простонародную русскую песню своих времен.

И кутить, и петь князь Юсупов любил.

Может быть, это были два его любимых занятия...

Там бывало много гостей: Юрий Трубецкой, «князь» Мдивани, муж Барбары Хаттон, самой богатой женщины Америки, Волконский, прелестная Лиза Граббе (Феликс Юсупов к ней относился очень нежно) и художник Стеллецкий. Лиза в то время работала манекенщицей у знаменитого кутюрье Моллине, с нею мы потом часто встречались и долгое время были приятельницами.

Париж 1930-х годов был переполнен русскими всех сословий и всех профессий. Были русские церкви, театры, гимназии, скаутские отряды и лагеря, две крупные газеты — «Возрождение» и «Последние новости», русские Дома моды, русские шоферы такси. И кажется, уже тогда молодой Алеша Димитриевич пел на Монпарнасе своим хрипловатым, насмешливым голосом «Эмигрантское танго»:

Мы открывали где-то рестораны,
Изобрели какой-то аппарат,
Носили с голоду газетные рекламы —
в Константинополе! —
И жен своих сдавали напрокат.

Мой брат в Иркутске — сторожем в больнице,
Отец в Ирландии, в артели рыбаков,
Сестра газетчицей уж больше года в Ницце...

Десятки слушателей щурились и кивали в такт. То была воистину народная песня русского рассеяния — с издевочкой, забубенная, полная горькой гордости

за свое умение выживать и не сдаваться, вдруг обнаруженное в себе прекраснодушными и беспечными почтителями «Утра туманного» и «Пары гнедых»...

Здесь — все было куда как проще.

Так, как оно теперь было.

И родные в ссылке за Уралом имелись чуть ли не у каждой парижской семьи.

И аппаратов инженеры первой эмиграции поизобретали немало. Начиная с вертолета Сикорского и телевизора Зворыкина.

Об эмигрантских ресторанах — нечего и говорить.

В трех больших кафе на Елисейских полях («Триумф», «Колизей»... третье название теперь я запомнила) играли по вечерам русские оркестры или балалаечники. В определенное время, с пяти до семи вечера, выступали русские гитаристы и певцы.

Я любила ходить в русские рестораны: в самый старый из них (он назывался «Москва» и находился в Пасси), к «Корнилову», к «Мартьянычу», к «Яру», к «Доминику», в маленькие кафе, в кабаре...

Самыми знаменитыми были, пожалуй, «Доминик» на Монпарнасе и три кабаре — «Шехерезада», «Казанова» и «Флоранс».

Господин Доминик (Леон Аронсон), петербуржец, был известным театральным критиком. Писал о Станиславском, Мейерхольде и Варлаамове, в Париже в 1953 году учредил собственную театральную премию.

За свою долгую жизнь собрал блестящую коллекцию русской живописи, скульптуры и прикладного искусства. В его собрании были такие уникалы, как ключ от Петропавловской крепости, картины Коровина, Сомова, Бенуа и Анненкова.

Все это впоследствии, 15 ноября 1989 года, было продано с парижского аукциона «Друо» и попало в разные руки по обе стороны океана.

У Доминика, в его ресторане, расположенном между бульваром Монпарнас и Люксембургским садом, отменно кормили (особенно хороши были котлеты по-киевски и холодная осетрина). А еды в «Шехерезаде» я не помню вовсе: кабаре есть кабаре, даже если оно оформлено таким художником, как Борис Билинский. И если там начинали пить шампанское, то уж ничего не соображали: музыка звучала, головы кружились, и до сочности киевских котлет никому не было никакого дела... Даже гурманам.

В «Казанове» весь декор был в стиле рококо: белые кресла «луи-кенз» с голубой обивкой. И казалось, целый мир тогда хотел попасть к нам: герцог и герцогиня Виндзорские, коронованные и свергнутые монархи, знаменитые артисты...

Комментарии

Фридрих Буш (1890–1951) — немецкий дирижер и пианист, в 1922–1933 гг. руководил Дрезденской оперой, способствовал возрождению в Германии интереса к музыке Верди. После прихода к власти Гитлера эмигрировал, дирижировал в театрах Буэнос-Айреса, Стокгольма, Копенгагена. В 1947 г. принял подданство Аргентины.

Граф Татищев — Дмитрий Сергеевич Татищев (1898–1972), поручик лейб-гвардии Преображенского полка.

Граф Келлер — Александр Федорович Келлер (1883–1974), муж Ирины Щукиной.

Баронесса Софья фон Энден — Софья Николаевна фон Энден (1914–1976).

Князь Мещерский — Мещерский Николай Петрович (1905–1966).

«Бидермейер» — от нем. Biedermeier, стиль немецкой, австрийской живописи, графики и декоративного искусства, дизайна 1820-х — 1840-х гг. Для этого стиля характерна трансформация наследия стиля «ампир» в более камерном, уютном, пасторально-интимном духе. Стиль имел свои аналоги в искусстве Франции и России.

Магги Руфф — настоящее имя Магги Безансон де Вагнер (1896–1971), французская художница-модельер и писательница. Открыла свой Дом моды в 1929 г., руководила им до 1948 г. Передала руководство фирмой своей дочери. Магги Руфф называли «архитектором высокой моды», в ее моделях были всегда примечательны смелая асимметрия кроя и высочайшее качество техники. Выпустила в начале 1930-х гг. книги очерков «Америка под микроскопом» и «Философия элегантности».

Полетт — известная парижская шляпница 1930-х — 1960-х гг. В 1929 г. открыла в Париже маленькое «шляпное дело», впоследствии расширенное. В 1950-х гг. начала работать для кино, сделала, в частности, шляпы для Одри Хепберн в фильме «Моя прекрасная леди». Создавала шляпы для коллекций Дома Диора, Шанель, Тьерри Мюглера, Унгарро, Ж.-Л. Шерера. Среди ее клиентов были баронесса Ротшильд, г-жа Помпиду, г-жа Жискард д'Эстен. В 1974 г. была награждена орденом Почетного легиона. Ее творчеству была посвящена посмертная персональная выставка в Парижском музее моды и костюма во дворце Гальера.

Алиса Францевна Вронская (1897–1992) — балерина, педагог. В 1914 г. солистка балета Мариинского театра, в 1919 г. — труппы Дягилева, позднее — парижских трупп «Опера комик», «Водевиль» и др., участница труппы Анны Павловой. С 1930 г. руководила балетной студией в Париже и небольшой труппой «Балет Вронской». В 1950-х — 1970-х гг. продолжала педагогическую деятельность в Швейцарии.

Плевицкая — урожденная Винникова, Надежда Васильевна (1884–1941), исполнительница русских народных песен.

В 1910-х гг. пользовалась громкой славой. В годы Гражданской войны Плевицкая находилась то по одну, то по другую линию фронта. В 1921 г. в Галлиполийском лагере Добровольческой армии вышла замуж за генерала Скоблина. С 1922 г. выступала в Париже (в ресторане «Большой московский эрмитаж»), успешно концертировала в Европе и США. В 1937 г., после похищения генерала Миллера, последнего председателя Российского общевойскового союза, основанного бароном Врангелем, исчез и Скоблин, муж певицы. В ходе громкого процесса было доказано, что Скоблин организовал похищение Миллера по заданию НКВД, а Плевицкая принимала в этом участие. Суд приговорил ее к 15 годам каторжной тюрьмы. Скончалась в заключении. Перед смертью признала свою вину. Судьба Плевицкой и «дело Миллера» субъективно, но очень ярко описаны в новелле В. Набокова «Ассистент режиссера» (1943).

Трубецкой — Юрий Александрович (р. 1935), юрист.

«Князь Мдивани», муж Барбары Хаттон — Мдивани Алекси Захариевич (? –1935), сын генерала Мдивани, губернатора Батума. В США был женат на одной из наследниц семейства Астор, вторым браком на Барбаре Хаттон, наследнице крупнейшего состояния Вулвортов. Его брат Сергей был мужем знаменитой киноактрисы Пола Негри, а позднее — оперной певицы Маккормик, другой брат, Давид — мужем звезды немого кино Мей Мюррей. Сестра Алекси, Русудана, была второй женой известного в начале XX в. испанского художника Хосе-Мариа Серта (1876–1945). Поэтичная и авантюрная, полумифическая история этой семьи описана в мемуарах Мизиа Серт — вдохновительницы поэтов-символистов, художников-импрессионистов и Дягилевского балета: «Рассказывают, что когда генерала Захария Мдивани по телефону называли князем, он отвечал: “Вероятно, вам нужен кто-нибудь из моих сыновей?” Старый Мдивани любил говорить, что он единственный в мире человек, получивший титул по наследству от своих детей».

Художник Стеллецкий — Стеллецкий Дмитрий Семенович (1875–1947), живописец, скульптор, иконописец, художник по фарфору. В 1900-х гг. приобрел известность как мастер, сумевший соединить наследие допетровской Руси и эстетику модерна. Его иллюстрации к «Слову о полку Игореве» (1900–1906) приобрела Третьяковская галерея по рекомендации В. Серова. Работал как сценограф в Мариинском и Александрийском театрах. В 1920-х гг. жил на Юге Франции, писал стилизованные полотна, создал цикл портретов юношества «первой эмиграции». Для заработка расписывал виллы на Лазурном берегу. В 1925 г. стал одним из учредителей общества «Икона». В 1925–1927 гг. возглавлял работы по росписи храма на Сергиевском подворье в Париже. В 1930-х гг. писал иконы для православных храмов Франции, Болгарии, Югославии. Принял деятельное участие в создании Русского культурно-исторического музея в Праге.

Молине — Молине Эдвард (1891–1974), модельер, ирландец по происхождению. Начал карьеру в Лондоне в качестве иллюстратора, в годы Первой мировой войны был офицером английской армии. В 1919 г. открыл свой Дом моды в Париже, на rue Ruaiаль, в 1924–1932 гг. отделения фирмы появились в Монте-Карло, Каннах, Биарицце и Лондоне. Считался одним из самых изысканных и рафинированных парижских дизайнеров одежды 1930-х гг. Закрыв фирму в 1950 г., пытался возвратиться к созданию коллекций «от кутюр» в 1965 г., но без большого успеха.

«Возрождение» — крупнейшая, наряду с «Последними новостями», газета довоенного русского Парижа. Выходила в 1925–1940 гг. Издатель — А. Гукасов, нефтепромышленник и общественный деятель. Главный редактор в 1925–1927 гг. — П. Струве, позже — Ю. Семенов. Среди сотрудников и постоянных авторов — И. Ильин, В. Ходасевич и др.

Доминик — настоящее имя Леон Аронсон (1893–1984), театральный критик, собиратель русской живописи и предметов прикладного искусства, с 1928 г. владелец русского ресторана в районе Монпарнаса, существующего доныне.

Варламов — Варламов Константин Александрович (1848–1915), легендарный комический актер Александрейского театра.

Сомов и Анненков — Сомов Константин Андреевич (1869–1939), Анненков Юрий Павлович (1889–1974), русские художники.

Билинский — Билинский Борис Константинович (1900–1948), художник театра и кино. Сын генерала русской армии. Эмигрировал в 1920 г. В Берлине 1920-х гг. изучал режиссуру и сценографию, принадлежал к последователям Макса Рейнхардта, был декоратором театра-кабаре «Синяя птица». В Париже 1920-х — 1930-х гг. работал как художник для балетной труппы Б. Нижинской, «Русского балета Монте-Карло», Театра Елисейских полей, парижской Русской оперы, много работал в кино. В 1934 г. расписал кабаре «Шехерезада». Участник многих художественных выставок в Париже и Лондоне (1937 г. — золотая медаль Всемирной выставки в Париже). В 1940-х гг. жил в Италии, сотрудничал с театром «Ла Скала» и киностудией «Титанус».

Герцог и герцогиня Виндзорские — в декабре 1936 г. король Великобритании Эдуард VIII (1894–1972) отрекся от престола, передав корону брату, чтобы получить возможность жениться на американке Уоллис Уорфилд Симпсон (1896–1986). С 1937 г. экс-король носил титул герцога Виндзорского.

*Манекеница Тея Бобрикова в модели вечернего платья
собственного Дома моды «Катрин Парель». Париж, 1930-е гг.*

Глава девятая

Иза Кремер, Нюра Масальская, Юрий Морфесси. Русские манекенщицы в парижских Домах моды

Русская музыка часто звучала в Париже 1930-х. Приезжали артисты первой волны эмиграции из разных стран, было много концертов и театральных постановок. Помню, как замечательно держался на сцене Вертинский: я была на его последнем парижском концерте. Я видела и слышала нежную, очень артистичную Изу Кремер. Она выступала в приталенном черном платье и пела «Мадам Лупу» и «Черного Тома». Это было в зале Гаво, в Париже, и концерты собирали много народу. Иза была среднего роста, слегка полноватая, носила глубокие декольте...

Меня учил цыганским романсам Володя Поляков, а его брат Сергей мне аккомпанировал (теперь Сергей очень известен как художник, его картины продаются за миллионы франков). Конечно, знаменитые в 1920-х — 1930-х годах исполнительницы романсов особенно при-

*Константин Непо. «Девушка в боярском костюме».
Париж, 1930-е гг. Из собрания А. Васильева, Париж.*

тягивали меня: то было и восхищение, и робкое, чуть ревнивое профессиональное любопытство.

Русских певиц тогда в Париже было много, лучшей цыганской певицей считалась Нюра Масальская (она учила цыганской манере и меня). Нюра замечательно исполняла «Калитку» и имела колоссальный успех в «Пуассон д'Ор» на Монпарнасе. Там пели и все Димитриевичи, да и вообще — чудесный был ресторан. Нюра была матерью довольно известного впоследствии в русском Париже актера и художника Константина Непо. Но в 1930-х Костя, будущий мой партнер по сцене, был еще мальчиком. А его мама — роковой звездой!

Нюра блистала, как положено настоящей звезде. Выступала в черном или темно-синем бархатном платье. Я давно поняла, еще в юности, что после нее «Калитку» нельзя петь никому.

Я «Калитку» никогда и не пела...

В то время в «Шехерезаде» пел Манук Ашим-хан, сын бывшего иранского посла в России. Случилось так, что на своем концерте он исполнял «Две гитары» — и упал мертвым на эстраде.

Он был огромного роста, с моноклем в глазу, настоящий барин, с изумительным тенором. Слушать его было удовольствием. Он жил с русской певицей Миррой, которая тоже, как и я, училась у Медеи Фигнер.

Я помню не только парижских, вошедших в легенду, но и несправедливо забытых харбинских исполнителей «песенок настроения», как говорили тогда. Особенно — Александра Кармелинского (он уехал в СССР в 1930-х и сгинул без следа).

Но в Париже слух притягивал Морфесси.

Юрий Морфесси пел «Вам девятнадцать лет» и «Ах, эти черные глаза меня пленили». Он выступал в кафе на Больших бульварах (точнее, на площади Мадлен) с четырех до пяти часов, и мы бегали его слушать. С ним в программе работала русская певица. Не помню ее имени, но волосы у нее были восхитительные: натуральная блондинка, косы просто сияли, как бы ни были уложены! Она пела «Гайда, тройка, снег пушистый...», «Замело тебя снегом, Россия...» и «Колокольчик однозвучный».

А Морфесси был знаменит романсом:

Она казалась елочной игрушкой
В оригинальной шубке из песцов,
Прелестный ротик, маленькие ручки,
Такой изящной феей дивных снов!
Она казалась розовой пушинкой,

Когда мы повстречались на катке.
Она в ту ночь... приснилась мне снежинкой,
Волшебницей, Снегурочкой во сне.
И я — влюблен,
И я — влюблен,
И засыпая, шептал:
«Моя снежинка, моя пушинка,
Моя царица дивных грез!
Моя Снегурочка, моя волшебница,
К твоим ногам я б жизнь принес!»

А через год — она уже невеста,
И мы должны расстаться насовсем,
О как же плакал я! Как в этом мире тесно!
Зачем так сделалось, Снегурочка? Зачем?
Ведь это так нелепо и так низко,
Ведь ты его не любишь... Ты — моя!
И плачет маленькая, бедненькая киска:
«Нельзя, мой мальчик! Я должна, должна!»
И я ее утешал и тихонько целовал:
«Не плачь, снежинка, не плачь, пушинка,
не плачь, царица моих грез!
Не плачь, Снегурочка!
Не плачь, волшебница!
К твоим ногам я б жизнь принес!»

И вот — свершилось. Ты — уже чужая.
И мы должны расстаться навсегда.
О как же плакал я! О девочка родная!
Зачем так сделалось, Снегурочка моя?
Тебе — мое последнее желанье:
Как я любил, пусть любит он тебя!
И шлю тебе мое последнее прощанье,
Кончая жизнь, Снегурочку любя!
И он любил, и он страдал. Умирая — шептал:

«Прощай, снежинка! Прощай, пушинка!
Прощай, царица дивных грез!
Прощай, Снегурочка!
Прощай, волшебница!
К твоим ногам я жизнь принес!»

Не смогла удержаться — привела здесь целиком текст этой песенки: теперь ее никто уж не помнит, а тогда — пел весь русский Париж...

Так как я часто выступала на благотворительных вечерах, то знала многих.

Русские балы были очень шикарны, устраивали их в больших залах (в отеле «Георг V» или в «Серкль Антера-лье»). Дамы приходили в вечерних платьях, мужчины — в смокингах: великие князья, князья Оболенские и Голицыны, графы Татищевы и Толстые, русские балерины, много художников: Коровин, Бонуа, Серебрякова, Терешкович, Ван Донген, Билибин, декоратор Эрте. Много позже у меня в собрании была картина Коровина «Три богатыря», подаренная княгиней Зинаидой Романовской, урожденной Рашевской, женой Великого князя Бориса Владимировича. Я очень любила эту картину. Любила и живопись Константина Терешковича — художника скорее европейского, чем русского по стилю. У меня было его полотно «Скачки».

Корнелиус Ван Донген, голландский художник, очень знаменитый в Париже 1910-х — 1930-х годов, был влюблен в молодую художницу Ариадну Гедеонову, парижскую русскую красавицу, получившую первый приз на конкурсе «Мисс Россия». Как почти все парижские русские красавицы 1920-х — 1930-х годов, Ариадна происходила из старинной высококультурной семьи: ее дед С. А. Гедеонов был драматургом и директором Императорских театров при Александре II.

Позже Ариадна вышла замуж за Пьера Пате, студента, наследника французской киностудии «Пате». После их свадебного банкета 25 ноября 1937 года, в Пасси, на котором я тоже была, жених сказал: «Я сейчас вернусь, я должен купить сигареты» — и исчез навсегда. В газетах поднялось большое волнение. Позже Пьер Пате нашелся и дал Ариадне развод, великодушно определив ей содержание в 1500 франков в месяц (что было много для тех лет —

*Манекенщица и актриса, княжна
Наталья Палей. Голливуд, 1930-е гг.*

рядовая манекенщица получала 300).

Ариадна стала писать в журналы и вскоре оказалась знакома со всем Парижем. Очень сильная женская натура, отчаянного характера, она к тому же была высокая, с белокурыми косами, настоящая русская красавица, окруженная бесчисленными поклонниками.

На балах вручали призы за элегантность: давали иногда и мне — я всегда старалась. Я любила платья, шляпы, духи. Меня с восемнадцати лет узнавали по запаху духов, всегда одних и тех же — «Мицуко» Герлена. «Ношу» их и до нынешнего дня — теперь этот запах напоминает мне столько радостных, горьких, блестящих вечеров по обе стороны океана...

Так скапливаются воспоминания в драгоценностях, которые получаешь в дар или в наследство очень

юной — и носишь всю жизнь. Для меня теперь капля этих вечных духов Герлена — уже архив, уже мемуары.

Увы, они неуловимы. Только я могу их прочесть. Они рассеиваются в теплом темнеющем воздухе над морем.

Много лет спустя я написала романс — вернее, стихи без музыки:

Между нами нити голубые
Запутались и завязались кольцом.
Клятвы беспредельные, святые.
Розы красные кругом.
Плед пушистый был засыпан весь цветами,
Два бокала на полу...

Эти стихи я исполняла с эстрады — декламировала под скрипку. И слушатели говорили, что их брало за душу соло скрипки — дрожащей, заблудившейся, мечтательной, чуть хмельной. Кто-то из моих друзей, услышав запись этого романса, сказал: «Вот уж... скрипка с прононсом роковой женщины!»

Стихам и мелодии в ту пору было уж сорок лет.

И меня саму давно в этом сюжете волновало именно его эхо — соло скрипочки...

В Париже 1930-х, в легендарных Домах моды — «Шанель», «Скиапарелли», «Моллине», «Ланвен», «Пакен», «Пату», «Нина Риччи», «Люсьен Лелонг», «Магги Руфф» — работало много русских манекенщиц. Из них самой знаменитой, вероятно, была Натали Палей — младшая дочь великого князя Павла Александровича. Она стала впоследствии женой кутюрье Люсьена Лелонга и киноактрисой, а также прототипом манекенщицы Наташи — трагической героини романа «Тени в раю» Э.-М. Ремарка, близкого друга Натали.

Исключительно хороша собой, сдержанна и всегда как-то печальна была графиня Лиза Граббе. Она сперва

работала в Доме «Шанталь», а потом у Моллине. В замужестве княгиня Белосельская-Белозерская, на парижские подиумы 1920-х годов она выходила под фамилией мужа, сохраняя титул княгини. А после развода вернулась к девичьей фамилии.

Мэри Перевощикова (в будущем — жена Люсьена Тесье, богатейшего, но малоприятного человека, владельца отеля во Флоренции) в предвоенное время свела с ума американского миллионера Поля Гетти, который изрядно на нее потратился, несмотря на то что по природе своей был очень скупым человеком.

Мэри Перевощикова покупала для Гетти старинные картины, которые стали затем частью его музея в Калифорнии. Она была знатоком и ценителем антиквариата. А ее отец в эмиграции был гидом по дворцам во Флоренции.

У Мэри было двое детей от Тесье, сын и дочь. Первый муж дал ей развод для брака с Полем Гетти, который, увы, никогда не состоялся.

Мать и тетушка Мэри Перевошиковой были изумительными людьми. Марья Алексеевна, тетушка Мэри, директриса Дома моды «Пакен», была нашим большим другом. Настоящая русская аристократка во всей своей красоте. Светлая личность! Очень скромная, но... Верно, так выглядела Татьяна Ларина, когда стала княгиней. У тетушки были дочери, которые позже работали в редакции журнала *Vogue* в Нью-Йорке. Одна из них вышла замуж за грузинского князя и часто бывала у меня в ресторане.

Русские красавицы, работавшие в парижских Домах моды, были уникальными личностями, жизнь каждой из них удивительна и достойна долгого описания.

Все «большие дома» жили в вечной атмосфере праздника: собирались элегантные дамы, смотрели модели, выбирали себе платья...

Конечно, это стоило дорого — но в те годы и мы с мамой иногда могли себе такое позволить.

Комментарии

«*Мадам Лулу*» и «*Черный Том*» — песни на слова и музыки Изы Кремер, чрезвычайно популярные в России 1910-х гг., а позднее в эмиграции.

«*Калитка*» — «Лишь только вечер затеплится синий...», романс А. Обухова на слова А. Будищева.

«*Пуассон д'Ор*» на *Монпарнасе* — «Золотая рыбка» — ресторан, принадлежавший семье цыганских певцов и музыкантов Дмитриевичей.

Непо — настоящая фамилия Непокойчитский, Константин Константинович (1914–1976), художник, актер. Сын известной цыганской певицы Нюры Масальской. В Париже одно время учился живописи у Анри Дерена. Портретист, сценограф. Персональные выставки прошли в Париже, Лондоне, Риме. В 1940-х, совместно с «мирискусником» кн. А. Шервашидзе, оформлял балетные спектакли С. Лифаря. Снимался в кино, играл в театре, выступал с пением под гитару в кабаре.

Володя Поляков — Поляков Владимир Георгиевич (1885–1979), певец, гитарист. Из знаменитой в России конца XIX — начала XX в. семьи цыганских музыкантов Поляковых, племянник певицы Насти Поляковой.

Владимир Поляков и его брат Сергей начали выступать в 1916 г. в семейном хоре, в московском ресторане «Яр», под руководством дядюшек Егора и Дмитрия. В 1919 г. уехали в эмиграцию вместе с Настей Поляковой, были ее аккомпаниаторами. Владимир Поляков пел в кабаре Константинополя, в 1923 г. переехал в Париж, где поступил в хор Дмитрия Полякова. С 1924 г. пел в «Кавказском погребке», «Тройке», «Московском эрмита-

же», «Нови», «Золотой рыбке», «Монте-Кристо» и «Русском дворце». В конце жизни выступал в кабаре «Царевич». Первый диск записал только в 1979 г., о чем остается лишь пожалеть: слушателя 94-летнего певца поражают голос, страсть и артистизм исполнения. Каков же он был в молодости!..

Сергей — Поляков Сергей Георгиевич (1900–1969), художник. В Париже 1920-х — 1950-х гг. зарабатывал на жизнь игрой на гитаре в русских кабаре. В то же время участвовал в художественных выставках, сблизился с В.В. Кандинским и Соней Делоне. Тяготел к абстракционизму. В конце 1950-х гг. началась мировая слава Полякова-живописца. Только в 1963–1964 гг. его выставки прошли в 20 крупных городах Европы. Получил премии ряда международных бьеннале. В 1970 г. посмертная ретроспективная выставка прошла в Национальном музее современного искусства Парижа.

Манук Ашим-хан (? –1946) — сын бывшего персидского посланника в Петербурге. В эмиграции — певец, исполнитель цыганских романсов.

«*Две гитары*» — романс И. Васильева на стихи А. Тригорьева «Цыганская венгерка».

Юрий Морфесси — Морфесси Юрий Спиридонович (1882–1957), певец, дебютировал в одесском Оперном театре, пел в оперетте в Киеве, Москве, Петербурге, затем посвятил себя эстраде; исполнитель цыганских романсов, с 1918 г. в эмиграции в Париже, часто гастролировал по Европе.

«*Ах, эти черные глаза меня пленили...*» — танго Оскара Строка из репертуара Юрия Морфесси.

«*Замело тебя снегом, Россия...*» — слова П. Баторина, музыка А. Николаева. Любимая песня Добровольческой армии. Из репертуара Надежды Плевицкой.

«*Колокольчик однозвучный*» — романс А. Алябьева на стихи А. Пушкина «Зимняя дорога».

«Она казалась елочной игрушкой

В оригинальной шубке из песцов...» — романс из репертуара А. Вертинского. Исполнялся Кармелинским в Харбине.

Серебрякова — Серебрякова Зинаида Евгеньевна (урожденная Лансере, 1884–1967), художница.

Терешкович — Терешкович Константин Андреевич (1902–1978), художник. В эмиграции с 1920 г. Дружил с М. Ларионовым, М. Шагалом. Испытал влияние экспрессионизма. В 1920-х — 1930-х гг. участник многих художественных выставок. С 1930 г. создавал цикл портретов друзей-художников: Брака, Дерена, Руо, Утрилло, Ильязда, Сутина. В 1949 г. основал группу «Поэтическая реальность». В 1940-х — 1970-х гг. Терешкович работал как керамист, книжный график, живописец, создал серии литографий. Картины его представлены в крупнейших музейных собраниях Европы.

Ван Донген — Ван Донген Корнелиус, Кеес (1877–1968), знаменитый голландский художник-фовист, с 1929 г. жил во Франции.

Билибин — Билибин Иван Яковлевич (1876–1942), книжный график, театральный художник, акварелист. Яркий, своеобразный стиль Билибина сочетал в себе черты модерна, архаический русский колорит, затейливую орнаментальность. В 1917 г. — последний председатель объединения «Мир искусства».

Княгиня Зинаида Романовская, урожденная Рашевская, жена великого князя Бориса Владимировича — Борис Владимирович (1877–1943), второй сын великого князя Владимира Александровича (1847–1909) и великой княгини Марии Павловны-старшей (1854–1920), генерал-майор императорской свиты, главнокомандующий казачьими войсками. Младший брат великого князя Кирилла Владимировича (1876–1938), ставшего в эмиграции в 1920-х гг. местоблюстителем русского престола. Рашевская Зинаида Сергеевна (1898–1964) первым браком была замужем за купцом Елисеевым, в 1919 г. в Генуе вышла замуж за великого князя Бориса Владимировича.

Конкурс «Мисс Россия» — проходил в Париже с 1928 г. под эгидой журнала «Иллюстрированная Россия». Победительница эмигрантского конкурса допускалась к участию в конкурсе «Мисс Европа». В жюри в разные годы входили Н. Тэффи, О. Преображенская, Е. Рощина-Инсарова, А. Курприн, С. Лифарь.

С. А. Гедеонов был драматургом и директором Императорских театров при Александре II — князь Гедеонов Степан Александрович (1815–1878), драматург, искусствовед, историк. Соавтор А. Н. Островского в драме «Василиса Мелентьева». В 1867–1875 гг. был директором Императорских театров. Автор капитального труда «Варяги и Русь», почетный академик. В 1863–1878 гг. — директор Эрмитажа, где провел реорганизацию экспозиции. Ранее, служа в Риме, приобрел для Эрмитажа много редкостей времен античности и Ренессанса. Директором Императорских театров в 1833–1858 гг. был и отец С. А. Гедеонова, прадед Ариадны Гедеоновой — Александр Михайлович.

Киностудия «Пате» — была основана в 1895 г. Шарлем Пате (1863–1957), сказавшим о себе: «Не я изобрел кино, но благодаря мне оно стало производством». Начав с первых видовых немых фильмов, среди которых знаменитая лента «Приготовление парижанки ко сну», студия «Пате» финансировала комедии Макса Линдера, создавала первые научно-популярные фильмы, превратилась в империю «Пате-Синема», а затем «Пате-Консорциум-Синема». Шарль Пате правил своей империей почти безраздельно вплоть до смерти в 1957 г.

«Мишуко» Герлена — духи, выпущенные знаменитой парижской парфюмерной фирмой в 1921 г.

Шанель — Шанель Габриель (1883–1971), французский модельер-дизайнер.

Скиапарелли — Скиапарелли Эльза (1890–1973), французская художница-модельер 1930-х — 1950-х гг., итальянка по происхождению, владелица Дома Скиапарелли (1934–1954).

Ее модели, отмеченные тонким чувством цвета, экстравагантно-стью, безупречной формой, влиянием сюрреализма, противопоставляли стилю Габриэль Шанель. Предвоенные годы истории моды часто называют «эпохой Скиапарелли».

Ланвен — Ланвен Жанна (1867–1946), французская художница-модельер. Основала свой Дом моды в Париже в 1890 г. Приобрела известность в начале XX в. разработкой моделей элегантной одежды для юных матерей и их маленьких дочерей. «Музой» модельера была ее дочь Мари-Бланш; позднее фирменным знаком Дома моды «Ланвен» стал силуэт дамы, ведущей за руку девочку, — рисунок был выполнен известным художником эпохи ар-деко Полем Ирибом. В годы «между двумя войнами» эта марка принадлежала к числу самых почитаемых. С 1925 г. выпускались и духи фирмы «Ланвен». В моделях Дома моды «Ланвен» использовались вышивка, мотивы народного костюма. До начала 1960-х гг. оставался в числе домов от кутюр, затем перешел к производству одежды прет-а-порте.

Пакен — Пакен Жанна (1869—1936), французская художница-модельер. Совместно с мужем Исидором Пакеном создала в Париже Дом моды (1891–1956), имевший в первой трети XX в. всемирную известность и высочайшую репутацию. Филиалы фирмы существовали в Англии, США, Испании, Аргентине. «Пакен... все самое роскошное, самое грациозное, самое элегантное и самое парижское — в одном слове!» — писала газета *Le Figaro* в начале 1910-х. Особенно знаменитой стала коллекция Жанны Пакен «Танго» (1914), совершившая переворот в высокой моде.

Пату — Пату Жан (1880–1936), создатель парижского Дома моды (1919–1987), оказавшего наибольшее влияние на моду в 1920-х — 1930-х гг. Внес яркий вклад в создание нового образа женщины — более спортивной, эмансипированной и энергичной. Стиль его моделей отличался обманчивой простотой, лаконизмом, использованием трикотажа, джерси. Пату можно считать основателем «спортивного стиля» в моде.

Нина Риччи (1883–1970) — модельер. С 1905 г. начала работать как дизайнер изысканной женской одежды. В 1932 г. основала фирму в Париже. В 1945 г. руководство фирмой перешло к ее сыну Роберу (1905–1986).

Люсьен Лелонг (1889–1958) — французский кутюрье и промышленник. Его Дом моды (1910–1948) был весьма известен в 1920-х — 1930-х гг. Среди молодых художников, работавших над его коллекциями, были Робер Пиге, Кристиан Диор, Пьер Бальмен. Выпустил также 27 сортов духов. Первым из парижских кутюрье создал линию прет-а-порте. В 1937–1947 гг. — президент Парижского синдиката высокой моды. Орденосный офицер Первой мировой войны, в годы Второй он открыто и успешно противостоял попытке оккупационных германских властей перевести парижские Дома от-кутюрье в Вену и Берлин.

Натали Палей — княжна Палей Наталия Павловна (1905–1981), манекенщица, фотомодель, киноактриса. Дочь Великого князя Павла Александровича (1860–1919) от второго брака с О.В. Пистолькорс. В годы революции, после расстрела мужа и 19-летнего сына, поэта Владимира Палея, мать Наталии с младшими детьми бежала из России. В конце 1920-х гг. в Париже Н. Палей вышла замуж за кутюрье Люсьена Лелонга. В середине 1930-х гг. Н. Палей уезжает в США. Среди ее друзей были Ж. Кокто, С. Лифарь, М. Дитрих.

Мэри Перевощикова — парижская манекенщица 1930-х гг.

Поль Гетти — Гетти Жан-Поль (1892–1976), один из богатейших людей мира, владелец более 200 концернов. Меценат. Основатель Музея изящных искусств на «Римской вилле» в Малибу (Калифорния, США).

Л. Лопато в модном пальто и обуви на платформе. США, 1940-е гг.

Глава десятая

Очень красивый мальчик Никита из пансиона в Жуан-ле-Пен. Наша свадьба. Переезд в США

Я писала уже о своей первой, детской поездке на Лазурный берег, о пансионатах, где жили русские кинозвезды и артисты балета, ставшие нашими милыми друзьями в то лето. Вскользь я упомянула и о мальчике Никите Гурвиче, который носил короткие брюки и краснел, проходя мимо меня.

Прошло много лет. Мы с мамой куда-то ехали на поезде. В купе вошел молодой человек, представился. Его имя показалось мне знакомым. И Никита — а это был он — напомнил, что мы знакомы со времен пансиона в Жуан-ле-Пен.

Я спросила: «Хотите шоколаду?» Он засмеялся: «Да, спасибо, но я должен выйти сейчас на станции — у меня там деловое свидание, переговоры о постановке пьесы».

Мы обменялись адресами. Через какое-то время Никита прислал мне билеты в театр Сент-Антуан, на спектакль «Марго дю Баталлион» (он, как выяснилось, и на-

писал эту пьесу, и сам ее поставил). Я не хотела идти, но брат Володя уговорил: он слышал где-то, что спектакль чудный. И действительно: в нем играли Пьер Брассер и Даниэль Дарье, все актеры были молодые, пьеса Никиты шла с большим успехом...

Даниэль Дарье в 1930-х гг. стала одной из самых знаменитых французских киноактрис. Популярна была

*Киноактриса Даниэль Дарье.
Париж, 1938 г.*

«Катя» (1938) режиссера Турнера, где она сыграла юную княжну Екатерину Долгорукую, будущую княгиню Юрьевскую, морганатическую супругу императора Александра II. Художником фильма был Юрий Анненков, а финансировал ленту мой будущий свекор Абрам Гурвич (Гарвич в английском произношении).

Не менее успешной была и главная роль в фильме «Майерлинг» (1936) «русского голливудца» Анатолия Литвака, с Шарлем Буайе в главной роли, где Дарье сыграла возлюбленную австрийского эрцгерцога. В «Майерлинге», ставшем классикой, но теперь изрядно забытом, снимались также артисты Русского балета — солистка Дягилевской антрепризы Вера Немчинова и ее муж Обухов (они были большими друзьями Гурвичей в Нью-Йорке), солистка труппы Анны Павловой Нина Кирсанова и молодая Та-

тьяна Лескова, солистка «Русского балета полковника де Базиля».

Это единственный фильм, где можно увидеть воочию танцоров Русского балета.

После премьеры счастливый Никита попросил разрешения звонить мне. Позвонил. Я как раз собиралась на четверг к Щукиным, пригласила его с собой. Потом мы вновь расстались; но зимой 1936 года мы с мамой поехали в Сестриер, в самый высокогорный отель Италии, только что открытый. По дороге мы потеряли чемодан, он каким-то образом оказался в соседнем отеле «Герцог д'Аоста». Поскольку туда только что приехала семья Никиты, владельцы гостиницы отдали «русский багаж» им.

В номере гостиницы раздался телефонный звонок, и голос Никиты сказал: «Чемодан у нас, Людмила».

Мы снова встретились. И больше не расставались.

Летом 1929 года, в Жуан-ле-Пен, проходя мимо краснеющего Никиты, я всегда думала: «Какой красивый мальчик!»

Никита был не только дивно красив, но и талантлив: он говорил на четырех языках, в Париже окончил два факультета, совсем молодым написал и поставил пьесу, позже сделал по ней фильм.

*Балерина Большого театра
Александра Болашова.
Москва, 1910 г.*

Родители его жили в Этампе, недалеко от Парижа — там они купили усадьбу с замком, старинным парком, теннисными кортами, фруктовым садом и даже речкой,

Ингрид Бергман. Голливуд, 1960-е гг.

протекающей через сад. В чистой воде реки водилась форель.

Отец Никиты, Абрам Рафаилович, владел студией «Луна-фильм». Там занимались и производством кинокартин — но главным образом их дистрибуцией. Бюро студии располагались в Париже, Марселе и Брюсселе. Мать Никиты, Тамара Аполлоновна, происходила из рода польских князей Кацюцевич-

Шафранец. Я очень любила ее и сестру Никиты, Натасу — талантливую, красивую девочку.

Тамара Аполлоновна была очень музыкальна: в юности, в Москве, она много лет брала уроки у Надежды Яковлевны Брюсовой, сестры поэта. Госпожа Брюсова была очень известным и очень строгим педагогом.

Помню по семейным рассказам, что незадолго до революции Надежда Яковлевна поставила в Москве любительский спектакль, оперу Н. А. Римского-Корсакова «Кощей Бессмертный». Моя будущая свекровь пела там партию Кощеевны, а будущий свекор — Царевича.

Г-н Гурвич, молодой и энергичный, занимался в пред-революционные годы организацией концертов в Колонном зале Благородного собрания. В их московском доме бывали С. А. Кусевицкий и его супруга, урожденная Ушкова, дочь купца-миллионера, отдавшего немалую часть капиталов на просветительскую и издательскую деятельность знаменитого зятя-музыканта. У Гурвичей бывала балерина Александра Балашова, молодые актеры Художественного театра — Ольга Чехова, Григорий Хмара.

Надежда Яковлевна Брюсова мечтала создать в Москве, при Университете Шанявского, бесплатную народную консерваторию. Гурвичи были ее деятельными помощниками: собирали пожертвования, организовали несколько благотворительных концертов в Политехническом музее.

В 1920 году семья уехала в Берлин, где Абрам Рафаилович продолжал заниматься организацией симфонических концертов. Там он на долгие годы сдружился с Исайей Добровейном. Близкая дружба Гурвичей с вальяжным Алексеем Николаевичем Толстым и его женой, застенчивой красавицей поэтессой Натальей Крандиевской, оборвалась, когда Толстые вернулись в Советский Союз. Крестной матерью Наташи, сестры моего мужа, была Наталья Васильевна Крандиевская. Восприемником Никиты был Кусевицкий.

Вот в какую семью мне предстояло войти.

Мы обвенчались 14 июня 1938 года в Этампе. Лето начиналось, мы были влюблены и уехали в свадебное путешествие в Италию. Сначала — на остров Палланца на Лаго-Маджоре, около Стрезы. По утрам, когда пили кофе на террасе отеля, слушали игру на рояле Горовица. Звуки доносились из соседней вилы Тосканини: ведь Горовиц был женат на его дочери.

С острова Палланца мы отправились в Венецию, а завершили путешествие в Кортина д'Ампеццо, в отеле

«Кристалль», где останавливался граф Галеаццо Чиано, когда совершал свое свадебное путешествие с Эддой, дочерью Муссолини.

В Париже мы жили в квартире родителей Ники на рю Баллю, но часто ездили и в Этамп. Жизнь там была веселая: в большом камине часто жарили кур (как-то даже был приглашен преподаватель из знаменитой фирмы «Гордон блю» — он учил всю семью тонкостям французской кухни). В Этамп приезжали Мстислав Добужинский, Исая Добровейн, Юра Фикстон, хозяин магазина «Каспийская икра», которого мы называли «Каспи», киноактер Жак Тати (граф Иван Татищев), Григорий Хмара с женой, совсем юной и веселой певицей Лилей Кедровой, кинопродюсер Ольян, миллионер Дорфман, владелец пароходов Перников, прелестная Надежда Александровна Тэффи, вдова Сергея Ивановича Шукина и ее сестра.

Жизнь текла музыкально, артистично, весело. Было очень много юмора. Тэффи читала свои рассказы. И мы ее любили приглашать. Позже я прочла, что Надежда Александровна, блиставшая на многих званных обедах, не без иронии звала себя «подарок молодым хозяйкам» (намекая на поваренную книгу Молоховец, носившую такое название). Я, сознаюсь, и была одной из них.

Но беспечное настроение неуловимо менялось: близилась Вторая мировая война.

Абрам Рафаилович дружил с господином Фуллертоном, американским консулом в Париже, также имевшим летний дом в Этампе. Фуллертон, предвидя ужасы наступающей войны, уговаривал моего мужа ехать в Америку, тем более что Никиту уже приглашали в Голливуд, работать в кинокомпании «Уорнер Бразерс». Никита не хотел покидать Париж, но отец его уговорил. Решили ехать.

В начале 1939 года мы сели на пароход, отплывающий в Нью-Йорк. Вместе с нами в Америку плыли

Ингрид Бергман, Жан Мюра и еще несколько французских актеров, а также знаменитый ученый Эйнштейн. Страдая от качки, Никита не выходил из каюты, а я обедала вместе с актерами. Жан Мюра научил меня тогда есть печеную картошку, чтоб избежать морской болезни. И это помогло, я пользовалась его рецептом всю жизнь.

Хорошо помнятся тихие разговоры на этом нарядном трансатлантическом пароходе о том, что море заминировано. Так ли это было — не знаю. Но мы счастливо избежали катастрофы.

Ингрид Бергман тогда была совсем юной. После первых успехов в Европе она отправлялась в Голливуд. В том же, 1939 году Ингрид снялась в фильме «Интермеццо» Грегори Ратоффа, впереди были и «Касабланка», и работа с Гэри Купером в знаменитом фильме Сэма Вуда по роману Хемингуэя «По ком звонит колокол». Все, что потом засверкало на экране, уже тогда сияло в ней самой! В беседах, в смехе, в походке...

Позже, после войны, я встречала Ингрид в Риме, в доме кинопродюсера Ольяна. Тогда ее неизменным спутником был Роберто Росселини.

Ингрид целый день лила слезы: их союз не удавался, Росселини денег не давал, и она очень страдала.

Комментарии

Пьер Брассер и Даниэль Дарье — Пьер Брассер (1905–1972), французский актер. Снялся в 80 фильмах, в частности, таких классических, как «Набережная туманов» (1938) и «Дети райка» (1945). Персонажи Брассера были эксцентричны, отличались мощным отрицательным обаянием и ярко выраженным инфернальным началом. Даниэль Дарье (р. 1917) — французская актриса театра и кино, звезда 1930-х — 1950-х гг.

«Катя», фильм режиссера Турнера — Турнер Морис (1876–1961), в 1910-х — 1920-х гг. один из лучших режиссеров студии «Парамаунт». В 1930–1940-х гг. работал во Франции.

Вера Немчинова и ее муж Анатолий Обухов — Немчинова Вера Николаевна (1899–1984), танцовщица, педагог. В 1916–1926 гг. одна из ведущих солисток труппы С. Дягилева, исполнительница главных партий в балетах М. Фокина, Л. Мясина, Б. Нижинской. Позже выступала с труппой «Немчинова — Долин», танцевала в Литве, США, Австралии. С 1947 г. преподавала в Школе балетного искусства в Нью-Йорке, руководила собственной балетной школой. Обухов Анатолий Николаевич (1896–1962), солист Мариинского театра (1913–1920), Бухарестского оперного театра (1920–1922), «Русского романтического театра» в Берлине (1922–1925), один из основателей труппы «Немчинова — Долин», работал в Литовском оперном театре, затем в труппе «Русский Балет Монте-Карло» (1935–1939). С 40-х гг. педагог.

Нина Кирсанова — Кирсанова Нина Васильевна (?–1988), балерина, киноактриса. Ученица Н. Легата и А. Торского. Дебютировала в балетной труппе Оперы Зимина. В годы Гражданской войны в Воронеже исполняла партию Одетты в «Лебедином озере», поставленном В. Немировичем-Данченко. В эмиграции с 1921 г. С 1923 г. — прима-балерина Белградского оперного театра. В 1926–1931 гг. — солистка труппы Анны Павловой, участница гастролей в странах Европы, в Африке, Индии, Бирме, Австралии. Жила в Белграде, снималась в художественных фильмах. В конце 1970-х гг. получила историческое образование в Белградском университете, принимала участие в раскопках в Луксоре и Сиракузах.

Татьяна Лескова (р. 1922) — балерина, ученица Л. Егоровой. Правнучка писателя Н. Лескова. Дебютировала в Париже в 1937 г., была солисткой балета «Опера Комик» и других европейских трупп. В 1945 г. открыла свою балетную школу в Рио-де-Жанейро, позднее стала хореографом и руководительницей

балетной труппы в муниципальном Оперном театре Рио-де-Жанейро.

Дочь Артуро Тосканини — пианист В. Горовиц женился на Ванде, дочери дирижера А. Тосканини, в 1932 г.

Граф Галеаццо Чиано (1903–1944) — итальянский политик и дипломат, герой Первой мировой войны. С 1925 г. придерживался фашистских убеждений, в 1930 г. женился на Эдде, любимой дочери Б. Муссолини. С 1936 г. — министр иностранных дел Италии, способствовал сближению страны с гитлеровской Германией. В то же время противился вступлению Италии в войну, был среди тех, кто 25 июля 1943 г. отстранил Муссолини от власти. В 1944 г. выдан в руки Муссолини, расстрелян по его приказу.

Исайя Добровейн — Добровейн Исай Александрович (настоящее имя Барабейчик Ицхок Зорахович, 1891–1953), дирижер, пианист, композитор, оперный режиссер. Ученик К. Игумнова и Л. Годовского. Эмигрировал в 1922 г. Приобрел известность в 1923 г. после постановки «Бориса Годунова» в Дрездене. В последующие три десятилетия творческой жизни многократно ставил оперы и балеты Н. Римского-Корсакова, П. Чайковского, А. Бородина, И. Стравинского, был признанным интерпретатором произведений Л.-В. Бетховена и русских композиторов — от М. Глинки до С. Прокофьева и Д. Шостаковича. Плодотворно работал в театре «Ла Скала» в содружестве со сценографом Н. Бенуа.

Жак Тати — настоящее имя граф Иван Татищев (1907–1982), французский актер и кинорежиссер, тонкий и гротескный комик, автор ряда новаторских фильмов, которые сегодня назвали бы «артхаузными». Фильм «Каникулы господина Юло» (1953) — премия Тати как лучшему французскому актеру года, приз ФИПРЕССИ на МКФ в Каннах. Фильм «Мой дядя» (1958) — спецприз МКФ в Каннах и «Оскар».

Дорфман — Дорфман Робер (р. 1912– ?), французский кинопродюсер 1930-х — 1970-х гг., продюсер ряда фильмов

Марселя Карне, Жака Тати, Константина Коста-Гавраса, Луиса Буньюэля.

Кинокомпания «Уорнер Бразерс» — крупнейшая кинокомпания США, основанная Генри Уорнером в 1923 г. В 1928 г. выпустила первый звуковой фильм «Певец джаза».

Ингрид Бергман (1915–1982), шведская киноактриса.

Жан Мюра (1888–1968), французский киноактер, звезда 1930-х гг., блистал в ролях обольстителей и доблестных разведчиков.

Фильм «*Интермеццо*» *Грегори Ратоффа* — Ратофф Грегори (1897–1960), актер и кинорежиссер Голливуда, эмигрант из России.

«*Касабланка*» — фильм Майкла Кертица с Ингрид Бергман и Хэмфри Богартом в главных ролях. Романтическая драма о годах Второй мировой войны.

Роберто Росселини (1906–1977) — итальянский кинорежиссер. Его трилогия «Рим — открытый город» (1945), «Пайсан» (1946), «Германия, год zero» (1947) положила начало кинематографу неореализма. Ингрид Бергман сыграла главную роль в его фильме «Стромболи» и в семи последующих лентах 1950-х, стала матерью троих детей режиссера, в том числе киноактрисы Изабеллы Росселини.

Киноактриса Грета Гарбо в бархатном хитоне работы художника Адриана. Голливуд, 1930-е гг.

Глава одиннадцатая

*Грета Гарбо в темно-
красном бархате и в соболях.
С. А. Кусевицкий
и его единственный совет
крестнику*

Когда мы прибыли в Нью-Йорк, были мороз, ледяной ветер, холод.

Я сошла с трапа, сразу поскользнулась и шлепнулась носом оземь. Может быть, от восторга. Может, от испуга. Со смесью страха и восхищения я смотрела на статую Свободы, на небоскребы Манхэттена.

Нью-Йорк не может не нравиться. Но он вызывает в душе также тихую, скрытую меланхолию: что бы вы ни делали, в этом городе обязательно найдется кто-то умнее, сильнее, честолюбивее и одареннее, чем вы.

И — хоть плачь — ничего не поделаешь с этой конкуренцией!..

У нас там, впрочем, оказалось много добрых знакомых: артистов, музыкантов, и французов, и русских. Сол Юрок был известнейшим театральным импресарио, каждый вечер мы все вместе сидели в русском ресторане

«Чайная» на 57-й улице, возле Карнеги-холла. Туда приходили после спектаклей артисты, балетные и оперные. Жена Юрока Елена Борисовна чудно пела контральто,

*Грета Гарбо в твидовом пальто.
Голливуд, 1930-е гг.*

была красоткой, но весьма жеманной дамой. Пела, а потом оборачивалась к публике и заявляла: «Я и не знала, что тут так много народу!»

В Нью-Йорке устраивал знаменитые вечера Перников, он владел во Франции паровой компанией. А у меня тогда были замечательные эксцентричные шляпы, пальто от Ворта — и муж-красавец. Вот почему нас все запросто к себе и приглашали.

На первый же вечер Перникова, куда мы были приглашены, ждали

Грету Гарбо, режиссера Майлстоуна и Барбару Хаттон-Мдивани.

Грета Гарбо была совершенно неотразимой!

Она пришла в темно-красном бархатном пальто, обшитом соболями. Незабываемый образ, забываемый стиль. Она погладила меня по щеке и сказала: «Какая вы красавица!»

У Перникова меня посадили к роялю. Романсы пользовались успехом.

В Нью-Йорк не раз приезжал Лондонский балет с Марго Фонтейн. И русские балетные труппы (их импресарио в США всегда был Сол Юрок). Случались такие

казусы: одновременно на гастроли приезжали труппы «Русского балета Монте-Карло» под руководством Рене Блума и «Русского балета полковника де Базиля» — и недоумевающая публика не знала, на чьи спектакли покупать билеты.

Надо сказать, русские труппы конкурировали не только в Нью-Йорке, но и в Лондоне, постоянно переманивали звезд друг у друга. Александра Данилова и Тамара Туманова неоднократно меняли одну труппу на другую, что всегда становилось поводом для разговоров.

Каждый вечер шли замечательные концерты в Карнеги-холле. Сергей Александрович Кусевицкий, крестный отец моего мужа, руководил тогда Бостонским симфоническим оркестром. Он пригласил нас в Беркшир, куда на лето съезжались все знаменитые оркестры (там начинал свою карьеру и Леонард Бернстайн, ученик Кусевицкого).

Никита попросил у крестного совета — как в Америке жить, чем заняться, с чего начать, но Кусевицкий ответил только: «Дорогой Никита, чтобы жить в Америке, надо иметь гвозди в голове...»

Этим наставления крестнику и ограничились.

Никита был в ярости.

В конце лета 1939 года мы отправились в Голливуд — и прожили там семь лет. Никита работал в «Уорнер Бразерс», делал французские версии американских фильмов. Мы купили дом с садом возле Одинс-стрит. В этом доме 28 апреля 1941 года родился Делано, мой любимый сын.

Комментарии

Грета Гарбо — настоящее имя Грета Густафсон (1905–1990), американская актриса шведского происхождения, один из сим-

волов мирового кинематографа 1920-х — 1930-х гг. С 1941 г. прекратила сниматься.

Режиссер Майлстоун — Майлстоун Льюис, настоящее имя Лев Мильштейн (1895–1980), американский кинорежиссер. Родился в Кишиневе, эмигрировал в 1913 г. Его фильмы «Два арабских рыцаря» (1927), «На Западном фронте без перемен» (1930; по мотивам романа Э.-М. Ремарка) были награждены «Оскарами».

Пола Негри — настоящее имя Барбара Аполлония Халупец (1894–1987), германо-американская актриса, красавица-кинозвезда 1910-х — 1920-х гг.

Ворт — Чарльз-Фредерик Ворт (1825–1895), «первый кутюрье», основатель высокой моды в современном понимании. Его парижская фирма во второй половине XIX в. не знала себе равных в Европе. С 1890 г. Домом Ворта руководили его сыновья Гастон и Жан-Филипп, в 1920-х — 1930-х гг. Дом Ворта утратил лидерство в мировой моде. В 1954 г. имя фирмы было продано в Англию.

Лондонский балет с Марго Фонтейн — Фонтейн Марго, настоящая фамилия Хукем (1919–1991), английская артистка балета, с 1957 г. — звезда Королевского балета Великобритании, с 1954 г. — президент Королевской академии танца.

«Русский балет Монте-Карло» под руководством Рене Блюма — Блюм (Блум) Рене (1878–1942), писатель, художественный критик, балетный импресарио. Брат известного политика и писателя Леона Блюма. С 1929 г. — художественный руководитель «Балета Монте-Карло», в 1932 г., совместно с полковником де Базилем (В. Воскресенским) создал группу «Русский балет Монте-Карло». В 1936–1939 гг., после разделения двух антреприз, руководил собственной труппой с тем же названием. После начала Второй мировой войны был депортирован, погиб в Освенциме.

Александра Данилова — Данилова Александра Дионисьевна (1904–1997), балерина, педагог. Участница петроградских

«Вечеров молодого балета», организованных в начале 1920-х г. молодым Г. Баланчивадзе (Дж. Баланчиним). В 1924 г., в составе гастрольной группы, куда входил и Баланчивадзе, выехала за границу. В 1925–1929 гг. — солистка труппы С. Дягилева, первая исполнительница ряда главных партий в балетах Л. Мясина и Дж. Баланчина. В 1929–1952 гг. — ведущая солистка «Русского балета полковника де Базиля», «Русского балета Монте-Карло» и других трупп. В 1954–1956 гг. руководила труппой «Великие мгновения балета». В 1960-х — 1980-х гг. преподавала в школе «Американский балет». В 1940-х — 1970-х работала и как хореограф-постановщик, перенося на сцены западных театров классические русские балеты. Опубликовала воспоминания «Шура. Мемуары Александры Даниловой» (1986).

Сергей Александрович Кусевицкий (1874–1951) — дирижер, контрабасист, основатель «Российского музыкального издательства» (1909), где впервые были опубликованы партитуры многих сочинений С. Рахманинова, А. Скрябина, С. Прокофьева, И. Стравинского. С его симфоническим оркестром выступали лучшие исполнители 1910-х гг., абонементные «Концерты Кусевицкого» принесли ему заслуженную славу просветителя. Эмигрировал в 1920 г. В начале 1920-х гг. успешно концертировал в Европе. В 1928 г. в парижской «Гранд-опера» Кусевицким была поставлена опера С. Прокофьева «Огненный ангел». С 1924 г. — главный дирижер Бостонского симфонического оркестра (США). Под его управлением оркестр стал одним из лучших в мире. В 1941 г. основал Беркширский музыкальный центр, а еще раньше, в 1938 г., летний фестиваль, куда до сих пор съезжаются до 100 000 слушателей. В годы Второй мировой войны был председателем Американского комитета помощи России.

Леонард Бернстайн (1919–1990) — американский дирижер, пианист, композитор. В 1958–1969 гг. главный дирижер Нью-Йоркского симфонического оркестра.

Людмила Лопато в Голливуде, 1943 г.

Глава двенадцатая

Кролик Иван Петрович и дети Буньюэля. Начало войны. «Темная ночь». Моя первая пластинка

Маленький Делано был прелестен. Помню, как мы с Никитой учили его есть «по-взрослому» — вилкой и ножом. Он слушал внимательно. Через несколько дней мы вернулись откуда-то поздно вечером и увидели, как в нашем аквариуме мечутся и задыхаются золотые рыбки. Оказывается, Делано бросил им их специальную еду и вилку с ножом, чтоб они тоже обучались приличным манерам.

А потом однажды он зажарил в печке баскетбольный мяч.

Соседские дети любили Делано и часто приходили к нему. Среди них были два сына Буньюэля — он жил тогда с семьей очень близко от нас — по сравнению с другими детьми дикие оригиналы... как, впрочем, и их отец. А госпожа Буньюэль была дамой эксцентрически высокого роста.

У нас в доме жил белый ангорский кролик Иван Петрович. Все его любили, он был словно член семьи. Сыновья Буньюэля сбросили его с садовой скамейки

наземь. Бедный Иван Петрович сломал лапу. Буньюэлевские отпрыски хором закричали: «Теперь его нужно зарезать и съесть!» Я до сих пор сержусь, когда вспоминаю этот день!

В Голливуде нашими соседями были очень яркие и талантливые люди. Рядом с нашим стоял дом актрисы

*Киноактриса Ольга Бакланова.
Голливуд, 1928 г.*

Сюзанн Хейварт. Напротив жил композитор Дмитрий Темкин. Мы с Никитой познакомились и со знаменитым пианистом Артуром Рубинштейном, у которого был дом в Беверли-Хиллз. Рубинштейн и его очаровательная жена Нелли, дочь польского дирижера Эмиля Млынарского, устраивали приемы, где бывали многие артисты, встречались русские «синеасты» (так называла кинематографистов первая эмиграция).

Неподалеку жили венгерская киноактриса и певица Марта Эггерт и поляк Ян Кипура — эта пара была очень знаменита в те годы. С ними мы не раз пели вместе, а слушателями были Юроки и продюсер Борис Мороз.

Эггерт и в гостинной была по-театральному блистательна — недаром ей лучше всего и на Бродвее, и в Голливуде удавались главные роли в опереттах Кальмана,

Шуберта, Легара. А Кипуру, помнится, иногда называли за глаза «парень из Сосновиц, около Котовиц». Что не мешало их союзу быть очень прочным — вплоть до ранней смерти Яна.

В начале войны в Америке боялись и немцев, и русских. А потом и японцев. После Перл-Харбора, помню, мы стояли на берегу океана и дрожали: ждали налетов японских бомбардировщиков.

Русских в то время боялись из-за страха перед коммунизмом. Каждый, кто работал в Голливуде, мог быть заподозрен в коммунистических симпатиях — как продюсер Борис Мороз или актер Эдвард Робинсон.

Борис Мороз, сильный человек, эмигрант из России, ставший музыкальным директором студии «Парамаунт», одно время имел в Голливуде большое влияние. Он сделал мою первую пластинку, записал «Темную ночь» и «Одессу»; пластинка имела большой успех.

Судьба Мороза кончилась странно, печально.

Тут я знаю мало, почти ничего, и мне трудно об этом говорить.

Однако уже тогда в Голливуде его считали советским шпионом.

Время было не только тревожным, но и странным. С одной стороны, в 1941–1942 годах для американских солдат нередко устраивались благотворительные концерты, на которые приглашались артисты стран-союзниц. В них участвовала, например, Мишель Морган. Выступала на таких концертах и я, пела русские песни, надев сарафан и чудный (еще из Харбина!) кокошник. Солдаты восторженно встречали нас.

А с другой стороны, для русских музыкантов — даже таких знаменитых, как Дмитрий Темкин, автор музыки ко многим голливудским фильмам, — это было непростое время. СССР был союзником, но подозрительным.

И все же в Голливуде военных лет существовал, например, специальный Клуб русских американцев. Там мы встречались, ставили спектакли, устраивали музыкальные вечера. Довольно часто выступал в этом клубе знаменитый характерный артист Аким Тамиров, впоследствии ставший мужем киноактрисы Зои Карбановой.

Он был актером школы Художественного театра, в фильмах тех лет чаще всего играл комические роли отрицательных персонажей — мексиканцев, итальянцев и даже китайцев. И блестяще рассказывал анекдоты!

В программах часто стояло имя Миши Ауэра (в кино он был партнером Мэй Уэст и Марлен Дитрих). Миша был нашим хорошим знакомым. Его настоящая фамилия была Унсковский. В 1920-е годы он играл в Петрограде, потом попал в США — сперва на Бродвей, затем в Голливуд. На слуху были имена французского актера Жубера и красавицы Ольги Баклановой, также бывшей звезды Художественного театра, покинувшей советскую Россию. Она хорошо пела по-французски. У нее было звучное меццо-сопрано: в Москве она часто выступала в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Сам Владимир Иванович, несмотря на весьма почтенный возраст, был в нее очень влюблен и плакал, когда узнал об ее эмиграции.

В Америке Бакланова сошлась с композитором Бакалейниковым, а позже вышла замуж за русского актера Николая Сусанина.

В Клубе русских американцев часто вспоминали умершего в 1937 году Ричарда Болеславского. Актер Художественного театра, бывший уланский корнет Первой мировой войны, он стал известным театральным режиссером на Бродвее, а в начале 1930-х приехал в Голливуд. Его удачей была «Расписная вуаль» (1934) с Гретой Гарбо.

Самая дивная блондинка 30-х в этом фильме приезжает с мужем в Китай и умирает от неизлечимой болезни. Забытый ныне, этот фильм был очень значимым для Греты Гарбо. Мне до сих пор кажется, что у Болеславского она сыграла одну из лучших своих ролей.

В Голливуде работал режиссер Леонид Моги (Могилевский), большой наш друг (он прославился в США фильмом «Тюрьма без решеток»). В клубе иногда появлялась Ава Гарднер. В те годы, совсем юная, она снималась у Моги в остросюжетной ленте «Трагическое свидание» и была дико в него влюблена. Заходил в наш клуб и могущественный продюсер, миллиардер Рабинович...

Среди русских эмигрантов в Голливуде времен войны была приметна и много снималась Мария Успенская, актриса Первой студии Художественного театра, игравшая еще в спектакле «Сверчок на печи» по Диккенсу, с участием Вахтангова и Михаила Чехова. Я ее помню дамой зрелых лет. По-английски она говорила с сильным акцентом.

В кино ее ценили, но всегда звали на характерные роли русских старушек и других эксцентричных иностранок: в фильме «Шанхайский жест», например, она сыграла старую китайянку. Одной из лучших ее ролей был эпизод в фильме «Мост Ватерлоо» (1940): Успенская сыграла там строгую директрису русской балетной труппы и была весьма достойной партнершей Вивьен Ли.

Она оставила глубокий след в памяти американцев. Я была рада, когда встретила ее имя в повести Трумена Капоте «Завтрак у Тиффани» (по которой был снят в 1961 году знаменитый фильм с Одри Хепберн в главной роли).

Героиня повести Капоте, взбалмошная нью-йоркская красавица 1940-х годов, говорит с большим пылом: «Это дешево — носить бриллианты, пока тебе нет сорока. И даже в сорок рискованно. По-настоящему они вы-

глядят только на старухах. Вроде Марии Успенской». Что правда, то правда...

Помню красавицу Анну Стен. В России ее прославил фильм «Девушка с коробкой». В Голливуде середины 30-х ей прочили карьеру Греты Гарбо или Марлен Дитрих. Блондинка с ослепительной светлой кожей, с правильным, тонким и очень славянским лицом, Стен принадлежала к тому же типу женщин, что Дитрих и Гарбо, и не уступала им ни красотой, ни изяществом, ни актерским талантом. И все же... надежды не оправдались. Главный фильм, в котором она снялась, — «Нана» по повести Золя. В этом фильме Анна Стен говорит и поет почти без акцента. Но ее Нана, увы, успеха не имела. Как и Катюша Маслова, сыгранная в американской экранизации «Воскресения». В пору нашего знакомства звездные годы Анны были уже позади... Но, должна сказать, она вела себя достойно, как сильный духом, действительно профессиональный человек.

И снималась, снималась еще много лет — пусть даже в маленьких эпизодах.

Помню композиторов братьев Бакалейниковых — все трое были очень милые, хоть и очень поверхностные люди. Один из них, Владимир Бакалейников, был отчимом русской балерины Ирины Вагнер — и, как я уже сказала, близким другом Ольги Баклановой.

В Голливуде их музыку часто покупали.

Участие в концертах, вечера у друзей в ту пору составляли только часть моей жизни. Я была хозяйкой большого дома (два этажа и сад вокруг), матерью маленького Делано. С нами жила моя мама — и она была тяжело больна.

Перед войной мама уехала из Парижа в Харбин, к моему старшему брату Мише (он владел сахарным заводом и вел в Маньчжурии множество разнообразных

дел). Узнав о предстоящем рождении внука, мама отправилась к нам, в Калифорнию — успела сесть, как потом выяснилось, на последний перед началом войны пассажирский пароход. Мы обрадовались ее приезду: мой муж, как и все, кто знал маму, очень ее любил.

Но жить оставалось ей совсем немного.

Мама похоронена в Голливуде. Она была чудесным человеком. Помогала нам во всем. И главное, научила так же мечтать и так же добиваться всего, чего хочешь, как умела это сама.

Окончание войны вся Америка встретила единым счастливым вздохом. Жизнь начиналась заново, культурная жизнь кипела: новые театры, фильмы, концерты, блестящие актеры всех национальностей! Американцы тогда искренне чувствовали себя героями. Это ощущение сохранилось в патриотических фильмах конца 1940-х.

Многие можно смотреть с удовольствием и сегодня.

Комментарии

Дети Буньюэля — кинорежиссер Луис Буньюэль с женой и сыновьями жил в Голливуде в 1944–1946 гг.

Сюзан Хейварт — настоящее имя Эдит Марринер (1918–1975), американская киноактриса, популярная в 1940-х — 1960-х гг.

Дмитрий Темкин — Дмитрий Михайлович (1899–1979), композитор. Учился в Петербургской консерватории у А. Глазунова. В Париже конца 1920-х выступал как автор симфонической музыки. В годы Великой депрессии переехал в США, работал в Голливуде, стал популярнейшим кинокомпозитором, написал музыку к десяткам фильмов, в том числе к лентам Френка Капры, Альфреда Хичкока и др.

Артур Рубинштейн (1887–1982) — знаменитый польский пианист, продолжатель традиции романтического пианизма. С 1937 г. жил в США, с 1954 г. — во Франции.

Эмиль Млынарский (1878–1935) — польский дирижер и скрипач, композитор, с 1904 г. директор Варшавской филармонии. В 1914–1918 гг. работал в Москве, Лондоне, Шотландии. С 1918 г. — дирижер Варшавской оперы. В 1929–1931 гг. директор Музыкального института в Филадельфии.

Перников — Перников О. А., эмигрант из России, основатель туристического агентства, общественный деятель.

Марта Эггерт и Ян Кипура — Марта Эггерт (р. 1912) начинала как певица в Будапеште. Жила в Германии. С 1927 г. снималась в кино, особо успешно в музыкальных мелодрамах и экранизациях классических оперетт. В 1930-х гг. эмигрировала в США, играла в бродвейских музыкальных спектаклях. После войны вернулась в Германию, продолжала сниматься, в том числе в знаменитом некогда фильме «Страна улыбок» (1952). Изредка концертировала, вплоть до начала 1990-х, поражая слушателей сохранившейся свежестью голоса. Ян Кипура (1902–1966), певец (тенор) и актер польского происхождения, выступал на сценах Ла Скала, Опера-комик, Метрополитен-опера. В начале 1930-х гг. снимался в германских музыкальных фильмах, позднее в американских. В 1940-х гг. период его популярности завершился.

Борис Мороз — Мороз Борис Михайлович (1891–1963), композитор, кинопродюсер. Эмигрировал из России в 1922 г., с 1930 г. работал в Голливуде, с 1935 г. — музыкальный директор студии «Парамаунт», с 1939 г. — независимый продюсер. В эпоху маккартизма был обвинен в шпионаже в пользу СССР и осужден. После освобождения написал мемуары.

Перл-Харбор — 7 декабря 1941 г. японская военная авиация нанесла удар по военно-морской базе США Перл-Харбор на Гавайях. Свыше 2000 жертв, потеря 19 военных кораблей

и 200 самолетов существенно ослабили стратегические позиции США в регионе и ускорили вступление страны во Вторую мировую войну.

Эдвард Робинсон — настоящее имя Эммануэль Гольденберг (1893–1973), голливудский киноактер румынского происхождения. Снимался в десятках фильмов 1930-х — 1960-х гг., по преимуществу в приключенческих, криминальных, романтико-героических лентах высокого качества. В годы маккартизма на него легли подозрения, затруднившие кинокарьеру. В последние годы жил за счет распродажи коллекции картин.

«Темная ночь» и «Одесса» — песни Н. Богословского на стихи А. Петрова-Агатова из советского кинофильма «Два бойца».

Аким Тамиров (1898–1972) — американский киноактер, русский по происхождению. В США — с начала 1930-х гг. В 1930-х — 1960-х гг. снялся в десятках фильмов, среди которых: «Королева Кристина» (1933) Р. Мамуляна с Гретой Гарбо, «Веселая вдова» (1934) Э. Любича, «Красная императрица» (1934) Дж. фон Штернберга с Марлен Дитрих, «Генерал умер на рассвете» (1936) Л. Майльстоуна, «По ком звонит колокол» (1943) С. Вуда и «Анастасия» (1956) А. Литвака с Ингрид Бергман, «Альфавиль» (1965) Ж.-Л. Годара. Особо яркими были роли Тамирова в фильмах Орсона Уэллса «Мистер Аркадин» (1955), «Печать зла» (1958), «Фальстаф» (1966). Его последней работой в кино должна была стать роль Санчо Пансы в фильме Орсона Уэллса «Дон Кихот». Но Тамиров умер во время перерыва в съемках, вызванного финансовыми трудностями.

Зоя Карабанова — Карабанова Зоя Владимировна (?–1960), в 16 лет дебютировала на киностудии Ермольева. Ее партнерами были Мозжухин, Волков, Полонский, Римский. Затем перешла на киностудию «Биохром», из которой впоследствии вырос «Мосфильм». В годы Первой мировой войны играла в Камерном театре А. Таирова. В 1918 г. уехала в Крым, где снялась в нескольких картинах с Иваном Мозжухиным, а оттуда в Париж,

где была занята в фильмах киностудии «Альбатрос». С 1921 г. играла в труппе театра «Летучая мышь». В 1920-х гг. была женой Н. Балиева. Позднее, живя в Калифорнии, стала спутницей жизни Акима Тамирова.

Миша Ауэр — настоящее имя Михаил Унсковский (1905–1967), американский киноактер. Эмигрант первой волны, Ауэр играл на Бродвее, а с 1928 г. — в Голливуде, в основном комедийные роли. В 1940-х — 1950-х гг. снимался по преимуществу во Франции и Италии, где вернул себе утраченную в Голливуде репутацию звезды комедий.

Мэй Уэст (1892–1980) — американская киноактриса, звезда 1930-х — начала 1940-х гг., создавшая экранный образ роковой красавицы.

Жубер — Жубе Ромуальд (1876–1949), известный актер парижского театра «Одеон» и киноактер 1910-х — 1940-х гг.

Ольга Бакланова — Бакланова Ольга Владимировна (1893–1974), актриса Первой студии МХТ. В 1915 г. дебютировала на сцене театра в роли Лауры в «Маленьких трагедиях» (в роли Дона Гуана — В. Качалов, сценография А. Бенуа). Затем играла в спектаклях МХТ «Потоп», «Иванов», «Двенадцатая ночь». С 1919 г. по приглашению В. Немировича-Данченко исполняла ряд партий в Музыкальной студии МХТ («Перикола», «Дочь мадам Анго», «Лисистрата», «Карменсита и солдат»). В 1925 г. выехала на гастроли в Европу и США, откуда в Россию не вернулась. С 1926 г. играла в Нью-Йорке, в 1927 г. начала кинокарьеру в Голливуде. В конце 1930-х гг. пела в русском кабаре в Нью-Йорке, вела радиопередачи, снималась в эпизодических ролях. В 1960-х — 1970-х гг. жила во Франции и Швейцарии.

Бакалейников — Бакалейников Владимир Романович (1885–1953), альтист, дирижер, композитор. В 1920–1927 гг. — дирижер Музыкальной студии МХТ. Профессор Петроградской, затем Московской консерваторий. С 1927 г. в эмиграции.

Дирижер ряда симфонических оркестров в Европе и США, в частности Питтсбургского симфонического оркестра). Автор воспоминаний «Записки музыканта».

Леонид Мози — настоящая фамилия Могилевский (1899–1976), кинооператор, кинорежиссер. Фильм «Тюрьма без решеток» (1938) о необходимости смягчения исправительного режима получил приз МКФ в Венеции. До 1928 г. жил в СССР. В 1940-х — 1947 гг. — в США. С 1949 г. — в Италии.

Ричард Болеславский — Болеславский Ричард Валентинович (настоящая фамилия Стржезницкий, 1889–1937), актер, режиссер, сценограф, педагог. С 1908 г. — актер МХТ. Успешно дебютировал в роли Алеши Беляева в спектакле «Месяц в деревне» (1909) с замечательной новаторской сценографией М. Добужинского. В 1912 г. стал одним из основателей Первой студии МХТ. В 1914–1915 гг. играл в фильмах Я. Протазанова и поставил собственные первые фильмы. В 1916 г. добровольно ушел на фронт, был корнетом Уланского полка (в 1930-х гг. написал роман об этом периоде). Эмигрировал в 1920 г. Присоединился к Пражской группе МХТ, затем вместе с гастрольной труппой МХТ отправился в США. В конце 1920-х гг. ставил спектакли на Бродвее. Как режиссер и педагог пытался перенести в США школу русского психологического театра. В 1930-х гг. работал в Голливуде, где снял 19 фильмов, такие как «Девушка-сокровище» с музыкой Дж. Гершвина, «Распутин и императрица», «Расписная вуаль» с Гретой Гарбо в главной роли, «Отверженные» (1935). Умение Болеславского работать с актерами привлекало к нему звезд, среди которых была Марлен Дитрих. Его учебник актерской игры выдержал свыше десяти изданий.

Ава Гарднер (р. 1912) — американская кинозвезда 1940-х — 1960-х гг.

Продюсер Рабинович — Рабинович Григорий (?–1953), эмигрант из России, кинопродюсер.

Анна Стен (1908–1993) — актриса. Играла главные роли в первой советской кинокомедии «Девушка с коробкой» Б. Барнета (1927), в фильме «Белый орел (Губернатор)» Я. Протазанова (1928), где ее партнерами были В. Качалов и В. Мейерхольд. В начале 1930-х гг. дебютировала в Голливуде: продюсер Сэм Голдвин предполагал сделать ее звездой масштаба Гарбо и Дитрих. Стен сыграла главные роли в нескольких фильмах, но этот период длился недолго, и за Стен закрепилось прозвище «Безумие Головина». Снималась до 1962 г. Последние годы жизни провела в Нью-Йорке.

Ирина Вагнер — балерина, педагог. Вместе с матерью эмигрировала из СССР во Францию в 1930-х гг., танцевала в труппе Б. Князева и А. Вронской. В 1940-х — 1950-х гг. жила в США, затем в Англии. Руководила труппой «Бирмингемский балет» (США). Сейчас живет в Париже. Автор воспоминаний «Девочка из России».

Людмила Лопато в своем доме в Голливуде, 1940-е гг.

Глава тринадцатая

Никита — бизнесмен. «Русская чайная» и «Саловар». Орхидеи и разорванный чек

Когда у Никиты закончился контракт со студией «Уорнер Бразерс», мы решили все изменить и уехать в Нью-Йорк. Там сняли квартиру на 57-й улице у художника Мстислава Добужинского.

Наш семейный бюджет, по сравнению с калифорнийскими временами, изменился довольно резко. Однако из Парижа приехали старые друзья Никиты — мой кузен Жорж и Раймонд Дюбок. Три друга решили заняться бизнесом. Им предстояло участвовать в продаже нефтеналивного танкера — для чего, естественно, следовало найти солидного покупателя. Они целыми днями сидели за работой.

В эту пору к нам как-то зашел Зиманич, бизнесмен, наш голливудский приятель и близкий друг Бориса Мороза. Он предложил мне пойти поужинать в знаменитый ресторан «Русская чайная» (хозяин был его приятелем). Мои деловитые Никита, Жорж и Раймонд, занятые по горло, посмотрели на меня меланхолично, сказали: «Почему нет?» — и мы с Зиманичем отправились...

В «Чайной» было тогда кабаре с русской программой. К нашему столику подошел хозяин заведения Майер, поздоровался с Зиманичем и воскликнул: «Какая красивая дама!» Следует заметить, я была тогда в большой черной шляпе от модистки Роз Деска.

Зиманич гордо ответил: «А знал бы ты, как она поет...» Хозяин заинтересовался: «Ну-ка...»

Я запела «Темную ночь». Майер спросил:

— Хотите петь у меня? Завтра пришлю контракт!

И что вы думаете?

Контракт мне доставили на следующий день!

«Русская чайная» устроила праздничную премьеру. Я вышла на эстраду в белом атласном платье, расшитом жемчугом, от Пакена. О моем успехе в тот вечер можете себе составить представление по газетному отзыву: «Судя по тому, как реагировала публика, у Людмилы скоро будет собственный ресторан».

«Она поет русские и французские песни, которые принесла нам из мира веселых кабаре Парижа», — писали рецензенты Нью-Йорка осенью 1947 года. В газетах стали появляться мои фото, месяца через два я уже удостоивалась рецензий длиннее ста строк!

Никита, гордый муж, клеивал отзывы в альбом.

Рецензенты искали определения, что ж я такое делаю, с кем бы меня сравнить. И вскоре ко мне прилепился ярлык, наверное, лестный, но все же я хотела быть самой собой. «Людмила Лопато выглядит очень светски, в стиле Марлен Дитрих», — написал кто-то из журналистов в сентябре 1947-го. Как это бывает, одна публикация порождала другую, и несколько недель спустя газета *Mirror* написала обо мне просто и лаконично: «На этой неделе — Людмила Лопато, русская Марлен Дитрих, в «Русском Казино»».

Потом это сравнение кочевало из рецензии в рецензию долгие годы...

Самый обстоятельный отклик на дебют соотечественницы в Америке появился в почтенной газете «Новое русское слово»:

«“Казино Рюсс” открыло свой новый сезон отлично составленной программой, “звездой” которой является известная исполнительница цыганских романсов и народных песен Людмила Лопато.

В двух программах, которые Людмила Лопато поет ежевечерне, артистка показала все стороны своего таланта — молодой, свежий и приятного тембра голос, тонкую артистичность исполнения и то, что в Париже называют личным “шармом”, — у артистки его много, и она расточает с эстрады свой талант с беззаботной щедростью.

*Рекламная фотография
к гастролем Людмилы Лопато
в Нью-Йорке, 1940-е гг.*

Пять номеров каждого ее выступления включают одну или две популярные цыганские вещи, преисполненные темперамента и задора, один сентиментальный романс и одну или две новые французские песенки, достойные репертуара Люсьен Бойе. Две из них имели у публики успех — «Имажинэ» и «Я продала дьяволу душу».

До сих пор мы видели Людмилу Лопато только на концертной эстраде. Ее дебют в нью-йоркском “Найт клуб” был для артистки большим личным успехом. Публика заставила ее много бисировать и слушала с исключительным вниманием и удовольствием.

Вся программа “Казино Рюсс” помолодела и сильно от этого выиграла».

Программа кабаре была в двух частях. Я со своими песнями завершала первую, а в антракте бежала к повару на кухню — покупать заранее приготовленные куриные ножки (коронным блюдом «Русской чайной» были котлеты по-киевски, а их ведь делают только из белого мяса).

Повар улыбался, я с пакетом летела через дорогу, домой, и говорила своим рыцарям: «Ну-ка готовьте ужин!»

Все это было наспех, но так весело и вкусно!

Маленький Делано уже спал. Никита с друзьями после ужина продолжали работать, а я бежала назад, в кабаре, петь во втором отделении.

Не помню, пела ли я тогда с эстрады этот цыганский романс (впрочем, в «Казино Рюсс» были свои великие знатоки цыганского пения, был отменный хор, а солиста Мишу Маркова американцы называли «цыганским трубадуром»). Но, прочувствовав атмосферу кабаре и цыганского хора изнутри, я тогда полностью поняла знаменитые строки, их ласковую усмешку, бесшабашность и нежность:

Что за хор певал у «Яра»,
Он был Пишей знаменит.
Соколовского гитара
До сих пор в ушах звенит.

Кто цыган любил безмерно,
Тот уж в рай не попадет,
Да и душа его, наверно,
«В час роковой» в аду поет.

В аду цыгане соберутся
Веселой, шумною толпой,

И под «венгерочку» пройдутся,
И пойдет там пир горой!

Соколов возьмет гитару,
Топнет, крикнет: «Все зараз!» —
И зальется хор удалый,
И забудешь все тотчас.

Эти строки хранятся у меня в архиве с давних пор. Они переписаны четким, быстрым, округлым, с изящными твердыми знаками и «ятями» почерком моей мамы.

Кто же и когда же в России не любил цыган?

В ноябре 1947 года я пела русские и французские романсы на балу Фонда помощи писателям и ученым — «Русский Нью-Йорк» традиционно устраивал этот бал в канун Дня благодарения. Были званы восемьсот гостей. В жюри бала 1947-го входили Татьяна Шаляпина, художница Александра Прегель (дочь общественной деятельницы и хозяйки парижского литературного салона Марии Самойловны Цетлиной), Андрей Седых — будущий многолетний редактор «Нового русского слова». За изящество в танцах можно было получить приз: парижскую шляпку или фарфоровую куклу. Лотерея «Бочка счастья» обещала самому удачливому ожерелье, пожертвованное фонду для этой цели «королем жемчуга», известным меценатом эмиграции, ювелиром Розенталем.

В Нью-Йорке жила тогда Валентина Санина, знаменитая русская создательница моды, родом из Киева, — и она бывала на этих балах.

Мой успех на балу не ограничился аплодисментами за пение: «Первый приз за элегантный туалет был единогласно присужден Людмиле Лопато, на которой была парижская модель — черное кружевное платье от Паке-на. Мисс Лопато получила золотые серьги с жемчугом

фирмы Леонард Розенталь, Инк.», — напишет через день репортер «Нового русского слова».

Документы для заключения сделки, над которыми работал муж, наконец были подготовлены, и Никита уехал во Флориду, на переговоры. Два дня спустя — телефонный звонок: «Людмила, все удалось, посылаю завтра Дюбока за вами. Жду в Майами!»

Внезапно мы превратились в богатых людей.

На первом парадном обеде, когда подали икру, Делано с большими глазами хлопнул в ладошки и озабоченно спросил: «Кто будет платить?» Было смешно, смешно...

Потом вернулись в Нью-Йорк. Там я пела в русском ночном клубе «Казино Рюс». О моих выступлениях в двух ежевечерних программах русскоязычная пресса Нью-Йорка писала, что я «показала все стороны своего таланта — очень молодой, свежий и приятного тембра голос, юную артистичность и то, что в Париже называют большим личным шармом, — у артистки его много и она расточает с эстрады свой талант и шарм с беззаботной юной щедростью. Пять номеров каждого ее выступления включают одну или две популярные цыганские вещи, преисполненные темперамента и задора, один сакраментальный романс и одну или две новые французские песенки, достойные репертуара Люсьен Бойе...»*

После такого успеха у меня был подписан гастрольный контракт. И в марте 1948 года я уехала в Канаду, в Монреаль, на три недели — петь в большом отеле «Норманди», в ресторане «Самовар».

В те месяцы, в нью-йоркской «Русской чайной» и в монреальском сияющем «Самоваре» я очень остро почувствовала ночную, бесшабашную, полную товарищеских чувств жизнь артистов кабаре. Так разнообразны

* Близнюк М. Прекрасная Маруся Сава... — М.: Русский путь, 2007. — С. 266.

были номера этих вечеров, такие разные люди выходили вместе со мной на сцену. Но как все они отличались от меня тогдашней — живой и веселой, но благовоспитанной и послушной барышни-консерваторки, прошедшей юность под заботливой опекой мамы и острым прищуром Альмы Эдуардовны!

От меня, молодой матери семейства, хозяйки дома, жены человека, делающего неплохой бизнес, артисты кабаре, новые мои товарищи, отличались свободой, смелостью и каким-то очень русским — и очень артистическим! — умением сказать: «А! Не беда...»

Они были пленительны своей независимостью. И я, кажется, именно тогда научилась у них этой легкой бесшабашности, за которой стояли труд и храбрость, — блистать на сцене и жить, как перелетная птица.

Они подбадривали меня. И я переставала чувствовать себя одаренной любительницей искусств, обеспеченной молодой дамой, зависимой от опеки семьи.

Уцелели вырезки из монреальских газет 1948 года.

Какие экзотические личности были моими товарищами в кабаре «Самовар»! Сколько языков звучало в программе: артисты легко переходили с английского на испанский, с русского на французский.

Впрочем, и публика русского кабаре видывала виды!

И говорила на многих языках.

Рецензенты писали о моих товарищах:

«Мария Кармен дель Гомец манипулирует кастаньетами с истинно кастильской поэзией: у нее есть та осанка королевы, тот изгиб ноги, который создает великих иберийских танцовщиц! И этот голос — немного хриплый, столь типичный для испанских певиц...»

«Фантазию близнецов Блэкборн не объяснишь: их надо видеть, чтобы понять. Танцоры-чечеточники, два красивых рослых юноши, поразительно похожие

друг на друга, они нашли очень оригинальную и уникальную манеру, определяющую стиль всего номера. Эпизод, в котором между ними размещено зеркало, требующее максимальной согласованности движений, — и весьма занимательный кунштюк, и весьма счастливый эффект. Все жесты так точны, что близнецы множатся в глазах зрителя: оба юноши действительно кажутся ожившими зеркальными отражениями друг друга...»

«Раша Родель стал симпатичен публике с первой встречи. Мы полюбили его манеру денди былых времен, его обаяние и его изысканность, его четкую мелодическую фразировку (слушателю кажется, что у него это феномен не хорошей школы, а хорошего вкуса), его баритон и эту манеру держаться на эстраде — как будто он поет специально, исключительно для вас и этим оказывает вам немалую честь...»

А вот и я в этом ряду, в строках статьи, точно на старой фотографии:

«Первые звуки голоса этой сдержанной хрупкой белокурой женщины, чьи черты так явно передают тип славянской красоты, — непривычны. Ее голос — скорее слабый, того легкого, глуховатого тембра, к которому надобно сначала привыкнуть. Но слушатель быстро становится завоеван ее шармом, который действует на вас все сильнее и все тревожнее. Все в этой странной женщине содействует впечатлению, которое она производит на публику: колеблющийся жест, всегда почти один и тот же, грустная улыбка, в которой живет тень сомнения во всем, и тень нежной ласки, и славянский акцент, который так усиливает этот неодолимый женский шарм.

Впрочем, вряд ли можно словами раскрыть состав этой смеси покорности судьбе, слабости, улыбки сквозь слезы.

Людмила Лопато — большая артистка, и мы приветствуем поклоном ее искусство».

Русское кабаре, успешно пережившее в Монреале и мировой кризис, и мировую войну, с размахом отпраздновало свое двадцатилетие как раз в дни моего ангажемента. «Со своей белокурой головкой, со своими печальными чертами, со своей атмосферой тихой печали, незамеченной трагедии, со своим телом, которое так откидывается, когда она садится, — Людмила Лопато сама создает атмосферу своих песен. Кажется, это легкая птица со сломанным крылом поет, жалуясь на свое горе. И этот теплый голос, всегда теплый, овладевающий вами, с легким славянским акцентом, который лишь усиливает шарм, — преподносит ее песни: «Вообразите» или «Я продала дьяволу душу...» или восхитительную русскую песню «Сердце». Людмила Лопато следует традиции больших певиц, каких мы сегодня встречаем все реже и реже, — она сама творит свой индивидуальный мир и индивидуальный миг», — писал рецензент юбилейного вечера.

Такими необыкновенными словами Канада проводила меня домой.

К концу моих трехнедельных выступлений в Монреаль приехал Никита с сыном.

В такси, по дороге в аэропорт, муж протянул мне красивую брошь и три бело-розовые орхидеи.

Я поблагодарила. И тихонько вытащила из сумочки свой канадский чек.

Ники посмотрел на него и сказал: «Людмила, спасибо тебе за все, но те времена прошли. Нам больше это не нужно. Ты и так сможешь иметь все, что захочешь».

Он выбросил чек в открытое окно такси. И повел нас с сыном завтракать.

Я не могу даже вспомнить в точности свои чувства тогда. Легко ли мне было отказаться от работы в кабаре? Что я думала о поступке Ники? Не помню! Стерлось...

Но внешне все шло тихо, по-прежнему, только Де-лянушка подрастал.

Комментарии

Александра Прегель — Прегель Александра Николаевна (урожденная Авксентьева, псевдоним Авксент, 1907–1984), художница. В Париже 1920-х гг. училась у Н. Гончаровой и В. Шухаева, в 1930-х гг. — участница групповых выставок («Салон независимых», «Осенний салон» и др.). С 1937 г. жена ученого Б. Прегеля, брата поэтессы Софии Прегель. С 1940 г. жила в США. В 1940-х — 1950-х гг. прошло несколько ее персональных выставок в Нью-Йорке и Париже. Создала цикл иллюстраций к Библии.

Цетлина — Цетлина Мария Самойловна (урожденная Тумаркина, в первом браке Авксентьева, 1886–1972), издатель, общественный деятель, жена М. Цетлина (с 1910 г.) Была деятельным членом Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. В США (с 1940 г.) — издатель «Нового журнала», альманаха «Опыты».

Андрей Седых — настоящее имя Цвибак Яков Моисеевич (1902–1994), журналист, писатель, литературный критик. Секретарь И. Бунина во время его «нобелевской» поездки в Стокгольм (1933). Сотрудник, затем редактор крупнейшей русскоязычной газеты США «Новое русское слово» (1973–1994), автор сборника очерков «Париж ночью» (1928), книги о поездке в СССР «Там, где была Россия» (1929) и мемуаров «Далекие, близкие» (1962), где рассказал о своих встречах с А. Куприным, С. Рахманиновым, Ф. Шаляпиным, П. Милюковым и др.

Валентина Санина — Санина Валентина Николаевна (1894? — 1989), актриса, художник по костюмам, модельер. Ей посвящены многие песни А. Вертинского 1918–1919 гг. В начале 1920-х гг. играла в парижском театре-кабаре Н. Балиева «Ле-

тучая мышь». В Париже познакомилась с Л. Бакстом, который подал ей идею стать художником по костюму. В 1923 г., приехав в Нью-Йорк на гастроли с труппой «Летучей мыши», осталась в США. Первый магазин Саниной открылся на Мэдисон-авеню в 1925 г. Затем создала в Нью-Йорке свой Дом моды «Валентина» (1928–1957). Ее клиентками были Глория Свенсон, Полетт Годдар, Норма Ширер, Инна Клер, Вера Зорина, Розалинда Рассел, Грета Гарбо, Пола Негри, Марлен Дитрих, Клодетт Кольбер, Одри Хепберн. С 1933 г. создавала костюмы для бродвейских постановок. В 1934 г. разработала костюмы для знаменитой певицы Лили Понс (Золотой петушок), «Лакме», «Лючия ди Ламмермур»). В 1935 г. — для «Кармен» в постановке Метрополитен-опера. В 1940 г. — новые костюмы для меццо-сопрано Глэдис Швартог в том же спектакле. Позднее создавала костюмы для примадонн Грейс Мур, Дороти Кристин, Розы Понсель. В 1930-е — 1940-е гг. делала костюмы для спектаклей с участием Джудит Андерсон, Кэтрин Хепберн, Кэтрин Корнелл.

«Леонард Розенталь Инк.» — Розенталь Леонард Михайлович (1877? — 1955), ювелир, промышленник. Эмигрировал во Францию в 1900-х гг., сделал состояние на добыче и продаже жемчуга. В 1920-х гг. славился в русском Париже систематической и активной помощью писателям, кинематографистам, артистам, ученым. О «короле жемчуга» с симпатией писала, например, в своих мемуарах К. Куприна: в 1926 г. Розенталь помог жене писателя открыть переплетную мастерскую. В начале Второй мировой войны эмигрировал в США.

Людмила Лопато в кружевной шали. Париж, 1950-е гг.

Глава четырнадцатая

*Молодой человек с собакой
Гун-Герль. Василишки
на летном поле.
«Частушка, в пятницу
Женимся!»
Бегство, бегство
и окончательное бегство*

После всего решили ехать в Кейп-Код на летние каникулы. Никита проводил нас и вернулся в Нью-Йорк.

Мы остались на курорте. И в один лунный вечер, когда я сидела в зале отеля, болтая с новыми знакомыми, на пороге появился молодой человек.

Очень красивый молодой человек. С огромной коричневой охотничьей собакой по кличке Гун-Герль на поводке.

Вдруг со мною что-то произошло, не знаю что, но все во мне как будто вспыхнуло!

Самое поразительное — что-то произошло и с ним! Он замер, подошел ко мне и сказал: «Я потерял голо-

ву от одного вашего взгляда, я умираю, я вас люблю!» Я ничего не ответила. Но жизнь вдруг перевернулась. Не могу объяснить, как это случилось: за несколько минут я потеряла чувство самосохранения, потеряла голову. И не хотела думать ни о чем!

Он был военный летчик, награжденный медалью за храбрость. Был в бою контужен, недавно демобилизован и готов на любые безумства.

Послевоенный воздух — по обе стороны Атлантики — был полон эйфорическим, безоглядным, ликующим безумством тех, кто остался жив.

Это было несравнимо с безумием самой войны.

Но тоже довольно опасно.

Прошло несколько дней — и я позвонила Никите: «Ухожу, не могу иначе. Возьми Делано».

Дальше — была, конечно, драма, много слез, бесконечные и бесконечные переговоры. В конце концов за Делано в Кейп-Код приехал верный Раймонд Дюбок. А я уехала с моим безумцем Фрэнком — ничего не зная, ничего не соображая, в сандалиях, синей джинсовой юбке и малиновом кашемировом свитере.

С маленьким чемоданчиком.

Не буду рассказывать все последующее — ни хорошее, ни плохое. Чувствуя себя виноватой, я решила просить у Ники развод. Поехала в Лас-Вегас. Прожила одна полтора месяца в изнурительной жаре, среди пустыни, роскошных отелей, ресторанов, тотализаторов, мюзик-холлов и казино.

Получила развод и отправилась обратно в Нью-Йорк.

В аэропорту меня встречал Фрэнк с букетом васильков. Поцеловав меня, он небрежно-покровительственно сказал: «Частушка, в пятницу женимся!»

Я задумалась и тихонечко ответила: «Увидим, я теперь очень устала».

Он прошептал зловещим голосом: «Или ты будешь моя, или я тебя убью!»

Проводил меня в отель. Я улыбнулась на пороге: «До завтра...»

Не помню как, не знаю почему (вероятно, все это было необыкновенно сложно по тем временам), но через несколько недель я очутилась на пароходе «Куин Мэри», который увез меня в Шербург. А оттуда я уехала в Париж.

Вскоре изменилась и жизнь оставленного мною Никиты. Дела привели его в Венесуэлу, в Каракас, он навещал там старого друга, товарища по гимназии и по университету, сына венесуэльского посла во Франции. За минувшие годы посол успел стать премьер-министром Венесуэлы.

Никита рассказал старому другу о своей драме: ушла жена... В семье это произвело большое волнение. На следующий день

за завтраком появилась Финита, незамужняя сестра друга. Конечно, она сразу влюбилась в Ники: телеграммы, письма полились к нему в Нью-Йорк.

Через несколько месяцев Никитушка женился и стал подолгу жить в Каракасе. Он вошел в круг важных государственных деятелей этой страны. Купил большой дом — с бассейном и с двумя тысячами орхидей в оранжерее...

*Л. Лопато в концертном платье.
США, конец 1940-х гг.*

Впоследствии в Венесуэле произошел государственный переворот. И в 1958 году все родственники бывшего премьер-министра улетели в Европу, взяв с собой лишь остатки былой роскоши — золотые сервизные тарелки.

А я — я после окончательного разрыва и с Никитой, и с Фрэнком — сняла в Париже квартиру у моего дяди в Пасси. Иногда приятно быть одной: плакать, смеяться, грустить, мечтать... и заснуть крепким сном.

И проснуться.

И снова стать самой собой.

Людмила Лопато. Париж, 1950-й г.

Глава пятнадцатая

«Динарзад», «Казанова», «Ночь в Париже»

Закипела жизнь — прежние знакомые и друзья все так же любили «Темную ночь» и все так же были мне рады. Мой двоюродный брат закончил войну полковником французской армии, получил орден Почетного легиона — блестящий, умный человек! У его жены Франсуаз — чудесной, сильной, доброй, никогда не бывало проблем вчерашнего дня, потому что каждый день жизнь для нее начиналась снова.

Они часто принимали друзей в своем доме. И я бывала у них.

Послевоенный Париж не изменился ни в своей красоте, ни в своем величии. Но люди были совсем другими: устали, в душах накопилась ненависть ко всему, что связано с войной. Так много семей потеряло своих близких, столько женщин надели черные траурные платья...

Но была и лихорадочная радость: война кончилась! Париж дышал смесью этих чувств: кафе и кабаре были переполнены, еще действовали продуктовые карточки, но в то же время рестораны, в те годы совсем не по-парижски отгороженные бархатными занавесями от улиц, от понурых женщин в башмаках

Шон Коннери и Людмила Лопато. Франция, 1960-е гг.

на деревянных подошвах, добывали на черном рынке все, что можно только вообразить. Конечно, по очень высоким ценам.

Оркестры играли, цыгане пели, и люди хотели забыть.

Однажды Нина Дмитриевна Демидова, мать известного режиссера театра «Ателье», сказала мне: «Людмила, на рю де-ля-Тур открывается новый ресторан “Динарзад”. Говорят, это будет великолепно. Пойдем, познакомимся с хозяевами».

Рестораном владели четверо: мадам Усова, Нагорнов, бывший владелец «Шехерезады» и «Флоранс», Чистяков и еще один русский полковник, фамилии которого не помню.

Мы пришли днем. Я спела, и все четверо сразу решили меня пригласить к ним. Я должна была выступить уже на открытии ресторана.

У меня был экстравагантный для тех лет сценический костюм — бархатная черная туника, вышитая жемчугом, на подкладке из белого тюля, от дома Ланвен. И был успех!

Но я никогда не зарабатывала миллиарды, не умела жестко ставить условия. Мне казалось, что упорный, холодный разговор о гонораре не соответствует ни моему воспитанию, ни романтическому образу певицы. Когда мне давали заработанное, я безразлично смотрела на конверт: «Спасибо».

Вероятно, думаю я теперь, для работодателей были очень-очень удобны и мое хорошее воспитание, и мой вежливый образ мыслей. И еще я думаю иногда: совсем не случайно во французском языке понятия «завоевывать», «выигрывать в состязании», «схватывать, добывать» и «зарабатывать деньги» обозначаются одним и тем же глаголом: *gagner*. Да и у немцев есть похожий по сумме смыслов глагол: *kriegen*.

Это делает честь здравомыслию обоих народов.

Но я — русская. А у нас в языке такого глагола нет.

К сожалению...

С Ники мы были уже разведены. Вся его венесуэльская семья — тогда еще с оранжерейными орхидеями и золотыми тарелками — восклицала с ужасом: «Бедная Людмила! Как, она оставила мужа и поет, сама решила работать, сама решила зарабатывать?!»

Их ужас и сочувствие, несомненно, были искренними.

«Динарзад» быстро завоевал высокую репутацию в Париже. Хозяева очень хорошо знали свое дело, и я многому научилась у них. Атмосфера по вечерам — необыкновенная, персонал — опытный, оркестр — прекрасный, много хороших артистов в программе. «Динарзад» был рестораном небольшим, на семьдесят человек. Но публика там бывала самая изыскан-

ная: королева Голландии Юлиана с мужем, принцем Бернардом, бывший король Сербии Петр Карагеоргиевич со свитой, герцог Виндзорский с миссис Уоллес Симпсон... Я хорошо ее запомнила. Помимо всего прочего ее прославила фраза: «Женщина не может быть ни слишком худой, ни слишком богатой». Эта американка из Шанхая была, безусловно, роковой страстью монарха, оставившего ради нее корону и жившего в добровольном изгнании.

Я подружилась с Бронимиром Владимировичем, бывшим губернатором и другом короля Петра Сербского — умница, блестяще образованный человек, он был еще и хорош собою, как Гарри Купер. Они с королем Петром часто приходили в «Динарзад» кутить, приглашали меня то завтракать, то ужинать с ними. Даже бывали у меня в гостях: я угощала их фазанами в сметане и вином «Шато-неф-дю Пап». Но из-за безнадежности положения изгнанной династии Бронимир Владимирович решил не оставаться в Париже навсегда. Он уехал за океан и потом долго работал в Библиотеке конгресса в Вашингтоне.

Так продолжалось два сезона. В этом ресторане были темные залы, гарсоны меняли скатерти с белой на синюю, ставили свечи в позолоченных подсвечниках, подавали шампанское, а из окон открывался замечательный вид на ночной освещенный сад...

Увы, блестящее заведение позже погибло по неосмотрительности хозяев. Владелец помещения, увидев, каким прибыльным быстро сделался новый ресторан, захотел повысить арендную плату. Четверо владельцев дружно отказали. Тогда им было отказано в аренде... Это было гибелью для «Динарзад». Легенда о «великом кабаре» живет в Париже до сих пор. Она оказалась куда более прочной, чем реальное дело.

Мелочность — ужасная вещь.

Людмила Лопато во время записи концерта для французского телевидения. Фото Одэтт Бомон. Париж, 1957 г.

Она утомительна. Она неосмотрительна.

И она губит замыслы, которые так много обещали...

О моем пении в «Динарзаде» вскоре заговорил Париж, и не только русский. Николай, хозяин кабаре «Казанова», предложил мне выступать у него со словами: «Хочу, хочу, хочу, чтобы вы нам пели!»

Кабаре «Казанова» было известно по всему миру. Это был зал с интерьером в стиле Людовика XV, с русскими «гарсонами» (все одинакового роста — 1 м 83 см, все в костюмах эпохи Людовика XV и в белых париках). У хозяина было три жены, все чудесные, но помогали они Николаю главным образом пить... Впрочем, это как-то подходило к общему стилю, и шампанское лилось, и оркестр играл, и атмосфера была туманно-чудесной.

Я там пела «Мы никогда друг друга не любили» и «Василечки». Иногда выходила на сцену с огромной борзой собакой. Девушка приносила мне на эстраду пышный букет красных роз. Оркестр в этот момент падал ниц.

Скрипач Костя становился на колени, а гитаристы ему подыгрывали.

В моем репертуаре были старые русские песни, такие простые и нежные, а когда Ренато, португальский певец, выходил после меня со своей коронной «Авриль о Португаль», публика была в полном восторге.

Жизнь проходила сумбурно, но очень приятно. В «Динарзад» и «Казанове» было легко дышать, смеяться, плакать и ни о чем не думать... Там и тут у меня было немало поклонников: все милые, блестящие люди.

И рецензент Скаржинский писал об этих «русских ночах»: «У Людмилы каждый вечер столько роз, что пора ей иметь свой большой сад...»

Однажды мы пошли к «Мартьянычу» с прелестной певицей Ириной Строцци и известным адвокатом Женей Лорье. Ели шашлык, пили... и вдруг Ириночка говорит: «Вот этот господин за столиком напротив все время смотрит только на вас».

Прошло около двух недель, раздался звонок, и я услышала очень приятный голос: «Людмила, наконец я нашел вас, никто в Париже не хотел дать ваш адрес и номер телефона... Умоляю, поедem ужинать к “Нови”! Не бойтесь, я серьезный человек, сейчас мы снимаем фильм в Париже. Жду вас внизу».

Я задумалась: как быть?.. И все же решила спуститься. Незнакомец был прекрасен — высокий, элегантный, с милой скромной улыбкой. В «Нови» цыгане окружили наш стол, подошел сам Новский, хозяин и душа заведения — он, между прочим, чудно пел! — и начался пир.

Мне всегда говорила Валя Димитриевич: «Учись, Людмила, учись петь по-цыгански!» — «Стараюсь, — отвеча-

ла я, — но что-то не выходит!» Тем не менее цыганское пение я оценить могла. В тот вечер все были полны пыла и пламени — и мы, и цыгане Анатолии, и мой спутник, который окончил Кембридж, был в Англии сценаристом и режиссером. Теперь каждый вечер мы проводили вместе, часто в компании известных английских актеров и актрис Майкла Кейна, Шона О’Коннери, Натали Блум. Бывали и французские звезды, например Брижит Бардо.

Позже я пела в его фильме «Ночь в Париже» и в нескольких телепередачах Би-би-си. В ту же пору, около 1954 года, продюсеры его фильмов пригласили меня в Венецию на время кинофестиваля. Мы жили на острове Лидо, в отеле «Эксельсиор», и как-то вечером были приглашены к графине Вольпи в знаменитый Палаццо Вольпи на Большом канале.

То был бал на сто человек гостей, с лакеями в ливреях. Я запомнила картины старых мастеров на стенах, пылающие свечи, сотни свечей. Кое-кому из присутствовавших, чтобы посмотреть на всю эту красоту, пришлось купить себе приглашение за две-три тысячи долларов...

Гондолы привезли нас к мраморным ступеням Палаццо — покрытые красным ковром, эти лестницы ждали своих гостей! Так романтично... Роскошь была совершенно невероятная. Никогда не забуду!

Комментарии

Ресторан «Динарзад» — имя сестры Шехерезады из сказок «1001 ночи» носил русский ресторан-кабаре в Париже, основанный в 1949 г. по адресу рю де ля Тур, 16, в особняке XVIII в. с большим садом. Владелец — Леонид Шестаков (1895–1975), бывший метрдотель кабаре «Шехерезада». «Динарзад» прославился оркестром Поля Тоскано и был закрыт в 1959 г.

Мадам Усова — Усова Татьяна Константиновна.

Бывший король Сербии Петр Карагеоргиевич — Карагеоргиевичи — княжеская, с 1903 г. королевская династия Сербии, затем Югославии. Петр Карагеоргиевич стал королем в 1934 г. В 1941 г., после вступления в Югославию войск Германии и Италии, покинул страну.

Ирина Строци — урожденная Александровская (1909–1985), актриса, танцовщица, драматург.

Валя Димитриевич — Валентина Ивановна Димитриевич (1905–1983), Алексей Иванович (1913–1986), Маруся Димитриевич (1913–1960), самые известные исполнители в легендарной семье цыганских певцов и гитаристов. Димитриевичи ушли из Самары с войсками адмирала А. В. Колчака, перебрались в 1921 г. из Владивостока в Харбин. Далее гастрольный путь этой семьи лежал через Гонконг, Яву, Бирму, Калькутту. В середине 1920-х гг. Димитриевичи с успехом выступали в цирках Испании, в 1927 г. семья (в составе тридцати человек) прибыла в Париж. После выступлений в ресторане «Большой московский эрмитаж», вместе с А. Н. Вергинским и Н. В. Плевичкой, Димитриевичи приобрели ресторан «Пуассон д'Ор» на Монпарнасе. В последние годы жизни А. И. Димитриевич выступал в парижском кабаре «Распутин», записал ряд дисков.

«Казанова» — русское кабаре на авеню Рашель, 10. Принадлежало Николаю Кузнецову (?–1993). Названо в честь фильма «Казанова» с участием И. Мозжухина. Фойе ресторана украшал его большой портрет в этой роли. Обставленное белой мебелью в стиле рококо, кабаре сгорело 13 января 1939 г. от вспыхнувшей рождественской елки. Вновь открыто 3 апреля 1946 г. в соседнем доме, по адресу авеню Рашель, 2.

Шон О'Коннери (р. 1930), англо-американский киноактер.

Брижит Бардо (р. 1934). В начале 1950-х актриса уже снялась в полутора десятках фильмов (в том числе у Анатоля Литвака

в фильме «Акт любви», 1954), ее игра была отмечена в статьях Жана Кокто, Симоны де Бовуар, Маргерит Дюрас. Однако в описываемый период Б. Б. еще не приобрела мировой известности. Настоящая слава актрисы началась с фильма ее мужа Роже Вадима (Племянникова) «И создал Бог женщину» (1956).

Людмила Лопато и Пьер Брассер в кадре из фильма «Распутин»

Глава шестнадцатая

*«В гостях у Людмилы
Лопато».*
Фильм «Распутин».
Жгучие тайны Азии

В Париже я довольно часто устраивала благотворительные спектакли. Однажды ко мне пришла мадам Зернова и попросила устроить вечер в пользу русского сиротского дома, где она была директрисой. Там жили около ста детишек, самым младшим было по два года.

Вечер назывался «В гостях у Людмилы Лопато». Первое отделение мы решили сделать не просто концертным: действие было объединено единым сюжетом. Сценарий написала для нас Мария Вега, автор нескольких книг стихов и многочисленных комических песенок и жестоких романсов из репертуара русских кабаре тех лет. Самый ее знаменитый надрывный романс «Не смотрите вы так сквозь прищуренный глаз, джентльмены, бароны и леди...» — на слуху до сих пор и в эмиграции, и в России.

Она была огромного роста, полная, и лицом походила на мужчину.

В 60-х Мария вернулась в СССР, жила, кажется, в Сибири (в Новосибирске или Иркутске) и печаталась — но это были вполне серьезные лирические стихи, совсем не похожие на те, по которым ее знали в Париже...

В нашем спектакле действовали Хозяйка Салона — в программке так и значилось: «В роли Людмилы Лопато — Людмила Лопато», Злючка — Киса Куприна, Русский Трагик — престарелый, но величественный Вырубов, в прошлом актер Пражской труппы МХТ. Были также Светская Дама (Моника Сакс, богатая любительница), Дебютантка (Элен Валье, сестра Марины Влади), Зритель и Зрительница, Бармен и Импресарио, Флиртующая Дама и приглашенный для развлечения гостей Испанский Певец (португалец Ренато из «Казановы»). А ближе к развязке, почти как у Гоголя, в сценическом салоне Людмилы Лопато появлялся Судебный Исполнитель.

Клод Буассоль, чудесный молодой режиссер, ставил скетч. Репетиции шли у меня, на рю Виталь. Вечер «В гостях у Людмилы Лопато» прошел в большой зале «Йена» 4 апреля 1955 года.

В программке было отмечено, какими Домами моды созданы костюмы: «Муслиновое платье м-м Лопато цвета мальвы — от Магги Руфф. Кружевное платье м-м Лопато цвета лаванды — от Пакена, 120, рю Фобур-Сент-Оноре, Париж-8».

Во втором отделении выступал грузинский балет Ильи Джабадари, а после их танцев я пела «Сулико» и «Тбилисо». В третьем играл русский оркестр гитаристов и балалаечников Орловского.

Генерал Орловский (тогда ему было лет пятьдесят пять) был одним из лучших гитаристов, которых я знала в Париже. Позже он собирался поступить музыкантом ко мне в ресторан. Но скоропостижно умер — был отравлен.

Как тогда сказали — КГБ.

Один из его музыкантов, Борис Карабанов, был красивым и высоким мужчиной, родным братом русской кинозвезды Зои Карабановой — до эмиграции она играла в Камерном театре Таирова (например, в трагедии Иннокентия Анненского «Фамира Кифаред»), позже исполняла также роли в «Летучей мыши» Никиты Балиева и даже была одно время его женой. Сам Борис Карабанов также был актером, в Париже стал профессиональным гримером, подрабатывал в оркестре бала-лаечником.

Был большой успех и большой сбор: друзья помогли привлечь блестящую публику. В программках значилось: «Все, что вы истратили сегодня, вы отдали детям. Спасибо! Людмила Лопато».

Анатолий привел многих артистов, а моя приятельница, графиня Лилиан д'Альфельд — сына индийского магараджи.

В те же недели, когда шли наши репетиции, Клод Буассоль и продюсер Комбре ставили фильм «Распутин». Клод пригласил меня петь в кадре для Распутина (то есть для Пьера Брассера, который его играл). Я исполнила песню «Мы на лодочке катались».

Вот как описывала съемки газетная хроника почти полувековой давности под броским заголовком «Людмила Лопато поет, как Марлен»:

«Когда съемки фильма “Распутин” с Пьером Брассером в главной роли только начинались, режиссер Жорж Комбре встретил на одном из коктейлей Людмилу Лопато. Через несколько минут он воскликнул:

— Почему я не встречал вас раньше? Мы немедленно исправим это!

И он тотчас попросил Клода Буассоля, сценариста фильма, добавить сцену, в которой Людмила поет тоскливые и жгучие цыганские песни Пьеру Брассеру (обремененному еще более длинной, чем обычно, боро-

дой, так как при царском дворе Распутин хотел казаться скорбным и суровым монахом).

Несомненно, молодая актриса сделала эту сцену очень колоритной. Кажется, все колдовство Азии досталось ей, все тайны Азии смешались в ее наследстве. Она родилась в Маньчжурии, в Харбине. Дочь русских родителей растила няня-китаянка. Перед тем как отбыть в Париж, она провела часть своего детства в Индокитае, среди кхмеров. От кхмеров она унаследовала свою улыбку, от нянюшки — китайский язык, на котором говорит бегло.

В Париже Людмила встретила голливудского продюсера, который женился на ней и увез в Америку. Муж хотел, чтобы она стала актрисой. Она же хотела быть только матерью семейства. Был найден компромисс: не работая в кино, она участвовала в телепередачах. Однако вскоре для обоих стала очевидной неизбежность развода: муж Людмилы любил проводить ночи в ресторанах и кабаре, она же предпочитала скакать по степям верхом, до самого рассвета.

Людмила уехала в Париж — с тем чтобы немедленно снова отбыть в Америку, поскольку в Европе ее встретила телеграмма из Нью-Йорка: Людмилу просили вернуться, чтобы записать ее песни на пластинки. Диски Людмилы Лопато очаровали американцев. Ей дали прозвище “Русской Марлен Дитрих”. После этого и Лондон открыл ей двери своих студий.

Жорж Комбре весьма горд своим “открытием”:

— Сенсация! — говорит он. — Прямая опасность для всех мужчин! Ее взгляд и ее шарм неопишутемы...

Но Людмила больше думает о том, как завоевать сердца младенцев. Она оказала огромную помощь детям из сиротского дома в Вильмуассоне: недавно дала концерт в их пользу, принесший сборы больше миллиона франков».

Кое-что здесь явно преувеличено: китайский язык оказался слишком сложен для меня. И по диким степям Калифорнии я, увы, не скакала до рассвета. Мне очень хотелось в юности выучиться ездить верхом... но на первом же уроке лошадь наступила мне на ногу — и на этом с конным спортом было покончено.

Примерно в то же время я записала в Париже, на фирме «Полидор», пластинку с моим романсом «Я слушаю тебя внимательно и чутко».

Но успехи и удары иногда следуют друг за другом.

Вскоре Анатолий уехал на три года в Голливуд. И мы расстались.

Тогда-то я и написала приведенные выше стихи, почти романс:

Между нами нити голубые
Запутались и завязались кольцом.
Клятвы беспредельные, святые,
Розы красные кругом.
Плед пушистый был засыпан весь цветами,
Два бокала на полу...

Комментарии

Зернова — Зернова Софья Михайловна (1890–1986), дочь бывшего московского городского головы М. С. Зернова. В эмиграции с 1923 г., была в числе основателей и активных деятелей РСХД — в Сербии, затем во Франции. В 1932–1934 гг. заведовала парижским «Бюро по приисканию труда для русских при Обще-Воинском союзе», в 1935 г. — Центром помощи русским беженцам. Основательница Русского детского дома в Вильмуассоне (с 1954 г. — в Монжероне). Автор книги воспоминаний «На переломе» (Париж, 1970).

Мария Бега (1898–1980) — поэтесса.

Одиль Версуа, сестра Марины Влади — настоящее имя Татьяна Полякова-Байдарова, в замужестве графиня Поццо ди Борго (1930–1980), французская киноактриса, в ранней юности балерина кордебалета Парижской оперы, в 1948–1977 гг. снялась в двух десятках фильмов во Франции и Англии.

Борис Карабанов — Карабанов Борис Владимирович (1897–1977), брат киноактрисы Зои Карабановой, актер немого кино, участник Пражской труппы МХТ. Играл в драматических труппах Парижа, в частности, исполнял роли Хлестакова в «Ревизоре» и Манилова в «Мертвых душах». Работал гримером в кино, постоянно гримировал знаменитого комика Фернанделя.

«Камерный театр» Таирова — Таиров Александр Яковлевич (1885–1950), режиссер, создал свой Камерный театр в 1914 г.

«Летучая мышь» Балиева — Балиев Никита Федорович (настоящее имя Балян Мкртич Асвадурович, 1876–1936), актер, режиссер, конферансье. С 1906 г. — пайщик МХТ и секретарь В. Немировича-Данченко. Организатор знаменитых капустников МХТ, создатель театра-кабаре «Летучая мышь». В начале 1910-х гг. театр Балиева приобрел самостоятельность и шумный успех. В 1920 г., когда часть труппы МХТ осталась за границей, возобновленная в Париже «Летучая мышь» с успехом гастролировала по Европе, США и Латинской Америке до начала 1930-х гг.

Косма — Косма Жозеф (1905–1969), французский композитор венгерского происхождения. В юности испытал влияние Курта Вайля. В Париже начиная с 1934 г. создал свыше 80 песен на стихи Жака Превера, многие из них популярны донныне. С 1936 г. писал музыку к фильмам. Работал с Марселем Карне («Дети райка»), Жаном Ренуаром и др.

Прима-балерина Матильда Кшесинская в сценическом костюме и бриллиантовой диадеме. Фотография Быстрова. Петроград, 1917 г.

Глава семнадцатая

*Ужин у Кшесинской.
Владимир Кшесинский-
Романов и его черепаха.
Графиня Лилиан
и Серж Виффарь*

Моя приятельница австрийская графиня Лилиан д'Альфельд была близкой подругой миллиардера Моргана, который оплатил ей апартаменты на шесть месяцев в знаменитом отеле «Георг V», — она там жила широко и многих принимала.

Лилиан знала немало аристократов из Египта, Непала и Индии — в отеле на рояле у нее стояли их портреты. Кое-кого из них она привела на мой благотворительный вечер. Графиня раздаривала подругам шелковые сари, а сама владела множеством индийских драгоценностей.

Эксцентричная Лилиан как-то сказала мне: «Ты всех моих египтян покоряешь, познакомь и меня с русским князем». Я позвонила Владимиру Кшесинскому-Романову, и на следующий день мы пошли ужинать в «Динарзад». Роман между Лилиан и Владимиром начался моментально. Днем позже взволнованная Лилиан сказала мне по те-

лефону: «Людмила, наряжайся в пух и прах! Мой лимузин повезет нас к Кшесинской ужинать».

С Матильдой Кшесинской я встречалась многократно. Великий князь Андрей Владимирович, ее муж, был милейший человек. У них был небогатый, но очаровательный дом с террасой в саду возле улицы Пасси (вилла «Молитор», дом 10) в Шестнадцатом аррондисмане Парижа. Несмотря на свой возраст прима-балерина продол-

М. Кшесинская с ученицей в своей студии. Париж, 1930-е гг.

жала учить молодых искусству танца в своей студии, основанной еще в 1929 году.

Вместе с ней жила ее сестра, балерина Кшесинская-вторая, которая была стара, больна и плохо ходила, поэтому редко спускалась вниз из своей спальни.

Вова жил вместе с родителями, в этом же доме. Он был красивый, милый молодой человек и нашел себя в эмиграции следующим образом: сделался коммивояжером, ездил

на велосипеде, продавал вина своим приятелям и знакомым. Мне тоже. Мы были друзьями.

Вова держал в доме ручную черепаху, ухаживал за ней, кормил капустными листьями, которые она очень любила. И тратил на нее на удивление много душевного пыла.

Но вот у черепахи появилась серьезная соперница.

Мы приехали. Разодетая Лилиан сделала глубокий реверанс и склонила голову перед княгиней-примой и князем. Андрей Владимирович улыбнулся и, чмокнув меня в щеку, спросил: «Как жизнь?» Ужин был превкусный, княгиня оставалась умной и приятной собеседницей, Лилиан не спускала глаз с Вовы. А через неделю сняла у них комнату, очень уютно ее устроила и — переехала.

Прошло некоторое время. Лилиан как-то разочаровалась в Вовиной элегантности и заскучала. Вскоре, на Пасху, вечером к ним пришел Серж Лифарь. И тут моя австрийская графиня действительно влюбилась.

А Лифарь любил все, что было красиво.

И, главное, всех, кто его любил.

Лифарь был тогда уже несколько лет не в фаворе у Парижской оперы. После немецкой оккупации Парижа ему постоянно ставили в вину встречу с Гитлером, которому он якобы показывал здание «Гранд-опера». Он сумел найти работу только в Финском национальном балете в Хельсинки, потом танцевал в Сан-Морице, в Швейцарии, а позднее в Лиссабоне поставил «Жар-птицу» в оформлении Дмитрия Бушена.

М. Кшесинская с супругом, великим князем Андреем Владимировичем. Париж, 1930-е гг.

*Сергей Лифарь в сценическом
костюме. 1940-е гг. Париж*

Лилиан взяла его «на поруки». Когда Лифарь уехал за границу, энергичная графиня перевезла на новую квартиру все его вещи (даже засохшую рождественскую елку, украшенную игрушками). Их роман продолжался в течение долгих лет, до смерти Лифаря в 1986 году в Лозанне.

Сергей всегда говорил: «Я и моя контесса». Они были очень дружны. Лилиан много ему помогала. Именно она сохранила его бесценные бумаги и привела их в порядок. Таким образом к ней попали письма Натальи Гончаровой из собрания «Пушкинианы» Дягилева. И многие бумаги самого Дягилева, которые он оставил Лифарю и Борису Кохно, своему секретарю и либреттисту.

Кшесинская была очень расстроена этим романом, потому что знала, как сильно Вова любил Лилиан.

Так расстроена, что однажды плеснула в Лилиан кипятком.

Комментарии

Кшесинская Матильда Феликсовна — настоящая фамилия Кржезинская, с 1921 г. — княгиня Красинская, возлюбленная

цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II), мorganатическая жена великого князя Андрея Владимировича (1872–1971), танцовщица, педагог, мемуаристка. Прима-балерина Мариинского театра (1896–1904), с 1920 г. — в эмиграции.

Владимир Кшесинский-Романов — светлейший князь Владимир Андреевич Романовский-Красинский (1902–1974).

Великий князь Андрей Владимирович (1879–1956) — младший сын великого князя Владимира Александровича (1847–1909) и великой княгини Марии Павловны (1854–1920).

Кшесинская-вторая — Кржезинская Юлия Феликсовна, в замужестве баронесса Зедделер (1865 — ?), характерная танцовщица Мариинского театра в 1882–1902 гг. «Кшесинской-второй», в силу возрастных причин, петербургские балетоманы называли как раз Матильду Феликсовну в начале ее карьеры.

«Жар-птица» в оформлении Дмитрия Бушена — «Жар-птица» (1910), балет М. Фокина на музыку И. Стравинского, прославленный постановкой «Русских сезонов» С. Дягилева (сценография А. Головина и Л. Бакста). Бушен Дмитрий Дмитриевич (1893–1993), художник, начинал в Петербурге, в кругу «Мира искусства». В 1918–

Графиня Лилиан д'Альфельд и Людмила Лопато в бальных платьях в стиле "ню лук". Париж, 1950-е гг.

1925 гг. — младший хранитель Эрмитажа. С 1925 г. жил в Париже, работал как станковист и сценограф (с середины 1930-х гг.), оформлял для «Гранд-опера» и других трупп балеты М. Фокина, Л. Мясина, Дж. Баланчина, С. Лифаря, К. Йосса, Р. Пети. В 1977 г. иллюстрировал французское издание «Поэмы без героя» А. Ахматовой, многих персонажей которой знал в Петербурге 1910-х гг. Работы представлены в музеях Лондона, Парижа, Нью-Йорка. Подарил Эрмитажу свыше 50 работ.

Письма Натальи Гончаровой из бывшего собрания «Пушкинианы» Дягилева — в 1928 г. в Ницце леди Торби, внучка Пушкина и морганатическая жена великого князя Михаила Михайловича, передала Дягилеву пушкинский автограф — письмо поэта к Н. Гончаровой. В начале 1929 г. Дягилев приобрел у наследников леди Торби еще десять писем Пушкина к жене.

Борис Кохно (1904–1990) — секретарь С. Дягилева в 1922–1929 гг., либреттист, балетный критик. В 1932–1936 гг. один из руководителей труппы «Русский балет Монте-Карло». Принимал участие в организации парижских балетных трупп, сотрудничал с Роланом Пети и др.

Людмила Лопато с сыном Делано, 1942 г., США

Глава восемнадцатая

Каникулы с Делано и мои путешествия

Я очень часто ездила в Америку. В ту пору самолеты из Европы в США через океан летали редко, и путешествия совершались на трансатлантических морских лайнерах, что занимало несколько дней. Хорошо помню знаменитые пароходы тех лет: английские «Куин Элизабет» и «Куин Мэри», французские «Норманди» и «Франс». Это были плавучие дворцы, оформленные по последнему крику моды времен их постройки (то есть в стиле ар-деко), с прекрасными ресторанами, барами, дансингами, библиотеками, парикмахерскими, салонами красоты. Путешествие на них зачастую становилось настоящей увлекательной авантюрой. Об этом даже был снят фильм с участием Фреда Астера и Джинджер Роджерс. И вправду, за время долгих морских путешествий в столь комфортной обстановке можно было успеть влюбиться, жениться и развестись.

Летом я проводила два месяца в США, на побережье, со своим сыном Делано. Или он приезжал в Европу, и мы ехали на каникулы в Швейцарию, в Санкт-Мориц или Гштаад — зимой, конечно. А летом — на Капри, в Италию, в Позитано. Или во Францию, на Лазурный берег.

Деланушка учился в Лоренсвилле, замечательной школе для мальчиков. Потом — в Бостонском университете, где встретил свою будущую жену Винфред, ирландку по происхождению, дочь известного адвоката К. Дойля и его жены Рут, очень светской дамы.

В своих поездках в Штаты я всегда встречалась с друзьями. Среди них был Борис Федорович Шаляпин, известный в Америке художник-портретист. И другой известный портретист, петербуржец Серебряного

Л. Лопато. Париж, 1950-е гг.

века Савелий Сорин. И блестящий инженер Василий Лермонт, милейший сноб. Он сократил знаменитое имя предков. Но характером до смешного походил на героя «Маскарада» — и тут уж без изъятий и сокращений на западный манер.

Почти как Арбенин, Лермонт думал, что он всегда и во всем прав.

Помню, как-то раз я плыла в Америку на «Куин Элизабет».

Пассажиры, и я в том числе, сидели на палубе, загорали, попивая апельсиновый сок с джином. Ко мне подошел молодой человек и сказал: «Извините, но я обошел весь пароход, изучил все лица и нашел вас самой красивой дамой на “Куин Элизабет”. Разрешите представиться: Идэн. Но — только племянник».

Людмила Лопато с сыном Делано Гарвичем. Капри, 1960 г.

Джон был племянником военного министра Британии во время Второй мировой войны лорда Энтони Идена.

Племянник был весьма забавный собеседник. Он работал с господином Уорнером, легендарным продюсером, который тоже плыл из Европы этим пароходом. В один из вечеров они устроили для меня концерт. Это было очень приятно: я сидела за столом рядом со знаменитым Гарри Уорнером, пела и играла на рояле.

Мы с Иденем-племянником встречались и позже, в Нью-Йорке и Голливуде, Джон мило за мной ухаживал, но мои мысли и сердце были далеко.

Когда я вернулась из Америки после вакаций 1956 года, старые друзья — режиссер Леонид Моги, его престелная жена-датчанка Рюн и их дочь Катя — пригласили меня приехать к ним в Рим. Я жила на виа Венето в гостинице «Бостон». Я очутилась в компании знаменитых артистов, друзей Леонида.

На долгие годы подружилась я с Аллегрой Сандерс, тогда подругой известного писателя и историка, будущего академика Мориса Дрюона. Впоследствии она вышла замуж за видного итальянского адвоката, жила на Тринитадеи-Монти, в квартире с огромной террасой, с видом на Рим, и написала книгу «Жизнь глазами моей собаки».

Надо отметить, собака у нее была очень маленькая...

Однажды известный кинопродюсер Ольян пригласил меня позавтракать в римский «Эксельсиор». Среди гостей был итальянский сенатор Дугони, социалист и идеалист. Дугони как-то был очень тих... Ольян пригласил его к себе: в тот вечер он устраивал большой ужин. Сенатор ответил: «Если придет Людмила, приду и я» — и весь вечер от меня не отходил.

Благодаря Дугони мы с Аллегрой побывали на заседании итальянского сената. Дугони, как все итальянцы, был очень романтичен, даже поэтичен, — он клялся в чувствах, я была тронута, мы много раз вместе выходили в свет.

Позже, когда я пела в Париже, Дугони пришел ко мне и сказал: «Вы жизнь мою погубили своими песенками...»

Он умер потом в Париже от разрыва сердца.

Комментарии

Фред Астер и Джинджер Роджерс — Астер (1899–1987), Роджерс (1911–1995), самый популярный танцевальный дуэт в истории кинематографа. Пик их славы пришелся на 1930–1950-е гг. Герои фильма Федерико Феллини «Джинджер и Фред».

Василий Лермонт — инженер (?–1975, Нью-Йорк).

Лорд Энтони Иден — (1897–1977), британский политик и дипломат. В 1955–1957 гг. — премьер-министр Великобритании.

Уорнер — Гарри Уорнер (1881–1958), начал коммерческую деятельность с торговли велосипедами, вместе с братьями Сэмом, Альбертом и Джеком. С 1913 г. братья занялись дистрибуцией фильмов. В 1929 г. их компания первой приступила к производству звукового кино.

Людмила Лопато во время выступления в парижском кабаре, 1950-е гг.

Глава девятнадцатая

Шампанское с малиновым соком и главная встреча в моей жизни

Я вернулась в Париж из Италии, получив сообщение о том, что умер мой любимый дядя, Александр Аронович, младший брат отца. После похорон все вокруг мне казалось таким печальным... Столько нахлынуло вдруг воспоминаний о давно умерших родителях, о детстве!.. Но позвонил из Канн мой старший брат Миша: «Не грусти, солнце еще светит, приезжай к нам».

У Миши в Каннах была вилла «Мираж», на которой постоянно гостили его друзья. Часто приезжала знаменитая манекенщица Тея Бобрикова, подруга Нины, Мишиной жены. Тея и Нина любили играть в ма-джонг на верхней террасе.

Тея довольно долго была топ-моделью в Доме моды «Ланвен». Это очень огорчало ее родителей: два или три прямых предка Теи изображены на картине Репина «Заседание Государственного совета», оттого в глазах полковника Добровольческой армии Бобрикова и его жены профессия манекенщицы стала для их дочери горестным грехопадением!

Сама Тея так отнюдь не думала...

К слову, ее сестра Ольга вышла замуж за русского графа немецкого происхождения фон Крейца. Став графиней, она переменялась — и стала снобировать даже больше, чем красавица Тея. Удивительно, но только пару лет назад Ольга смогла побывать в Польше, в фамильном замке ее мужа, который называется Костянец и выстроен в неоготическом стиле. По закону о реституции власти Польши были счастливы замок ей вернуть. Однако стесненная в средствах Ольга колеблется: сумеет ли она осуществить ремонт замка?

Несмотря на недостаток средств обе сестры живут сегодня в Париже на авеню Монтень, прямо за Домом Кристиана Диора...

Когда я приехала к брату на Лазурный берег, Нина и Миша всячески пытались меня развлечь. Особенно часто мы ходили в казино «Палм Бич».

А в день моих именин вдруг мне позвонила подруга, очаровательная и взбалмошная Лидия Гулеско, известная цыганская певица в Париже. Она была полна юмора и ума, жила в свое удовольствие, не признавала никаких житейских преград, делала все, чего желало ее сердце. И считала, что жизнь — это сон, и все трын-трава.

Лидия сказала:

— Людмила, не грусти, пойдем вечером на коктейль в «Карлтон»!

В «Карлтоне», на террасе, сидели два господина, один лучше другого: брюнет и блондин с сине-серыми глазами.

Лидия немедленно спросила: «Кто тебе нравится?» — «А тебе?» — «Мне — брюнет», — сказала подруга. «А мне — блондин», — ответила я.

Выпили шампанского, смешанного с малиновым соком. Блондин вдруг замолчал и через несколько минут сказал: «У меня закружилась голова и весь мир». Коктейль продолжался, пришли другие друзья. Я решила

уйти, и он, прощаясь, сказал: «Вы должны быть со мной всегда».

Я улыбнулась и... ушла.

Наутро я получила цветы — и началась длинная история любви.

Вскоре я вспомнила странную фразу моей мамы, которой не было на свете уже пятнадцать лет... Давным-давно, в Калифорнии, когда я была женой Никиты, мама неожиданно сказала мне:

«Люсенька, Никита замечательный, но у тебя будет другой муж. Огромный блондин с синими глазами». — «Но Ники — чудный муж, я его люблю!» — растерянно возразила я. — «Ты сейчас довольна, но потом тебе будет еще лучше», — ответила она.

Так и вышло! Я глядела на Джонни и думала, что невысказанно так все предугадать. Но мама сумела.

Джонни жил в те дни на Лазурном берегу один, как и я. У него был сын от первого брака с андерсеновским именем Кай: ведь Джонни был родом из Дании. Много позже Кай женился на внучке Ла Салья, президента Гватемалы. Они жили в Сан-Сальвадоре, а затем вместе со своей дочерью Викки Кай переселился в Европу.

После нашей встречи в «Карлтоне» мы, я и Джонни, не были больше одиноки никогда. Он говорил, что встретил ту, о которой всегда мечтал. А я за сорок

*Джонни Филлипсен и Людмила
в ресторане. Париж, 1950-е гг.*

Джонни и Людмила во время путешествия в Египет, 1950-е гг.

лет ни разу не пожалела о том, что выпила тогда шампанского с соком малины — магический, приворотный коктейль. В 2000 году Джонни умер, но в моем сердце он такой, как и прежде: умный, добрый, благородный, полный света, элегантный, справедливый...

Мой.

Каждое утро Джонни приезжал за мной на своем серебристом «Ягуаре». Мы ездили купаться на разные пляжи, по вечерам танцевали, сидели на террасах ресторанов, часто брали с собою Лиду Гулеско и других друзей. Вскоре Джонни должен был уехать по делам в Цюрих и Вену. Я вернулась в Париж, потом поехала с Делано на Капри. «Огромный блондин с синими глазами» звонил мне каждый день.

Осенью, когда Делано вернулся в Америку, в школу, Джонни предложил мне поехать с ним в путешествие: Рим — Бейрут — Каир — Афины — Цюрих.

Так мы и сделали.

В Бейруте было очень жарко — и очень красиво. Мы все осмотрели, съездили в Баальбек и самолетом полетели в Каир. Отчаянно жарко было и там, зато в нашем отеле «Семирамида» с высокой террасы открывался замечательный вид на город.

В пустыне Джонни ездил на верблюде, а я не решилась.

Потом полетели в Афины, съездили пароходом на Кикладские острова... Через Цюрих вернулись в Париж и вскоре купили квартиру на рю Вилла Спонтини.

В этом четырехэтажном доме было всего четыре квартиры. Наверху жил Харун Тазиефф, знаменитый вулканолог, геолог и историк (позже он был министром). На третьем этаже — балерина кордебалета «Гранд-опера» мадемуазель Жанин дю Барри (месье Беген, «сахарный король», приезжал к ней каждый день в три часа на роллс-ройсе). В бельэтаже — кинорежиссер Може, автор знаменитого фильма «Мир тишины».

Все мы стали друзьями и часто виделись. Наша квартира была очень приятной — салон с камином... В камине мы жарили грильяды, пили красное вино. Приходили друзья, «рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали». Но, как ни хорошо мне тогда было, я начинала думать: надо что-то делать.

Идея пришла ночью: поставить русскую пьесу, с русскими актерами, которые будут говорить по-французски — но с русским акцентом.

Комментарии

Ма-джонг — китайская игра, напоминающая домино.

Лида Гулеско — Гулеско Лидия Ивановна (1917–1977), цыганская певица, дочь известного в России в начале XX в. скри-

пача Ивана Тимофеевича Гулеско (1877–1953). В эмиграции пела в кабаре «Нови» и др. В 1955 г. стала хозяйкой парижского кабаре «Палата», где выступала вместе с Дмитрием Усовым (?–1967).

Харун Тазиефф, знаменитый вулканолог, геолог и историк — Гарун Тазиев (р. 1914), французский ученый, происходит из семьи эмигрантов из России. Снял ряд документальных фильмов, в которых великолепное зрелище извержения вулканов сочеталось с большой научной ценностью исследуемых явлений, а съемки велись в трудных условиях, с риском для жизни.

Грильяды — жаркое, изготовленное на гриле, на открытом огне.

«Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали...» — строка из многократно положенного на музыку стихотворения А. Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад».

*Поликарп Павлов и Иван Москвин в ролях Добчинского и Бобчинского
в пьесе «Ревизор». МХТ, Москва, 1910 г.*

Глава двадцатая

«Маленький Москвин» русского Парижа. Киса Куприна. Федя Протасов у цыган Дмитриевичей

Джонни моя идея понравилась, хоть он и не понимал по-русски. Выбрали «Живой труп» Толстого, включив в него отрывки из «Власти тьмы».

Русских актеров в послевоенном Париже было много. А репертуарного русского театра не существовало. Помню неоднократные попытки его создать.

В 1950 году в театре «Аполло» шел «Живой труп», поставленный Парижской группой артистов Московского художественного театра под эгидой Русского музыкального общества за границей.

Режиссерами спектакля были Александр Вырубов и Вера Греч. Величественный, уже весьма немолодой Вырубов взял на себя роль Феи Протасова, а Мария Крыжановская играла Елизавету Андреевну.

Вера Мильтиадовна Греч была занята в небольшой, но выразительной роли Анны Дмитриевны Карениной, строгой светской дамы, матери второго мужа несчастной Лизы Протасовой. Поликарп Павлов играл маленькую,

но важную роль Александрова, трактирного собеседника Феди. Певица Мария Давыдова была старой цыганкой, матерью Маши. Я принимала в этом спектакле скромное участие — пела в «цыганской» сцене толстовской пьесы.

Увы, «Живой труп» 1950 года прожил на сцене недолго.

Наш спектакль как бы воскрешал его семь лет спустя. Мы репетировали полгода, каждый день, в нашей квартире. Вся труппа часто оставалась у нас ужинать.

П. Павлов в костюме Добчинского по эскизу художника К. Симова. Фотография А. Фишера. Москва, 1910 г.

Первыми я пригласила Веру Греч и Поликарпа Павлова: они были замечательными актерами, обожали сцену и друг друга.

После поездки Художественного театра за границу в начале 20-х годов Греч и Павлов остались в Пражской труппе Художественного театра — вместе с такими звездами, как Мария Германова, Кржановская и Муся Жданова. В Москве Павлов был заметным актером. Он, например, играл в таком хрестоматийном спектакле, как «Ревизор», и запомнился всем в роли Добчинского. Греч была в Москве только студийкой. И свое замечательное дарование характерной актрисы воплотила уже в эмиграции. Она

была гречанкой и еще в юности взяла сценический псевдоним, напоминающий о ее национальности.

Оба они не только участвовали в парижском толстовском спектакле 1950 года, но и снимались когда-то в фильме «Власть тьмы». Он был снят в Берлине режиссером Конрадом Вине, с актерами МХТ, выехавшими на гастроли в Германию. Павлов играл в этой экранизации Акима. Никиту, помнится, в фильме играл Вырубов, Анисью — Мария Германова.

Я знала всех их со времен работы в ресторане «Динарзад» — Греч и Павлов иногда выступали там со скетчами. Павлова русские актеры звали «маленький Москвин». В Париж они приехали после войны, а до того играли и режиссировали в Белграде.

Я многократно была в доме этой пары. Греч и Павлов жили в крошечной, но очень уютной квартире, полной русских вещей. И сами по духу были чисто русские люди: Павлов обожал свою Веру Мильтиадовну (они называли друг друга по имени-отчеству, на старинный лад).

Она была очень энергичным и талантливым человеком. И выглядела замечательно: седовласая, с королевской посадкой головы, очень элегантная. Чудно пела, между прочим. Я многому от нее научилась.

П. Павлов в спектакле «Мнимый больной» в костюме по эскизу А. Бенуа. МХТ, 1913 г.

Она всем нравилась... Бывали даже драмы. Кто-то пригласил ее куда-то. Вера Мильтиадовна с чистой совестью (почему же нет?) провела вечер вне дома. А вернувшись поздно вечером, нашла в их маленькой квартире два гроба и бешеную записку Павлова: «Я убью тебя и сам убьюсь!»

Греч и Павлов преподавали в Русской консерватории имени Рахманинова в Париже и воспитали много французских актеров и режиссеров. Через несколько лет после нашего спектакля Павлов сыграл небольшую, но очень удачную роль в фильме «Анастасия», где снимался вместе с Ингрид Бергман и Юлом Бриннером.

Помню, как однажды Павлов и Греч пришли ко мне завтракать. Я решила специально для них сделать оригинальную закуску — салат из бананов с креветками и селедкой. Мы сидели за столом вчетвером — и вдруг Поликарп Павлов заплакал посредине завтрака крупными слезами: «Вера, чем я провинился перед Людмилой, что меня заставляют есть бананы с креветками?»

Ему было и солоно, и грустно.

За одним из таких завтраков они рассказали мне о легендарном «Пушкинском спектакле» МХТ 1915 года. В нем было три действия: «Пир во время чумы», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери».

В «Каменном госте» Поликарп Павлов играл Лепорелло. Мария Германова — Дону Анну. Ольга Бакланова — Лауру. Ричард Болеславский — Дона Карлоса. Наконец, молодой Аким Тамиров и Вячеслав Туржанский, будущий кинорежиссер, были среди гостей Лауры.

Сценографом этого спектакля был Александр Николаевич Бенау.

Я не сразу поняла, почему Павлов так настойчиво и подробно, посмеиваясь, перечисляет все имена. Когда же поняла — ахнула...

Участники спектакля «Живой труп». Фотография студии Bernard, Париж

Бог весть, почему именно «Каменный гость» вызывал такую охоту к перемене мест, но в 1920-х годах «далеко на севере, в Париже» (или еще дальше, за океаном, как Бакланова и Болеславский) оказались все участники этой маленькой трагедии. Ведь они все эмигрировали!

Если бы Дон Гуан — Качалов не вернулся в Россию после долгих западных гастролей, в советской Москве от этого спектакля осталась бы одна статуя Командора...

Незадолго до премьеры Вера Греч написала для газеты «Русские новости» предуведомление к спектаклю:

«Лев Толстой, знавший, понимавший и глубоко чувствовавший характер, душу и психологию русского человека, будь то крестьянин, интеллигент или аристократ, одарил нашу драматургию двумя шедеврами: “Власть тьмы” и “Живой труп”.

“Живой труп” был поставлен впервые на сцене Московского художественного театра, в сезоне 1911–12 гг., то есть ровно 45 лет тому назад. Написана пьеса была в 1900 году 72-летним гениальным художником, забывшим в этой пьесе о себе как о мыслителе, проповеднике “толстовских” идей, беспощадном моралисте. В нем снова проснулся беллетрист. Он пишет о страстях человеческих, о любви, о цыганках, которых он так любил в молодости, о цыганских песнях, которыми он в свое время восхищался, о жизни грешной — но милой его сердцу. Он хочет разрешить проблему супружества, часто построенного на несоответствии характеров и взаимном непонимании — и рождающего, вследствие этого, условность и ложь. Он протестует против этой “мертвой видимости счастья семейного”, взывает к человеческой совести — и как бы готовит уже свой собственный уход из дома. Моралист и гуманист Толстой разрешает своему герою самоубийство, не видя другого выхода для человека, безнадежно запутавшегося в своих грехах и дошедшего до полного физического падения, но не потерявшего до конца духа, человека, познавшего просветление и освобождение в смерти».

Свет мал — прослышав о затее, другие артисты приходили сами. А мы с Греч и Павловым набирали труппу.

«Власть тьмы» (пятый акт — сцену злосчастной свадьбы Акулины) ставил Вырубов — пожилой, с крашеными волосами, человек. Он ни за что не хотел сдаваться:

разговаривал, как молодой человек, и доказывал всем, что в его силах быть таким же Вырубовым, как пятьдесят лет тому назад. И двадцатипятилетнего Никиту решил играть сам.

Он был хорошо известен в русском театральном мире, а уж в парижской русской колонии все знали друг друга. Со всей семьей Вырубовых тогда была знакома и я.

Ассистенткой Вырубова была Нина Демидова.

Во «Власти тьмы» участвовала Наташа Кедрова — актриса с сильным контральто, в какой-то момент она была в Париже популярной певицей. Яркая, властная, Кедрова хорошо пела русские народные песни. Она играла Анисью.

Акулину в нашем спектакле играла Киса Куприна.

Я очень полюбила Кису. Она была хороша в роли Акулины, но важнее то, что она была настоящим другом. Дочь Куприна как-то исковеркала свою жизнь, и я всегда жалела о ней... Кажется, она и в СССР уехала — прочь, прочь от этих своих печальных парижских итогов.

А в Париже у нее был поклонник — брат президента Французской республики. Очень уродливый, но очень богатый. Чем он Кису и купил.

Что же сказать... люди гибнут за металл.

Соня Радищева играла маленькую роль Матрены. Акимом был Алексей Тульцев. Николай Некрасов играл жандарма. Со мной вместе пели Галина Верник и моя приятельница Валя Валл, а из певцов — Андрей Петренко и Владимир Слащев (у Слащева был чудный тенор, и сам он — курносый, настоящий русак — на сцене очень нравился всем).

У нас были музыканты: Иван Булгаков (балалайка) — младший брат писателя Михаила Булгакова, Леонид Доружинский (балалайка), Игорь Чернояров (аккордеон) и Леонид Волков (аккордеон). Настоящий русский оркестр! Не цыганский, а именно русский.

Декорации делали Пьер Дебельви и Константин Непо, который также ставил для нас свет. Впрочем, Непо в нашем спектакле был един во многих лицах — именно он сыграл Федю Протасова в «Живом трупe».

И надо сказать, что роль этого обаятельного, одаренного и несчастливого человека очень подошла исполнителю.

Константин Непо, персонаж, хорошо известный в русском Париже 50-х, был сыном цыганской певицы Нюры Масальской и хана Нахичеванского. Константин рисовал акварели в псевдорусском стиле на тему «Бояре и дворяне допетровской поры», которыми торговал еще в довоенном Париже.

Очень талантливый и страшно легкомысленный человек. Милый и обаятельный, но на него никак нельзя было положиться. Мог пообещать что-то — потом выпить и все забыть.

На одном из спектаклей «Живого трупа», в последней сцене, где Федя Протасов должен застрелиться, Непо не нашел в кармане револьвера. Объяснялось это просто: Костя очень дружил с Лифарем. С Лифарем и выпил перед спектаклем коньяку «для храбрости»...

Не найдя револьвера, наш парижский Протасов схватил нож — и хоть так, но покончил с собой на сцене.

Вышел бы скандал, не будь эта история такой смешной.

Непо был женат по крайней мере трижды. В ту пору — на Иветт Шовире, прима-балерине Парижской оперы. Шовире часто была партнершей Лифаря, что и объясняло дружбу Непо с Сержем. Потом Константин женился на прелестной грузинской княжне Джанаре (она чудно пела низким контральто, имела успех — главным образом в Италии, на Капри). Она была женщина элегантная.

История беспечного сценографа кончилась грустно: он женился в третий раз, на какой-то ужасной русской

княгине, однако прожил с нею недолго. Был отправлен супругой в булочную — и прямо у прилавка внезапно умер от разрыва сердца. Вот уж нелепая — случайная и не случайная смерть.

А княгиня оказалась мошенницей. И села в тюрьму.

Костюмы к «Живому трупу» делала Мария Громцева. Это была полная, грузная женщина, которая — по примеру знаменитой костюмерши Варвары Каринской — открыла в Париже самое лучшее ателье по производству кино- и театральных костюмов, брала крупные заказы для телевидения и имела коллекцию придворных платьев из Зимнего дворца. Увы, все камзолы, роброны и ангажанты пропали бесследно после ее смерти, в середине 60-х...

Киса Куприна играла в «Живом трупе» Елизавету Андреевну. Сашей была красавица Мишель Труайя, восемнадцатилетняя дочь Анри Труайя (настоящая фамилия почтенного французского писателя, как известно, Тарасов). Анну Павловну играла графиня Александра Михайловна Толстая, внучка Льва Николаевича, добрейший человек.

Александра Толстая была талантливой актрисой. Но, так как была замужем, она совсем не стремилась к карьере, тем более что брат ее Сергей был известным в Париже врачом...

На премьеру к нам из Нью-Йорка приехала другая Александра Толстая — Александра Львовна. Она была строга по природе своей. Строга и к нам. Но мы понимали: именно в ней, через полвека после смерти отца на станции Астапово, после русской революции — среди нас, то есть «белых», как любила тогда уточнять французская пресса, — живет дух ее отца.

Парижские и нью-йоркские Толстые страшно строго, немного даже пуритански, соблюдали русскую форму и цыганский стиль костюмов и обычаев. Если у вас было

декольте, даже самое маленькое, Толстые строго говорили: «Куда это вы оделись?» Они все еще душой принадлежали той эпохе, когда порядочные женщины в России всегда, всегда и везде (не считая званых вечеров и балов) носили закрытые, и только закрытые платья!

*Людмила Лопато с гитарой.
Париж, 1950-е гг.*

Таков был их родовой стиль. Только эпоха, которой он принадлежал, ушла.

Князь Андрей Волконский, красавец с лиловыми глазами, приходил на спектакль. Он служил в дирекции Балета маркиза де Куэваса. Князь был одним из моих трех «коней» — вместе с Николаем Вырубовым и графом Сережей Толстым.

Виктора Михайловича Каренина в нашем спектакле играл

Рене Совер, а князя Абрезкова — Николай Агров, очень симпатичный и музыкальный, профессиональный артист (маленькие роли — было всегдашнее его амплуа). Я играла Машу. Вера Мильтиадовна и Павлов репетировали со мной каждый день, очень серьезно.

В двух маленьких, но важных ролях был занят блестящий дуэт актеров старшего поколения. Вырубов играл Ивана Макаровича — отца Маши. Роль матери Маши, властной, многоопытной таборной цыганки, играла известная певица Мария Давыдова (кстати, каримка по происхождению, как и я).

В России до революции Давыдова была звездой частной оперы Зимина на Большой Дмитровке (теперь, насколько мне известно, в этом здании театр оперетты). Ее репертуар был обширен, и в Париж она приехала по контракту Русской частной оперы на Елисейских полях, которой руководила знаменитая Мария Кузнецова — сопрано Мариинского театра, невестка А. Н. Бенуа.

В 1957 году Мария Давыдова только что вернулась в Париж из Америки. Ее коронной партией была Кармен — я слышала ее в этой роли еще до войны. Но — настоящая артистка! — она и двадцать лет спустя была в форме. Оставалась не столько красивой, сколько очень интересной — благодаря особому шарму, прелести настоящей светской дамы.

По-французски Давыдова говорила прекрасно, в отличие, скажем, от Поликарпа Павлова, который, не смотря на годы эмиграции, совершенно не знал языка. Но это ему не мешало на сцене: Павлов имел большой успех, так как его мимика помогала всем все понять.

Публика, не понимающая по-русски, чувствовала меру его таланта.

Маленькую роль адвоката Вознесенского играл мой приятель, милый и остроумный парижский ювелир-иранец Масад Газар. Пирогова — еще один любитель, князь Александр Оболенский, породистый, с тонкими руками.

Газар и Оболенский не были до этого связаны с театром. И, кажется, именно поэтому им было особо приятно участвовать в спектакле, им очень нравилась вся атмосфера кулис и наших репетиций.

Были и совсем крошечные роли: полового в трактире играл Алексей Тульцев, горничных — Соня Грекова и Наташа Екатериненко.

Как и положено, в «Живом труппе» был хор цыган. С нами выступали легендарные Димитриевичи. Арти-

Л. Лопато, продюсер Анатоль де Грюнвальд и Ирина Строчици — участники спектакля «Парижане»

стическая цыганская семья (их было шесть или семь человек) внесла в спектакль особую атмосферу. В Париже — надеюсь, что и в России — до сих пор слушают пластинки Димитриевичей, особенно записи Алеши, удивительного певца и гитариста.

Валя Димитриевич, его сестра, была воистину королевой парижских цыган. Я дружила с ней; однажды она даже повезла нас с Джонни в цыганский табор, где весь вечер мы пели и плясали, а на вертеле жарился огромный баран. Валя — страшно полная, огромная, высокая, с низким голосом — вышла замуж за колумбийского дипломата (кажется, он был консулом в Париже) — маленького и тоненького, очень галантного господина.

Он ее обожал — а она держала себя с ним по-королевски.

Людмила с гостями своего ресторана Владимиром Боковым и его супругой. Париж, 1960 г.

В нашем спектакле танцевала «цыганочку» Тереза, шестнадцатилетняя дочка Валентины. Она была хороша собой, а танцевала так, что в *Le Figaro* на следующий день написали, что смотреть на Терезу в этой пьесе — уже огромное удовольствие. После выхода газеты позвонили разгневанные Дмитриевичи-старшие: «Мадам Лопато, если вы считаете, что Тереза всех лучше и всех красивее, то пусть она и танцует, а мы не будем».

Вуаля! Так проявляет себя «невроз ремесла» — артистическая ревность.

В театре началась страшная паника. Но я, к счастью, дружила и с Соней Дмитриевич — а у нее был свой цыганский ансамбль. Они меня выручили, пришли и были хороши на сцене. Так хороши, что назавтра в полном составе вернулась наша первая труппа Дмитриевичей...

Конфликт разрешился. Но какие нервы должен иметь антрепренер!

Мой муж, не привыкший к русско-цыганским страстям, смотрел на это с удивлением. Однако повторял мне: «Все будет хорошо!»

И оказался прав!

Комментарии

Германова, Крыжановская и Муся Жданова — Германова (Красовская) Мария Николаевна (1884–1940), актриса МХТ (1902–1922), руководительница Пражской группы МХТ, после 1928 г. из Чехословакии переехала во Францию. Крыжановская Мария Алексеевна (1891–1979), актриса МХТ (1915–1919), участница «качаловской» и Пражской трупп, в начале 1930-х гг. — в Театре русской драмы в Риге, позднее работала с М. Чеховым. Жданова Мария Александровна (1890–1944), актриса МХТ.

«*Маленький Москвин*» — Москвин Иван Михайлович (1874–1946), актер.

Конрад Вине — актер, режиссер, звезда немецкого немого кино 1920-х гг. В годы гитлеризма эмигрировал в США, где снялся, в частности, в кинофильме «Касабланка» с Ингрид Бергман в главной роли. Брат Роберта Вине, режиссера знаменитого фильма «Кабинет доктора Калигари».

«*Анастасия*» — фильм Анатолия Литвака (1956) о судьбе великой княжны Анастасии Николаевны (1901–1918), младшей дочери последнего императора, якобы выжившей в ночь расстрела ее семьи в Екатеринбурге.

Бриннер Юл (1915–1985) — американский киноактер. Сын харбинского русского промышленника немецкого происхождения, был воспитан приемной матерью Е. Н. Бриннер-Корнаковой, бывшей актрисой МХТ, и обязан ей первой шко-

лой актерского мастерства. В юности, во Франции, был рабочим сцены, певцом кабаре, цирковым акробатом, стажером труппы Ж. Питоева. В США отправился по рекомендации и при помощи М. Чехова, с 1951 г. играл в бродвейских постановках. Роль Криса в «Великолепной семерке» (1960) принесла ему мировую славу. В 1967 г. записал вместе с Алешей Дмитриевичем пластинку «Мы — цыгане».

Наташа Кедрова — Кедрова Наталия Константиновна, в замужестве Малинина (?–1987), певица. Дочь певца К. Н. Кедрова, племянница Н. Н. Кедрова — профессора Петербургской консерватории, руководителя Придворной капеллы, основателя и первого руководителя известного в русском Париже 1920-х — 1930-х гг. «Кедровского квартета». Ученица Нади Буланже. Выступала в Англии, Бельгии, Испании, Португалии, США. Была замужем за русским инженером-химиком А. К. Малининым.

Соня Радищева — Софья Михайловна Радищева, урожденная Мордвинова (1893–1975).

Николай Черкасов — Черкасов Николай Кузьмич (1888–1968).

Галина Верник — Верник Галина Ивановна, урожденная Козлова-Кондратенко (1919–1961).

Владимир Слащов — Хверюк-Слащов Владимир Николаевич (1906–1974).

Иван Булгаков — Булгаковы Иван (1900–1969) и Николай (1898–1966) Афанасьевичи ушли из Киева осенью 1919 г. в рядах Добровольческой армии. Михаил Булгаков до середины 1920-х гг. считал младших братьев погибшими (см. рассказ «Красная корона», роман «Белая гвардия»). Иван Булгаков покинул Россию в рядах Добровольческой армии осенью 1920 г. В 1921 г. в Варне (Болгария) организовал оркестр балалаечников. В 1930 г., по вызову брата Николая, ставшего в эмиграции

микробиологом высокого класса, переехал в Париж. Был музыкантом в русских ресторанах, исполнял и собственные романсы. В 1930-х гг. присылал стихи М. А. Булгакову в письмах. Отзывы старшего брата о лирике младшего были сдержанными.

Леонид Волков (?–1976) — музыкант русского происхождения.

Нюра Масальская (?–1945) — известная цыганская певица. В дореволюционном Петербурге выступала в ресторане «Вилла Роде». В Париже в 1928 г. выступала в театре Трокадеро, пела в постановке «Живого труппа» Ж. Питоева, имела колоссальный успех в ресторане «Золотая рыбка».

Иветт Шовире (р. 1917) — балерина, хореограф, исполнительница главных партий во многих балетах Фокина, Мясина, Кранко, Долина и Лифаря в 1940-х — 1960-х гг.

Мария Громцева — Громцева Мария Васильевна (1901–1980), художник по костюмам, автор костюмов ко многим телепостановкам (в частности — к «Принцессе Киевской» с Мариной Влади в главной роли). Коллекционер русского придворного костюма.

Варвара Каринская (1886–1963) — художник по костюмам. В Москве 1920-х гг. — хозяйка модного салона, протеже А. Луначарского. В Париже 1930-х гг. работала для Частной оперы Марии Кузнецовой, как исполнитель костюмов — с Кристианом Бераром, Андре Дереном, Сальвадором Дали и др. С 1948 г. работала в США. Была любимым художником по костюмам Дж. Баланчина. Получила «Оскара» за костюмы к фильму «Жанна д'Арк» (1948) с Ингрид Бергман.

Мишель Труайя, дочь Анри Труайя — Труайя Анри, настоящее имя Лев Тарасов (р. 1911), французский писатель, родом из российской армянской семьи. Лауреат Гонкуровской премии 1938 г., автор многотомных романов-эпопей, исторических романов, биографий Льва Толстого, Петра Великого, Екатерины Великой и др.

Александра Толстая — графиня Толстая Александра Михайловна, в замужестве Сагацкая.

Татьяна Михайловна Толстая (1905–1986).

Брат ее Сергей — Толстой Сергей Михайлович (1911–1996), первым браком был женат на Ольге Александровне Вырубовой. Внук Л. Н. Толстого, автор двух книг о нем. Основатель и председатель «Общества друзей Толстого».

Мария Давыдова — Давыдова Мария Самойловна (1889–1987), оперная певица, артистка Петроградского театра музыкальной драмы, в Париже пела в театре на Елисейских полях, профессор пения в Русской консерватории им. С. Рахманинова.

Опера Зимина на Большой Дмитровке — Московская «Опера С. И. Зимина» (1904–1917) — крупнейший частный театр России, развивавший традиции Частной русской оперы С. И. Мамонтова.

Мария Кузнецова, невестка А. Н. Бенуа — Кузнецова Мария Николаевна (1880–1966), певица, балерина, музыкальный деятель. В первом браке — жена племянника А. Бенуа. С 1905 г. одна из ведущих солисток Мариинской оперы, первая исполнительница партии Тамары в постановке оперы А. Рубинштейна «Демон» с Ф. Шаляпиным в заглавной роли, первая исполнительница партии Февронии в опере Н. Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже и деде Февронии». Участница «Русских сезонов» С. Дягилева. Эмигрировала в 1918 г. В 1929 г., при участии мужа, Альфреда Массне (племянника композитора) создала «Русскую частную оперу в Париже» (помимо блестящей оперной труппы была учреждена и балетная во главе с М. Фокиным; художниками театра были И. Билибин и К. Коровин). Театр имел огромный успех в Париже, на европейских гастролях, в турне по Латинской Америке; в 1931 г. труппа распалась.

Соня Грекова — Грекова Софья Николаевна, урожденная Слечинская (?–1975).

Ирина Строци и Людмила Лопато в спектакле «Парижане»

Глава двадцать первая

*«Все это слегка напоминало
свадьбу...»
Наш второй спектакль.
Урина Строщи —
«лани Урина»*

Пока мы репетировали, газеты сообщали о наших планах. В апреле 1957 года *Le Matin Dimanche* писала: «Новая театральная труппа русских (белых) только что основана в Париже Людмилой Лопато, артисткой, очень известной в Америке, где ее прозвали “русской Марлен”...»

Людмила Лопато играет в спектакле роль цыганки, которая много раз даст ей возможность заслужить аплодисменты публики песнями из ее репертуара».

Мы играли «Живой труп» в июне 1957 года, в театре «Комеди де Шанс-Элизе» (аренду зала оплатил Джонни). Это было большое событие в русской колонии. Приехали из Нью-Йорка Толстые и Волконские. Газета *Le Figaro* в небольшой заметке «Вечер Толстого на Елисейских полях» перечислила почетных гостей премьеры: «Мадам Саша Толстая, дочь знаменитого писателя (речь об Александре Львовне! — Л. Л.) прибыла из Нью-Йорка, специ-

ально, чтобы присутствовать на этом необыкновенном спектакле. В зале мы видели также Иветт Шовире, князя Амилахвари, Сергея Лифаря, Анри Труайя, Грегори РатOFFа».

Та же *Le Matin Dimanche* оценила нашу премьеру следующим образом: «Вся русская колония во главе с Сержем Лифарем — ему-то это зачем понадобилось? — сошлась накануне вечером в “Комеди де Шанс-Элизе” по случаю

Ирина Строщи в 1930-е гг.

дебюта нового театрального предприятия, возглавляемого Людмилой Лопато. Все это слегка напоминало роскошную свадьбу в Русской церкви на рю Дарю...»

Телевидение показало отрывки из спектакля. Критика была разноречива. Некоторые репортеры пересказывали содержание пьесы, другие отмечали, что наш спектакль

состоялся через через сорок пять лет после премьеры «Живого трупа» в МХТ.

Гораздо большего внимания удостоилось участие в спектакле Толстых, Кисы Куприной, Мишель Труайя, Кости Непо, «мужа Иветт Шовире», и бывших актеров Художественного театра — жанр светской хроники неистребим даже в театральных рецензиях!

Одна актриса удостоилась упоминания чуть не во всех газетах Парижа — четырехмесячная Валя Димитриевич. Она дебютировала в «Живом трупе», костюмированная в кружевной конверт, в роли Мишеньки, сына Федора и Лизы Протасовых. Фотографии прелестного, щекасто-

го и черноглазого младенца, мирно сопящего на руках у Мишель Труайя, «юной тетушки Саши», были опубликованы в эти июньские дни раз пять. На зависть всем парижским дебютанткам!

К сожалению, Валя еще не могла оценить свой артистический успех (она вообще была исключительно спокойной для своего возраста девочкой). Ни сцена, ни свет, ни шум зала не пугали ее. Вероятно, у девицы Димитриевич и в столь нежном возрасте сказывались фамильные гены.

После парижских спектаклей «нашего Толстого» повезли на гастроли в Женеву. Нас снимало швейцарское телевидение, в зале было много русских зрителей — и в казино, и в театре (мы дали два спектакля). Газеты Женевы и Лозанны писали о нас. О парижской премьере «Живого трупа» было сообщено даже в Варшаве.

Поликарп Павлов в тот вечер, когда спектакль показывали в казино, был потрясен неожиданной для себя вещью и все указывал жене: «Смотри, Вера, здесь все гарсоны носят очки!»

Успех окрыляет. Нам хотелось ставить новые спектакли. Была надежда вновь создать в Париже русский репертуарный театр — пусть франкофонный, принадлежащий новой, послевоенной эпохе. Мой близкий друг, бывшая певица и балерина Ирина Строцци и известный актер Жан Паредес написали пьесу «Парижане». Среди наших актеров были и русские, и французы. «Пуркуа па?» Почему бы нет?

Репетиции начались в мае 1958-го. Мы сняли театр «Ателье» (обычно там шли серьезные пьесы, даже драмы Горького). Но в то время Париж бурлил, шли забастовки.

Возможно, спектакль оказался не ко времени. И отзывы о премьере были довольно суровы. Вот образец из «Русских новостей»:

«В Париже в последнее время участились спектакли в пресловутом “стиле рюсс”, набившем оскомину еще тридцать лет тому назад. Чем объяснить это явление? Тем ли, что старики не хотят сдаваться — и по-прежнему позвякивают старые черкески, патронташи и кинжалы в память прежних, разгульных, бродячих кочевых цыган? Или тем, что нет молодого автора, который сумел бы ярко и полно сказать новое слово о настоящем?»

За неимением театра-хранителя высоких репертуарных традиций русской сцены публике приходится довольствоваться этими спектаклями.

По свойственной нам снисходительности к молодым талантам мы не хотим подвергать строгой критике новую пьесу Ирэн Строщи и Жана Паредеса.

Ночные кабаре Парижа. Удушливая атмосфера. Низкие диваны. Ковры. Горящие свечи. Настроение тоски и безысходности...»

Правда, удостоились похвал декорации Пьера Симонини. И еще было сказано: «Молодая, хорошенькая, в прелестном туалете, Людмила Лопато очень мило поет свои песенки...»

Характеристика русского кабаре так же незатейлива, как и полицейская интрига: «Украденный браслет обходит все карманы по очереди и звенит наконец в бокале!»

Конечно, наш первый спектакль был построен на более качественном материале. Печальный «кабаретный фарс» молодых авторов трудно было сравнить с «Властью тьмы»... Здесь все было — другое и все — о другом: иные времена, иные русские, иные беды и страсти.

В «Русской мысли» вновь появилась рецензия Андрея Шайкевича. С его точки зрения, Ирина Строщи и Жан Паредес написали пьесу, «чтобы дать возможность Людмиле Лопато выступить с рядом мелодичных песенок, которые она умеет с таким обаянием исполнять». Впрочем, критик хвалил нас и за «видимое знание условий суще-

ствования русских ночных кабаре», отмечал, что «красочно исполняют свои роли заведующий кабачком “полковник” в кавказском наряде Константин Непо; кинорежиссер — смешной Альбер Медина, пианист, создавший приятную музыкальную атмосферу; Сергей Хинкис; опустившаяся вдова генерала, выведенная для усиления “русского духа”, сейчас вновь водворившегося на парижских сценах; Вера Греч и прелестная Людмила Лопато...»

Робер Камп писал в *Le Monde*: «Маленькая фантазия в двух частях Ирэн Строщи и Жана Паредеса не достойна обстоятельного комментария. Вероятно, их сотрудничество было ликующим, игровым вплоть до полной эйфории. По мере нарастания таковой авторам становилось все веселей, и все больше им нравилось их общее дитя. Тем лучше.

Название пьесы иронично. “Парижане” — иностранцы, нашедшие приют в Париже и застрявшие в нем, а именно русские князья и княгини, испытывающие ужас перед своей родиной. Это говорит нам, что сюжет был актуален между 1920 и 1925 годом, а сегодня кажется плоским и устарелым».

Рецензент газеты *Le Parisien Libere* иронизировал над фразой из программки: «“Парижане” не претендуют на полный очерк русской души во Франции» и писал: «Этот очерк почти того же качества, что карпатское шампанское, которое подают Полковник и Наташа в своем русском кабаре на Монмартре. Короткометражный скетч. Не комедия.

К счастью, у певицы этого кабаре хороший голос Людмилы Лопато. Пианист этого кабаре — истинный музыкант Сергей Хинкис, и Вера Греч здесь танцует и поет вместе с Людмилой прелестную народную песню. В какие-то моменты, проблесками, вдруг казалось, что мы действительно в русском кабаре 1925 года».

Увы, «Парижане» не имели успеха у парижан.

Мы с грустью распустили труппу и закрыли спектакль.

Боже мой! Неужели эти скептические рецензии, мелкий, поблекший газетный свинец, карточек хроникерского остроумия — все, что останется (все, что уже осталось!) — от Ирины Строцци?!

Ирина Строцци была очень красива и остроумна. Рыжеволосая, чрезвычайно изящная, с прекрасным подъемом ноги, дочь маркиза Строцци, директора Оперы в Загребе и русской эмигрантки стародворянских кровей, она была полна артистизма и фантазии, умна, очаровательна, эксцентрична, наделена особым характером и шармом.

Ирина родилась в России в 1909 году. Говорила на многих языках, была ученицей известной московской балерины Маргариты Фроман, участницы «Дягилевских сезонов», а впоследствии основательницы Хорватского национального балета. Юность Ирины прошла в Загребе. Мать Ирины, разойдясь с маркизом, вышла замуж в Югославии за богача Рубинштейна.

Классической балериной Ира не стала и выступала в 1934 году в ревю «Фоли-Бержер» в Париже.

В труппе «Стелла» у Натальи Комаровой она выступала вместе с Еленой Трутовской, Ольгой Старк и Еленой Лыжиной. Как ни хороша была Строцци, но Трутовская в этой группе была самой сильной балериной. Затем некоторое время Ирина выступала в Польше.

Во время Второй мировой войны, в Ницце, Ирина влюбилась в итальянца, который владел Домом моды от-кутюр, и была тогда одета, как кукла. В 1942 и 1943 годах Строцци и Трутовская выступали дуэтом в «Фоли-Бержер» — и уже тогда все знали, что Ирина Строцци чудно поет.

Самую большую любовь своей жизни Ирина впервые увидела на арене цирка. Влюбившись в молодого артиста Пьера ле Бриса, маркиза научила его всему, что знала, ста-

ла его импресарио. Ирина Строцци — талантливая, культурнейшая — знала и понимала очень много! И она использовала весь свой шарм, пустила в ход все свои старые дружбы, чтобы Пьера приняли в артистическом Париже.

Помогла в этом и квартира Ирины возле авеню Фош, самой дорогой улицы Парижа.

Когда они встретились, ему было двадцать семь. Ей — сорок пять. Она была все еще очень красива! Ирина Строцци не выходила без Пьера никуда — ни в театр, ни к друзьям, ни в свет. Конечно, она настояла на его уходе из цирка... Иногда Пьер казался ее ребенком.

Не надо думать, что эта блестящая жизнь была легкой. Когда денег не было вовсе, Ирина несла в заклад последние фамильные вещи.

Но она сделала из молодого силового акробата, бывшего матроса французского военного корабля, настоящего артиста! Вылепила из него своими руками — как бы это сказать? — и личность, и персону.

Пьер — красивый, хорошего сложения, очень добродушный — любил Ирину Строцци и был ей благодарен, словно матери. Он стал знаменит, сыграв благородного индейского вождя Виннету из романов Карла Мая в западногерманском фильме... затем еще в одном, и еще, и еще. Кажется, о Виннету было снято шесть или семь фильмов — так полюбила красавца-апача кинопублика.

После этого успеха Пьер играл много, но, можно сказать, все ту же роль.

Связь аристократки-танцовщицы со стариннейшим тосканским именем, русской дворянской кровью и ангажементом в «Фоли-Бержер», и синематографического вождя индейцев длилась долго. Но... Пьер встретил молодую немецкую актрису. Влюбился. И женился на ней.

Я никогда не видела вторую жену Пьера. Ирина всегда хорошо о ней говорила. Неизменное благородство и гордость самой Ирины надо тоже принимать в расчет.

Но и до сих пор, когда в кругу знакомых говорят об этом актере, почти всегда отмечают: «У него очень хорошая жена»...

Когда это случилось, Пьер был обеспеченным человеком, он много играл и хорошо зарабатывал. Ирина была в более сложном положении. Он это понимал, понимал, чем ей обязан. Относился к маркизе очень тепло. И даже написал ей письмо: «Ириша, приезжай и живи с нами!»

Она была очень гордой. Никогда, невзирая на обстоятельства, она бы на такое не согласилась. Но тонкая, чувствительная душа, как бы ни была сильна, — увы, не всегда и не все может выдержать.

И Ирина все-таки поехала к нему.

Через год жизнь ее кончилась самоубийством.

И мне грустно писать об этом конце.

Не зная имени маркизы Строцци, почти каждый русский все же знаком с ней. И, возможно, ею очарован — я бы хотела надеяться на это!

Ирина рассказывала не раз, что именно для нее, в ее ранней юности, в Париже 1930 года, Александр Вертинский написал романс «Пани Ирэна»:

Я безумно боюсь золотистого плена
Ваших медно-змеиных волос.
Я влюблен в ваше тонкое имя “Ирэна”
И в следы ваших девичьих слез...

Исполняя этот романс в Париже, Вертинский выходил на сцену с мячом и при словах: «Я со сцены вам сердце, как мячик, бросаю, — ну, ловите, принцесса Ирэн!» — бросал его Ирине Строцци.

Ей тогда едва-едва исполнилось двадцать лет.

Если тихо слушать старую запись, вспоминая весь текст «арияетки», кажется, что поэт угадал дальнейшее будущее самой «принцессы Ирэн».

И, зажав свое сердце в руке,
Осторожно уйти,
Навсегда отказаться
И еще улыбаться в тоске!..

Она похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, недалеко от балерины Ольги Преображенской.

Иногда я встречаю другую близкую подругу маркизы Строщи, певицу Рене Леба. Тридцать лет прошло — но, говоря об Ирине, она до сих пор плачет.

Комментарии

Жан Паредес — настоящее имя Виктор Катеньяк (р. 1918), французский киноактер, снимался в таких фильмах, как «Фанфан-тюльпан» (1952) Кристиана Жака, «Ночные красавицы» (1952) Рене Клера, «Воздух Парижа» (1954) Марселя Карне, «Френч канкан» (1955) Жана Ренуара.

Маргарита Фроман — Фроман Маргарита Петровна (1890–1970), балерина, педагог. В 1912–1915 гг. — участница «Русских сезонов». До 1921 г. солистка Большого театра. В 1921–1949 гг. директор балетной труппы в Загребе, основательница хорватского национального балета. В Париже была хореографом в «Фоли-Бержер». В театре «Ла Скала» поставила «Щелкунчик» в оформлении А. Н. Бенуа, позднее преподавала в США.

Ольга Старк — Старк Ольга Александровна (урожденная Кононович, 1908–1998), балерина. Дебютировала в Загребе, ученица М. Фроман. В Париже танцевала в труппах Русской частной оперы М. Кузнецовой, А. Вронской, Клотильды и Александра Сахаровых, в труппе «Стелла» Натальи Комаровой в «Фоли-Бержер», в 1940-х гг. — в труппе «Новый балет Монте-Карло». Преподавала танец в Намюре (Бельгия).

Актер Григорий Хмара. Берлин, 1920-е гг.

Глава двадцать вторая

Русский артистический Париж пятидесятых

Мы на самом деле старались собрать в своих спектаклях «лучших певцов и актеров в русской колонии Парижа», как об этом писали газеты. Но список настоящих дарований в «русской колонии» был очень, очень велик — даже через тридцать с лишним лет после исхода из России «парижан» той эпохи. И если судьбы этих людей часто разбивались, как породистые лошади в прыжке, о неизбежный «языковой барьер», об отсутствие стационарного русского театра в Париже, о невозможность создать устойчивую труппу, — русские актеры, оправившись от поражения, делали все новые попытки!

Иногда — очень успешные.

Я помню многих русских артистов в Париже 1940-х — 1950-х. Помню Григория Хмару — не раз видел его на сцене в русском театре, и он часто приезжал к нам со своей гитарой.

Хмара был очень талантливым актером, бывшим студийцем МХТ, играл еще в легендарном «Сверчке на печи» и в «Пушкинском спектакле», уже мною упомянутом, — Председателя в «Пире во время чумы». Думаю, что это была совершенно его роль и что был он там великолепен!

Григорий бежал из России, пешком через Польшу, к своей возлюбленной — знаменитой «ведетте» немого синема Асте Нильсен. Попав в Берлин, Хмара стал известным актером кино, в 1923 г. сыграл Раскольников (он был очень хорош — мужественной, хмурой красотой).

С Пьером Брисом в спектакле «Парижане»

Но когда немое кино было вытеснено звуковым, из-за сильного акцента его дела не пошли. Григорий зарабатывал в Париже пением в кабаре и участием в спектаклях русского театра. Его спутницей в те годы была актриса Лиля Кедрова — кузина певицы Наташи Кедровой, очень музыкальная, с очаровательным голосом и смехом.

Они производили вместе странное, даже дикое впечатление: артистическая богема, да и только! Когда они пели «Две гитары», Хмара вдруг хватал Лилию за волосы, она вырывалась — и начинала танцевать.

Я считала Хмару безумцем — но актер он, что ни говори, был великолепный!

Позже он женился на Вере Вольман, киножурналистке русского происхождения, и стал театральным режиссером. С возрастом сделался намного спокойней: рассудительная, красивая, какая-то очень русская Вера

Участники спектакля «Парижане»

сама всегда все делала правильно и благотворно повлияла на него.

Хмара бросил пить и поставил около двадцати вполне успешных спектаклей. Он был одним из тех режиссеров (чаще — русских по происхождению, выходцев из эмиграции «первой волны»), которые смогли привить французам вкус к Чехову.

Артистическая карьера Лили Кедровой достигла пика в конце ее жизни. Ее прославил фильм «Грек Зорба»: она в нем сыграла мадам Гортензию (и получила «Оскара»

за роль второго плана). Был еще такой фильм Хичкока «Разорванный занавес», где Лиля снялась в роли польской графини, после войны попавшей в ГДР и пытавшейся эмигрировать в Америку с помощью новоявленного спонсора — американского шпиона (его играл Пол Ньюман). Затем Лиля вышла замуж за молодого режиссера Пьера Вальда. Поставила в Нью-Йорке «Вишневый сад», очень успешно сыграла Раневскую. Скончалась она в Канаде.

*Киноактриса Лиля Кедрова в кадре
из фильма «Грек Зорба»
в роли мадам Гортензии*

Помню Петра Шарова, еще одного бывшего актера Пражской труппы МХТ, ставшего в эмиграции довольно известным режиссером. Я видела в Дюссельдорфе его постановку «Ревизора», оформленную Мстиславом Валериановичем Добужинским, — это был шедевр!

Шаров долго жил в Голландии и ознакомил голландскую театральную публику с методикой Станиславского и с чеховским репертуаром. Он часто бывал у нас на репетициях, хотя нельзя сказать, что Шаров был близок с Греч и Павловым (между артистами всегда есть какая-то кость — каждый думает, что он больше, выше, умнее; так было всегда и всегда будет).

Но — сотрудничали, дружелюбно и плодотворно. Дружба с Дмитриевичами, конечно, сложилась у меня не случайно: цыганское пение играло большую

роль в моей жизни. Их романсы я хотела петь, кажется, всегда. Цыганские певцы, танцоры, хоры присутствовали и в Харбине моего детства — но я была слишком мала и не успела их услышать.

Уже в Париже, когда мне было пятнадцать-шестнадцать лет, я сказала маме, что мечтаю брать уроки цыганского романса. Известный Володя Поляков стал моим учителем. А Сережа Поляков, впоследствии знаменитый художник, тогда аккомпанировал брату. Мы остались друзьями навсегда.

Надо отметить, что Володя и Сережа Поляковы принадлежали к знаменитой династии цыганских певцов Поляковых, были племянниками певицы Насти Поляковой. И, напротив, они не были, как думают некоторые, родственниками Марины Влади. Три сестры Поляковы — Марина, Ольга и Таня — к цыганам не имели никакого отношения. Но и с этими Поляковыми меня связывали добрые отношения: все три сестры выступали в спектакле «В гостях у Людмилы Лопато»...

Цыганские песни раскидывают над слушателем, точно цветастый шатер, свою дивную атмосферу. Русские романсы скромнее и нежнее, для них очень важны слова и то, сколько сердца вложено в такое пение. Хотя при этом исполнители русских романсов, как правило, всегда проходят хорошую школу, а цыгане поют и танцуют стихийно: как рождаются на свет — так и начинают.

Очень хорошо помню, как пел русский шансонье, аристократ по происхождению, Дима Усов. Коронными у него были два романса — «В темном зале сейчас только плакал рояль...» и «Мое сердце плачет для вас...». Каждый раз он выходил на сцену кабаре, пряча в рукаве стакан коньяку. Жена Усова, милейшая русская дама, очень его любила — и это она, вместе с компаньонами, открыла ресторан «Динарзад».

Увы! Нис кем из этих талантливых людей встречаться на репетициях, вместе работать в труппе мне более не довелось. «Русский франкофонный театр» создать мы не сумели. Зато у нас возникла другая идея.

Комментарии

Григорий Хмара — Хмара Григорий Михайлович (1888–1970), артист театра и кино, режиссер. Был принят в МХТ в августе 1910 г., вместе с С. В. Гиацинтовой и А. Д. Диким. Участник спектакля Первой студии МХТ «Сверчок на печи» (Кучер Джон) и экранизации спектакля (1915). В 1915 г. в пушкинском спектакле Художественного театра играл Председателя в «Пире во время чумы». Снимался в немых фильмах. Эмигрировал в 1920 г. В Берлине снялся в фильмах «Падение» (1922), «Раскольников» (1923), «I. N. R. I.» (1924), «Живые люди» (1925), «Женщина без огня» (совместно с Астой Нильсен, 1925), «Преступление Веры Мирцевой» (1927), «Атлеты» (1928), «Крестный путь княгини» (совместно с Николаем Лариным, 1928), «Гедда Габлер» (совместно с Астой Нильсен, 1928), «Сильный человек» (1928), «Человек, который убил» (1931), «Человек без имени» (1932), «Черный гусар» (1932).

В Париже много работал в кино, вплоть до конца жизни. В 1934 г. в «Русском театре», созданном в Париже по инициативе И. И. Фондаминского, поставил пьесу Р. Б. Гуля «Азеф» (инсценировку одноименного романа) и сыграл роль Бориса Савинкова. Ставил с русскими труппами Парижа пьесы Шекспира, Стриндберга, Горького («Мещане»), играл в них (особенно много — в 1960-х). Литератор, мемуарист, сотрудник газеты «Русские новости».

Аста Нильсен (1881–1972) — датская актриса, звезда немого кино.

Лиля Кедрова — Кедрова Елизавета Николаевна (1910–2000), актриса театра и кино, дочь Н. Н. Кедрова, основателя

«Кедровского квартета». В Париже начинала сценическую карьеру как характерная актриса. Позднее, в кино, выступала, как правило, в амплуа жертв. Международную известность ей принес фильм «Грек Зорба» (1964). Была женой французского режиссера Пьера Вальда.

Пол Ньюман — Ньюман Пол Леонард (р. 1925), американский киноактер.

Петр Шаров — Шаров Петр Федорович (1886–1969), актер МХТ, член «качаловской группы» и Пражской труппы МХТ. Позднее драматический режиссер в Дюссельдорфе. В 1927 г. поставил спектакль «Ревизор» со сценографией М. В. Добужинского. «Спектакль <...> имел очень большой успех. <...> И я считаю этот спектакль не хуже Худож<ественного> театра. <...> Я очень уважаю Ш<арова> как режиссера, и это была большая радость с ним работать», — писал Добужинский после премьеры. В 1928 г. в Дюссельдорфе Шаров и Добужинский осуществили постановку трагедии Г. Э. Лессинга «Натан Мудрый».

Позднее Шаров работал в Голландии, сыграл огромную роль в знакомстве голландского зрителя с драматургией Чехова.

Три сестры Поляковы, Марина, Ольга и Таня — Марина: см. Влади Марина, Таня: см. Версуа Одиль, Ольга: см. Байдарова-Полякова Ольга, французская актриса.

*Людмила Лопато в зимнем костюме, отороченном норкой.
Париж, начало 1960-х гг.*

Глава двадцать третья

Дело моей жизни, «Русский павильон»

После неуспеха «Парижан» Джонни, который финансировал постановку, сказал: «Людмила, у нас осталось мало денег, надо придумать что-то другое...»

Мы погрузили, поужинали и пошли спать. А утром вдруг в голове блеснуло: русский ресторан! Я всегда любила многолюдье и умела создавать атмосферу. Джонни засмеялся: «Давай попробуем».

Джонни нашел место на рю Лористон, 4, на углу авеню Виктор Гюго. Два шага от Триумфальной арки, очень удобная квартира наверху, над рестораном. И к тому же — место, уже отмеченное и судьбой, и парижанами: раньше там находилось ателье очень известного фотографа. Начались работы. Парижский подрядчик Борис Каныбеев, сводный брат пианиста Юрия Букова, имел своих рабочих, славился распорядительностью. Тем не менее отделка длилась полгода или даже восемь месяцев.

Но и это прошло. 5 ноября 1961 года открылся «Русский павильон»!

В газетах появилось объявление: «Людмила Лопато, которой мы аплодировали в “Динарзад”, теперь принимает и поет у себя — на обедах и ужинах в ресторане

“Русский павильон”!» Как важны для моей жизни эти четыре строки — я еще и не подозревала.

Второе, расхожее название ресторана было «У Людмилы». Голубые стены, красный бархат, розовые лампочки на каждом столике (столиков было 23 или 24, не помню

*Людмила в интерьере своего ресторана на улице Лористон.
Париж, 1960-е гг.*

точно). Вокруг всей залы — удобные диваны, на стенах — картины русских художников. Часть полотен перешла ко мне из семьи великого князя Бориса Владимировича. И оформлять зал отчасти помогал Рашевский, брат княгини Зинаиды Сергеевны, жены Бориса Владимировича. Он был весьма известен в Париже и на курортах Лазурного берега. Жил каждое лето в «Отель де Пари» (бесплатно, так как он знал бесконечное количество «персон грата», умел привлекать к себе людей — и вокруг него всегда вращалось общество). Был женат на американской миллионерше леди Астор. Жить умел на редкость приятно и вальяжно! Я знала его не очень близко, но в памяти остался симпатичный, остроумный господин, вниматель-

ный к красивым богатым дамам. При всем природном легкомыслии, когда Рашевский к кому-то действительно хорошо относился, он был прекрасным другом.

После смерти великого князя Зинаида Сергеевна осталась одна. И, так как она очень любила своего бра-

Именитые посетители ресторана «Русский павильон»: вторая слева — госпожа Деви Сукарно, супруга президента Индонезии

та, они поселились вместе в ее доме на рю Фезандри. Там висели знаменитые картины — главным образом русских художников. Была старинная мебель, чудесный рояль. Бунчук, личный мажордом Рашевского, заведовал хозяйством в доме. И когда приглашали ужинать, на столе была вся прелесть русской кухни.

В 1960 году Зинаида Сергеевна вышла замуж за Костю Джанумова (он был красив, пел и играл на гитаре). Они ездили в Америку, где все газеты кричали, что вдова великого князя вышла замуж за плейбоя!

Прошло время. Джанумов и Рашевский вместе поехали в гости в Испанию, к князю Багратиону (тому, на дочери которого был женат великий князь Владимир

Кириллович). Они вышли в море на яхте — и Джанумов внезапно утонул.

Вероятно, он хотел нырнуть, но произошел несчастный случай.

Хотя это не вполне очевидно.

Еще через какое-то время Зинаида Сергеевна вышла замуж в третий раз, за некоего чешского господина (я его видела дважды или трижды). Вскоре она очень серьезно заболела; когда я приходила ее навестить, все повторяла: «Людмила, берите, берите русские картины в ваш ресторан! Как будет красиво... И я мысленно буду с вами».

На потолке ресторана была шкура белого медведя (мой брат привез ее из Сибири и рассказывал, что он сам этого медведя убил, но я всегда думала, что это чистая фантазия). На самом видном месте — картина Лапшина «Москва».

Я увидела впервые это полотно еще девочкой, когда мы с мамой были в Биарице, в гостях у архитектора Минаша — отца художницы-графика Жени Минаш. И еще тогда влюбилась в картину! А много лет спустя мне позвонили и спросили, не хочу ли я ее купить. Мы с реставратором князем Эристовым немедленно отправились за ней. Глебушка Эристов потом привел полотно в полный порядок.

Посетители входили. Оглядывались, удивлялись, восхищались. Тут же выпивали рюмку водки, которую предлагала всем входящим прелестная барышня в русском костюме с кокошником.

Персонал был большой. Княгиня Марина Даддани, урожденная Амилахвари, занималась гардеробом гостей. Старый барон Леонид Ламсдорф ведал шампанским. У него дрожали руки, но клиенты его обожали! Князь Миша Шервашидзе был метрдотелем, я принимала гостей. Были еще пять или шесть русских гарсонов, все носили голубые рубашки-косоворотки с темно-бордовыми

поясами. А в первый вечер, не сговариваясь, крестились перед тем как выйти к гостям, потому что зал был переполнен.

Первое меню нам составил и стал у нас шефом Сергей Сергеевич Залогин, бывший царский и лучший русский повар в Европе тех лет. Он помогал нам выбирать посуду и оборудование, был очень культурный и милый человек и изумительный мастер. Делал неподражаемые кулебяки, блины и пирожки! Он сам был знаменитостью, знатоки шли ужинать «на Залогина», как ходят в театр на спектакль с примадонной. Конечно, он был очень дорогой «ведеттой». Не только из-за стоимости его труда. Он был весьма строг к поставщикам, к выбору продуктов. Телячьи котлеты? Только из самого лучшего мяса! И так — во всем. Увы, Залогин работал у нас недолго. Теперь я жалею об этом: он любил ресторан, он его создавал... Впоследствии я двадцать лет мучилась, выбирая поваров, — и ни один француз не готовил так, как Сергей Сергеевич.

Он ушел от нас в результате недоразумения — одна клиентка ресторана пожаловалась вечером, что мясные пирожки были сладковаты. А Залогин страшно обиделся. Бросил ресторан на пять дней, затем вернулся, попросил расчет.

Никогда уже нам не удавалось предложить такую кухню, как тогда. И Сергей Сергеевич после этого совсем перестал работать (он был уже очень немолод). А уйдя на покой, вскоре умер...

Перед открытием я страшно волновалась. Все служащие мне прислали корзину цветов: «Бон шанс, Людмила!» Рашевский сказал: «Не бойтесь, я устрою вам премьеру!» и привез весь Париж: Бурбонов, Полиньяков, русских князей, знаменитостей. У нас и позже бывали Юсупов, Голицын, Шереметевы, княгиня Зинаида Романова.

Каждый, кто пришел в «Русский павильон», получал тарелочку с мягкими, еще теплыми пирожками — небольшими, на один укус, шедеврами «залогинской ручной работы». Водка уже стояла на столе, в деревянной матрешке. Шампанским занимался барон Ламсдорф.

В то время стоимость франка была совершенно другой. И цены были смешные. Какие-то 30–50 «тех» франков стоил обед, за который сегодня платят 500.

Оркестр Валентина Билинского был очень хорош. Солировали Шарль Шалян и Марк Лючек. Потом пела я.

Люди иногда танцевали. Подчас на эстраду выходили известные артисты или другие знаменитости; выяснилось, например, что главный редактор *The Times* чудесно поет венгерские песни. Однажды вышел из-за столика и играл для нас знаменитый скрипач Иври Гитлис.

В 1960-е годы из Бухареста ко мне в ресторан приезжала известная русская певица Алла Баянова и выступала у нас несколько раз.

Силой «Русского павильона» был его домашний дух (домашний — в изысканном, старинном смысле), уют гостиной или музыкального салона, где у каждого, знаменитого или неизвестного, была возможность показать свои таланты и принять участие в общей радости. И это нравилось всем!

Ночи летели, одна за другой, полные романтизма. И, говорят, незабываемые.

По ком, по ком душою ты страдаешь,
По ком, по ком вздыхаешь ты тайком,
По ком, по ком ты слезы проливаешь?
А-ах... и утираешься
— тайком
— кисейным рукавом...
Зна-ать, судьба, судьба моя такая,
Что с посты-ылым шла я к венцу.

Знать, уж судьба такая, доля злая,
А-ах... а слезы катятся по белому лицу...

Не знаю, помнят ли в России этот старый романс. Но в «русской шкатулке» возле Елисейских полей он был бережно сохранен.

Я любила его и часто пела в те вечера в моем «Русском павильоне».

Парижские репортеры в те дни писали:

«И вот — Людмила Лопато, со всеми ее талантами — собеседницы, певицы, пианистки, хозяйки вечерних праздников, но также и композитора.

Людмила после своего прохода между столиками с русской народной песней становится загадочна, как сама мечтательность, сама нежность. В ее манере держаться теперь нет ни тени скетча. И если вы ее попросите, она споет вам “Под солнцем Прованса” на свою собственную музыку... (А слова к этому романсу написал мой первый муж Никита. — Л. Л.)

Вы полюбите эту среду, этот воздух, в котором так много смеха и совсем чуть-чуть степной дикости, древнего цыганского плача, радости ночей и дневной муки. И еще в этом воздухе (те, кто знает русские кабаре, поймут) — больше изысканности, чем в других местах.

Привносят эту ноту, помимо самой Людмилы, Морис Лашамп со своей скрипкой, Алеша и Шалян с их гитарами. Шалян великолепен — попросите-ка его сыграть “Облака” Джанго Рейнхардта, эту волнующую классику, такую близкую, навевающую каждому на память какой-то отъезд, какое-то бегство.

Алеша поет высоким голосом, в котором так много нежности его народа, — и мы вновь куда-то перенесены, горько очарованы памятью о прежних, давних чьих-то бегствах и исходах...

Возвращается Людмила — и с ней ее веселье, ее триумф! Шампанское с паприкой, охлажденное в снегу...»

«Очаровательная, неодолимо притягательная, эксцентричная Людмила приходит к нам со своими взрывами смеха и своими песнями, чтобы вселить надежду, что праздник еще не кончился. Среди всех ночных русских ресторанов ее маленькая “бонбоньерка” остается самой верной этому стилю и духу...»

*Людмила в парчовом платье.
Париж, 1965 г.*

«С каким удовольствием мы открыли для себя ресторан, основанный Людмилой Лопато в двух шагах от Триумфальной арки! У Людмилы проходят восхитительные вечера. Все русское оживает здесь — начиная со швейцара в галунах у входа, цыганского оркестра и до приветствия хозяйки дома: когда она садится к фортепьяно, мы узнаем и вспоминаем талантливую

артистку, которой аплодировали прежде в “Динарзад”. Еда высшего качества: блины с икрой, ягненок на вертеле, котлеты по-киевски... Обедают по преимуществу с шампанским, хотя и винный погреб Людмилы подобран искусно. Мы вдумчиво дегустировали рафинированное меню — от крошечных пирожков и корнишонов до мороженого с сюрпризом на десерт. В Париже трудно выдвинуть вперед новый ресторан. Но успех венча-

ет Людмилу, потому что она очаровательная маленькая особа, полная грации, у нее много друзей, и общение здесь — самое редкое и ценное... Элегантность и хороший тон ресторана “Русский павильон” — достойны салона»...

«Если вы мечтаете тайно о вечере в русском кабаре, со скрипками, закусками и балалайками, — обязательно зарезервируйте столик у Людмилы. В ресторане на первом этаже, обитом красным бархатом, тепло, как в доме со скатертями и кружевом, с портретом Екатерины Великой на стене, напротив вида заснеженного Санкт-Петербурга (оба полотна — из личной коллекции хозяйки ресторана). Эта изысканная дама в муслине и жемчугах встречает вас, точно гостей собственного дома. В полночь она садится к фортепьяно и воскрешает мелодии старой России. Два русских, действительно русских музыканта аккомпанируют ей...»

И наконец, газета *Le Monde* — краткий обзор истории русских ночных ресторанов Парижа: «Со времен покойной “Летучей мыши” и “Княжеских ночей” русские кабаре всегда имели успех в Париже. Вскрики цыганских скрипок и казачья пляска, блины, шашлык и водка вносят неопределимо-экзотическую ноту в ночную жизнь. “Тарас Бульба” старается изобразить степную вольницу, “Карлов” — повторяет “Тараса Бульбу” на Левом берегу. “Шехерезада”, благородный предок, остается неизменной в своей пещере “Тысяча и одной ночи”, совершенно как во времена Полковника. (Создатель “Шехерезады” полковник Нагорнов, редкостный поклонник шампанского, впоследствии основавший “Динарзад”. — Л. Л.)

Жак Пасоли, корсиканец, уроженец департамента Шер, император парижских ночей и соперник знаменитой Елены Мартини, также правит двумя русскими кабаре, “Звезда Москвы” и “Царевич”, что ему позволяет использовать в том и в другом месте своих артистов —

старых “белых русских” (таких как Виктор Новский) и молодых советских (таких как Жан Татлян).

Самое роскошное, самое боярское из русских кабаре — “Распутин”, заведение Елены Мартини, с его двумя оркестрами и увеселениями. Самое камерное и прелестное — “Русский павильон”, где царствует Людмила Лопато, самая русская из всех парижанок, самая очаровательная парижанка из всех русских, спектакль одной актрисы сама по себе. И у нее очень вкусно кормят!»

Комментарии

Картина Лапшина «Москва» — Лапшин Георгий Александрович (1885–1950), участник «салонов независимых» (1925–1940). Оформил в 1935 г. «Сказание о невидимом граде Китеже» для «Опера-комик», делал декорации для «Фоли-Бержер» и кабаре «Сезам» в Монте-Карло.

Минаш — отец художницы-графика Жени Минаш — Минаш Сима Исаакович (1877–1945), петербургский архитектор. Хаджи — Минаш Евгения Самойловна (1907–1972) в 1957–1960 гг. оформила библиофильское издание «Камасутры». В 1963 г. получила Большой приз изящных искусств г. Парижа.

Иври Гитлис — скрипач, эмигрант из Риги, живет в Париже, до этого жил в Израиле. Работал с Менухиным, Баренбоймом, Мильштейном.

Алла Баянова — Баянова Алла Николаевна (р. 1914), русская певица, исполнительница романсов и народных песен. В раннем детстве была увезена родителями в эмиграцию. В 1927 г. в Париже дебютировала в кабаре «Казанова». Пела в ресторане «Большой московский эрмитаж» в одной программе с А. Вертинским, высоко ценившим дарование столь юной певицы. Гастролировала в Ницце, Афинах, Белграде, Каире, Бейруте. С середины 1930-х гг. жила и выступала по преимуществу в Бу-

харесте. Творческий путь описан ею в книге «Гори, гори, моя звезда» (Тамбов, 1994). С 1989 г. живет в Москве.

«Облака» Джанго Рейнхардта — Рейнхардт Джанго (р. 1912), король американского свинга.

Жан Татлян (р. 1943) — эстрадный певец. Родился в Греции, в армянской семье, которая позднее переселилась в СССР. Дебютировал в Ленинграде в начале 1960-х, много концертировал, в СССР было продано 50 млн его пластинок. С 1971 г. в эмиграции, в Париже пел в кабаре «Распутин» и «Звезда Москвы», в США — в крупнейших казино Лас-Вегаса, держал ресторан на 64-й улице Нью-Йорка. В 1990-х вновь стал концертировать в России.

«Распутин» — парижский ресторан. Открыт в 1966 г., принадлежит Елене Мартини.

*Людмила Лопато в шубе из рыси работы Дома моды «Кристиан Диор».
Париж, 1960-е гг.*

Глава двадцать четвертая

Я не знаю точно, как создать успешный ресторан

Так продолжалось двадцать лет. «Русский павильон» стал местом, необходимым Парижу. Нас полюбили посольства, Дома высокой моды, парфюмерные фирмы. Часто бывали банкеты после концертов, гастролей и премьер.

Я была довольна. Джонни, по горло занятый организацией дела, тоже. Наши милые служащие, представьте, тоже — и подолгу работали у нас.

И, наконец, публика явно получала удовольствие.

Иногда знаменитые пианисты или скрипачи приходили поужинать случайно или попадали на банкет, а потом возвращались и даже играли у нас.

Самой милой чертой «Русского павильона» (и моей гордостью!) было то, что посетители почти всегда возвращались к нам и приводили своих друзей. Видимо, такой был воздух в этом зале с розовыми абажурами на столах.

Фредерик Кастет, очень известный в Париже той поры дизайнер мехов, устраивал у нас вечера Дома Диора на семьдесят-восемьдесят человек. Он сам занимался оформлением «Русского павильона»: завешивал стены соболями, норками, шиншиллами, лисами и расставлял везде цветы — было очень красиво. Гостей встречали,

В кругу гостей ресторана: вторая слева — мексиканская кинозвезда Мария Феликс, крайний справа — дизайнер моды Фредерик Кастет

как юные хозяйки, манекенщицы Диора, одетые в лучшие вечерние платья своей фирмы. Множество знаменитых клиенток Кастета — и София Лорен, и графиня Парижская, супруга графа де Бурбона, потомка свергнутых королей, местоблюстителя французского престола, и мадам Помпиду — бывали на этих вечерах, где все старались затмить друг друга (общий блеск не буду и описывать)...

Главный парфюмер Дома Диора всегда говорил своим манекенщицам: «Учитесь у Людмилы шарму и умению принимать гостей!»

Много вечеров устраивали у нас Дом Магги Руфф, Жан-Луи Шерер, Дом «Ланвен», Жак Хейм, г-жа Сизмек, владеющая теперь Домом Валентино.

В один из первых вечеров я пригласила господина Христиана Мило. Он был серьезный и известный кулинарный критик, автор «Кулинарного гида» по Пари-

Музыканты ресторана Людмилы

жу. Это очень важно для рестораторов: если попадешь в «Кулинарный гид», все к тебе приходят.

В тот вечер зал был переполнен, но я ему оставила столик. Вот уже десять часов... Одиннадцать... Грозного критика все нет. Ко мне подошла какая-то дама, спросила, почему пустует этот стол. Я была вынуждена объяснить, что жду одного журналиста (до сих пор помню, как она на меня посмотрела).

Вдруг из угла мне помахал господин, который пришел в мой ресторан в первый раз. Я подошла. «Позвольте спросить, кого вы ждете?» — «Мсье Мило», — отвечаю. А он говорит: «Это я. Уже час сижу здесь». О Боже...

Я ведь подошла к нему, как ко всякому новому посетителю, когда он только появился. И спросила: «Хотите селедки?» Он удивился, но сказал: «Да». — «Может быть, и котлеты по-киевски?» — «Да, да, пожалуйста». Когда же я узнала, что этот скромный незнакомец и есть Мило, то пришла в ужас, потому что кулинарным кри-

тикам всегда стараются предложить самое роскошное и дорогое (икру, например).

Но после этого он написал о ресторане замечательную статью: «Можете спокойно идти в “Русский павильон” — вас никто не будет “нагревать”». Это была отличная реклама — я до сих пор ему благодарна.

«Господа, начинайте с тихого вальса, чтобы людям не приходилось сразу есть с невероятной быстротой, — говорила я своим музыкантам. — Под медленную музы-

М.Ю. Лермонтов

ку ужинают с удовольствием, неспешно разговаривают. Ритмичная вынуждает быстрее есть, и вечер заканчивается после десерта».

У меня был свой столик (всегда кто-то был приглашен, было приятно по вечерам видеть рядом друзей). Но заниматься клиентами это не мешало. Когда я выходила петь, всегда говорила: «Какая публика!»

И говорила, право же, совершенно искренне.

Я гордилась тем, что к нам не раз приходил Феликс Юсупов. Он и в начале 1960-х был так же красив, изысканно одет, как в давние годы, когда я впервые его увидела. Никогда больше я не встречала человека с такой фигурой и осанкой! Однажды, когда он был у нас, пришла поужинать после гастрольного спектакля труппа Кировского балета. Их привел известный импресарио Томази.

Не знаю, он ли сказал артистам, кто этот господин, или узнали сами, но у танцоров загорелись глаза: «Вот этот старик убил Распутина!»

Я спросила: «Князь, можно молодым людям подойти к вам, попросить автограф?» — «Конечно, графинюшка!» — так он меня в шутку называл.

Боже, как они смотрели на Юсупова! Точно какой-нибудь мифический «гений места», призрак старого Петербурга возник из сумерек у них на глазах, чтобы поужинать за соседним столиком «Русского павильона».

К нам приходил и Жозеф Кессель, французский писатель русского происхождения, автор романа «Княжеские ночи». Член Французской академии, он жил среди цыган. И у них научился есть — медленно, с хрустом, при стечении публики — стеклянные стаканы.

К счастью, у меня в ресторане он их никогда не ел.

Бывал у нас Эрте, которого я упоминала раньше, — талантливый декоратор. У него было прозвище «Бабушка», он ходил в парике, пудрил нос, украшал галстук элегантной заколкой и носил костюмы-тройки, застегнутые на все пуговицы, благо позволяли рост и талия. Он прожил в Париже около восьмидесяти лет, приехав из Петербурга еще до начала Первой мировой войны, и его на-

Балерина и киноактриса Людмила Черина. 1980-е гг., Париж

Завсегдатаи ресторана Людмила императрица Ирана Сорайя на новогоднем вечере. Фотография Сержа Лидо. Париж, 1970-е гг.

стоящее имя было Роман Тыртов. А Эрте — псевдоним, составленный из первых букв имени и фамилии.

Я купила несколько его рисунков 1940-х — 1950-х годов, но не у него, а у своего друга, коллекционера Володи Хоффмана. Володин отец Ростислав, директор «Женес музыкаль» и известный историк, выпустил в свет мою первую пластинку.

Наряду со старыми близкими и заочными знакомыми в ресторане стали бывать совершенно новые люди.

В 1961 году в Париже остался Рудольф Нуреев. Он очень подружился с Наташей, сестрой Никиты, моего первого мужа. И приходил к нам в течение долгих лет.

В мой ресторан часто приходили художники Борис Зеленин, Николай Дронников, Вильям Бруй, Иван Путелин, Олег Целков.

Я очень люблю семью Целкова! Мать актрисы Тони Целковой, жены художника, Лидия Федоровна Пипчук, делала для «Русского павильона» изумительные пельмени. Она сама пришла с ними ко мне, принесла на пробу. И я немедленно попросила ее лепить их для нас.

Лидия Федоровна была военной летчицей, а затем воспитательницей в детском саду в Полтаве. Замечательная дама! Она так и не овладела французским языком и объяснялась с бакалейщиками с помощью мимики и жестов, но пельмени и песни под русскую гитару стали символом ее жизни в Париже.

У меня есть несколько картин Зеленина, он часто бывал у нас с женой. Путелин пел у меня одно время, сейчас сделал большую карьеру (этого следовало ожидать, он талантливый человек, совместивший голос и художественный дар, что редкость).

Хорошо помню мать Михаила Шемякина, Юлию Николаевну Предтеченскую, бывшую актрису Ленинградского театра Акимова и советскую кинозвезду 1930-х годов. Муж ее был полковником, после войны они жили в Германии и Риге. Позже она руководила кукольным театром в Воркуте. А когда ее сын Миша оказался за границей, мама поехала к нему, за что Юлию Николаевну очень корили военные сослуживцы покойного мужа. Ее пугали тем, что она никогда больше не увидит «шестую часть суши».

Однако, естественно, после перестройки Юлия Николаевна возвращалась. И недавно скончалась в Нью-Йорке, в гостях у собственного сына.

Шемякин дружил с еще одной моей посетительницей, Диной Верни, галеристкой и моделью Аристиды Майоля и Анри Матисса. Дина Верни основала музей в Париже, сейчас он хорошо известен.

Однажды в ресторан ко мне пришла советский министр культуры Екатерина Фурцева со своим добрым приятелем, французским импресарио и мужем балери-

ны Ирины Бароновой, сыном Станиславского (Фурцева этого импресарио обожала). Я предложила министерше семгу. А Фурцева ответила: «Нет, мне лососину». В тот вечер у меня пела певица Ольга Потемкина — Фурцевой очень понравилась ее длинная русая коса. Но меня госпожа министерша явно невзлюбила!

Очевидно, из-за семги. Лососина ценнее и дороже.

В разные вечера, в разные годы бывали: Джина Лолбриджида, Софи Лорен, Вирна Лизи, Анна Маньяни, Людмила Черина, Наталия Макарова, хореографы Валерий Панов и Владимир Деревянко, мексиканская кинозвезда Мария Феликс, Роми Шнайдер, Мишель Морган, Майкл Кейн, Питер О’Тул, Питер Устинов и его сын, писатели Ромен Гари и Жозеф Кессель, Ален Делон, Роман Полански, Жан Марс, Теренс Янг, Жорж Чеко, югославская певица Вука, Витторио де Сика, Жан-Поль Бельмондо, скульптор Сезар, шахиня Сорайя, композитор Косма, Арманд Хаммер, испанская певица и актриса Надя Лопез, известный французский киноактер Лоран Терзиефф, Шарль Азнавур, Сергей Михалков, Илья Глазунов, Мстислав Ростропович, многие, многие...

Частым гостем был наследник престола Марокко, будущий король Хасан Второй. Его сестра Айша, посол Марокко в Лондоне, приходила с мужем, а то и со всей свитой. И брат, и сестра любили мое пение и мои пластинки.

Как и вначале, я часто пела в своем ресторане. В *Le Monde* появилась рецензия Куртина: «Людмила — большая, настоящая русская и цыганская певица. Славянская душа? Вот она! Нежная, сумасшедшая, дерзкая, насмешливая, дикая и божественно женственная, самая русская из парижских певиц, самая парижская — из всех русских...»

Чаще других появлялись, конечно, мои друзья разных поколений. Юный Даниэль Варсано праздновал у нас свое восемнадцатилетие (среди его гостей были внук де Голля,

внук Дассо, ведущего французского авиаконструктора, знаменитая пианистка, профессор Парижской консерватории Магда Тальяферро, известные артисты).

Даниэль сел к роялю, играл Шопена. Я подошла к нему, он спросил: «Как вы думаете, стану я когда-нибудь пианистом?» Я сказала: «Думаю, да...» С тех пор мы стали большими друзьями, а юноша, как известно, сделался знаменитым музыкантом.

Его отец, Морис, был «сахарным королем» и, несмотря на то что был некрасив внешне, оставался человеком большого шарма и ума. Я у них часто гостила, в их замке Вильфранш на юге Франции. Даниэль, к большому моему сожалению, рано умер. Я очень грустила... С мамой Даниэля, Лидией Борисовной, мы дружны до сих пор.

Трогательное воспоминание: из Нью-Йорка приехал инженер Василий Лермонт и сказал, что долгие годы не может забыть ни мой голос, ни меня.

Ну что ж — я подарила ему свою пластинку. Любезность за любезность...

Мы провели вечер вместе, пили, говорили — и я снова была очарована. Были мы совершенно разные люди, но оба русские. Он любил, главным образом, себя и свои представления о жизни. А я, наоборот, люблю людей и свободу.

И все же Лермонт приходил каждый вечер. И моему сердцу были дороги эти разговоры. Время шло. Чувства между нами становились все теплее. Однажды мы завтракали в «Ритце». И вдруг я сказала себе: «Не хочу, не хочу...»

И написала Лермонту прощальные стихи:

Печальный был день и суровый,
Как твои
С поволокой глаза.
Укутав лицо

В воротник бобровый,
Сказала я: — Ладно,
Прощай навсегда.

Помчались. Заискрились слезы,
Суетливо дрожала
В перчатке рука.
Разлетелись,
Рассыпались грезы,
Замутилась
От боли и горя душа.

Стихи опубликовала «Русская мысль». Позже я записала их на одну из своих кассет в виде мелодекламации. С Лермонтом мы больше никогда не встречались...

Кто еще приходил к нам?

Бывал, приезжая в Париж, композитор Никита Богословский. Я любила и пела его «Темную ночь», «Одессу», «Три года ты мне снилась», в эти вечера сам автор сопровождал меня.

Бывали, приезжая в Париж, русские харбинцы. И польская колония парижан — Януш Вакар с женой Галиной, Збышек Моравски, Войтек Сицински с женой Анной, Збигнев Носальски, принцесса Нинон Радзивилл со своим мужем, промышленником Агояном. Все они любили русские песни, много смеялись и сами пели.

Иногда в вечерних городских газетах появлялась такая вот бесхитростная светская хроника, как эта (*France Soir* от 9 мая 1963 г.):

«Жеральдина, королева Албании, в сопровождении сына обедала в “Русском павильоне” в обществе принца Наполеона и маркизы де Бретей. Меню: икра, котлеты по-киевски, сладкие пирожки по-украински, вино белое, вино красное и водка (в изрядных дозах)».

Людмила перед вечерним выступлением. Конец 1960-х гг.

«Русский павильон» оказался весьма успешной во всех отношениях идеей. Семь месяцев в году мы были открыты, пять — отдыхали. Это позволяло нам ходить в театры, путешествовать.

Конечно, во владении рестораном есть свои трудности. И у нас их было немало. Но мы всегда вовремя получали кредит — и старались вернуть его как можно быстрее.

Я не могу объяснить, что нужно, чтоб ресторан стал успешен и любим. У меня нет и не было никакой систе-

мы. Я вела дело так, как всегда принимала людей дома: вот моя единственная идея. Если же я беру за это деньги — тем более обязана дать максимум удовольствия. И музыку, и пение, и чтобы каждому в этот вечер было хорошо — иначе зачем нужен ресторан?

У нас дома всегда были гости, так что я просто осталась верна своим привычкам.

Но уроков никому давать не могу.

Комментарии

Жан-Луи Шеррер (р. 1935) — французский кутюрье.

Жак Хейм (1899–1967) — французский кутюрье. Его ранние модели произвели сенсацию на знаменитой парижской выставке «Ар-деко» (1925), давшей название ведущему стилю дизайна 1920-х гг. В 1930 г. преобразовал меховое предприятие, унаследованное от родителей, в Дом моды. В 1930-х—1940-х гг. — один из ведущих модельеров Парижа, в 1958–1962 гг. — президент Синдиката высокой моды.

Рудольф Нуреев — Нуриев (Нуреев) Рудольф Хаметович (1938–1993), артист балета, хореограф, дирижер. Солист Кировского театра (1958–1961), в 1961 г. во время гастролей остался на Западе. Работал в Королевском балете Великобритании, гастролировал с программой «Нуреев с друзьями». В 1985–1989 гг. — художественный директор балета парижской «Гранд-опера».

Николай Дронников (р. 1930) — художник, скульптор, книжный график. В 1974 г. эмигрировал из СССР во Францию. Известен как портретист, иллюстратор стихов Г. Айги, мастер малотиражной книги.

Олег Целков — Целков Олег Николаевич (р. 1934), художник, один из самых ярких представителей советского «неформального искусства». С 1977 г. живет во Франции.

Екатерина Фурцева — Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–1974), министр культуры СССР в 1960–1974 гг.

Ольга Потемкина — Ольга Владимировна Потемкина (1942–1993), парижская кабарежная певица, состояла в браке с исполнителем русских песен Марком де Лючеком.

Людмила Черина — настоящее имя Моника Чемерцина (р. 1924), балерина, киноактриса. Ученица О. Преображенской. Солистка балета Парижской оперы, танцевала также в Метрополитен-опера, в балете Ла Скала и других труппах. В 1958 г. основала собственную балетную труппу. Исполнительница ведущих ролей классического репертуара, главных партий в балетах Фокина, Лифаря и др.

Наталья Макарова — Макарова Наталия Романовна (р. 1940), балерина, солистка Театра им. Кирова (1959–1970), с 1970 г. в эмиграции в США, в труппе «Американский балетный театр» (с 1970), в Королевском балете Великобритании (1972–1989) и других труппах. В 1989 г. оставила сцену, выступала в концертах.

Валерий Панов — Панов Валерий Матвеевич (р. 1938), артист балета, педагог, хореограф. Солист Театра им. Кирова, лауреат Госпремии СССР (1970). В 1974 г. эмигрировал, работал в труппах западного Берлина и Вены, в 1985–1986 гг. руководил Королевским балетом Фландрии (Антверпен), затем балетной труппой Боннского оперного театра. Десять постановок В. Панова были оформлены А. А. Васильевым.

Владимир Деревянко — Деревянко Владимир Ильич (р. 1959), артист, хореограф. В 1977–1983 гг. — солист Большого театра, с 1983 г. живет в Риме. В 1986–1990 гг. — солист труппы Цюрихского балета, в 1988–1991 гг. — солист балетной труппы Гамбургской оперы п/р Дж. Ноймайера. С 1993 г. — руководитель балетной труппы Дрезденской оперы.

Мария Феликс (р. 1919) — мексиканская киноактриса, снималась в фильмах Закариаса, Ренуара, Буньюэля.

Питер О'Тул (р. 1932) — американский киноактер.

Питер Устинов (р. 1921) — английский актер, режиссер, писатель. Двоюродный племянник художника А. Н. Бенуа.

Ромен Гари — настоящее имя Роман Касаев, псевдоним Эмиль Ажар (1914–1980), французский писатель и дипломат русского происхождения. В годы Второй мировой войны сражался в армии де Голля. В 1950–1960-х гг. был послом Франции в Швейцарии, консулом в Лос-Анджелесе, спикером ООН. В 1956 г. получил Гонкуровскую премию за роман «Корни неба». В 1974 г. придуманный Гари писатель Эмиль Ажар получил Гонкуровскую премию за роман «Вся жизнь впереди».

Роман Полански (р. 1933) — кинорежиссер польского происхождения. Дебютировал как актер в фильме Анджея Вайды «Поколение» (1955), в конце 1950-х снял свои первые фильмы, отмеченные мотивами гротеска, абсурда, садомазохизма. С 1965 г. жил и работал в Англии, затем в США, с 1977 г. в Париже. В 1969 г. имя Полански приобрело трагическую известность после жестокого убийства в Голливуде его жены, кинозвезды Шэрон Тейт. Среди его фильмов — «Отвращение» (1965), «Тупик» (1966), «Бал вампиров» (1967), «Ребенок Розмари» (1968), «Макбет» (1971), «Китайский квартал» (1974), «Тэсс» (1979), «Пираты» (1986), «Горькая луна» (1992), «Пианист» (2001).

Жорж Чеко — кинопродюсер фильма «Черный тюльпан».

Витторио де Сика (1901–1974) — итальянский кинорежиссер.

Сезар — Сезар Бальдаччини (р. 1921), один из крупнейших скульпторов Франции XX в. В 1960 г. вошел в группу «новых реалистов», однако искал свои способы «овладения реальностью». В середине 1960-х начал работать в «технике сжатия», создавая серии объектов, которым сжатие под прессом, деформация придавали особую выразительность.

Арманд Хаммер (1898–1990) — американский бизнесмен, нефтепромышленник. Основы многомиллионного состояния заложил в СССР в первые годы революции, в частности, скупая антикварное наследие. Создал музей Арманда Хаммера в Калифорнии.

Лоран Терзиефф — настоящая фамилия Чемерзин (р. 1935), французский актер. Снимался в фильмах Марселя Карне «Обманщики», Роберто Росселини «Ванина Ванини», Луиса Буньюэля «Млечный путь», Пьера Паоло Пазолини «Медея».

Никита Богословский — Богословский Никита Владимирович (1913–2004), композитор.

«*Три года ты мне снилась*» — песня Н. Богословского на стихи А. Фатьянова, написанная для второй серии фильма «Большая жизнь» (1946). Песня подверглась партийной критике, А. Фатьянов был заклеен как «поэт кабацкой меланхолии».

Киноактриса Софи Лорен любителю тем, как поет и танцует Людмила Лопато. Париж, 1970-е гг.

Глава двадцать пятая

*Наши путешествия.
Русские конфеты. Свадебная
полость из белого меха.
Жан Татлян.
«Пора освободиться»*

Я всегда любила путешествовать. В эпоху «Русского павильона» мы свои долгие каникулы проводили в странствиях: Австрия, Дания, Голландия, Германия, Норвегия, Венгрия, Испания, Португалия, Багамы, Бермуды, Ямайка, Турция, Марокко, Болгария, Румыния...

И, конечно, Италия.

Верона, оперный фестиваль в античном амфитеатре. Сверкали звезды. На древних камнях, где когда-то сражались гладиаторы, шел спектакль «Ромео и Джульетта». Никогда не забуду!

В начале 1960-х у Джонни все еще было бюро в Вене, как-то мы отправились туда вместе надолго. Приятная смена окружения! Его австрийские друзья часто приглашали нас в знаменитые венские рестораны (например, в «Три гусара»). Ходили в Бургтеатр, восхищались Курдом Юргенсом, которого потом встречали и в Париже. Ходили в Оперу.

В моей жизни это было романтическое время: снег и солнце, любовь и нежность.

Позже в Вене все как-то переменялось. В отелях персонала стало намного больше, комфорта намного меньше. Но в кафе сохраняется тот же австрийский шарм, подают тот же захерторт и тот же вкуснейший штрудель. Я бы сказала, что не изменилась и публика.

Из Вены мы ездили по Дунаю в Будапешт — слушать венгерских цыган.

А позднее, в царствование Герберта фон Караяна, часто бывали на оперных фестивалях в Зальцбурге.

Свадебная фотография с сыном Делано и его супругой Винфред. США, середина 1960-х гг.

Тогда же мы решили поехать на неделю-полторы в Россию, в которой я никогда не была. Какой это был год, не помню, но эпоха была еще советская. Мы прилетели 1 мая, в праздник. В аэропорту нас посадили в автобус, мы проехали с полсотни метров, остановились и чего-то ждали на выезде, очень долго. Я сказала барышне-гиду: «Что же мы тут стоим? Нельзя ли кру-

гом проехать?» Она немедленно откликнулась: «Вас, кажется, Людмила зовут? Вы в Париже можете давать советы. А мы знаем, что надо делать».

Это было очень забавно!

Гости ресторана слушают цыганскую музыку

Они поселили нас в «Метрополе», дали номер люкс — роскошный, старомодный. Но там все было поломано, пыльно, и из крана в ванной текла коричневая вода.

Мы побывали в Большом, на «Иване Сусанине», почти ежедневно ходили в московские театры, провели вечер в грузинском ресторане «Арагви». Встречались люди такие, как та барышня-гид. Но очень многие были сердечны чисто по-русски. И девочки в отеле работали такие славные. Когда уезжали, одна из них бежала и кричала вслед: «Мой сын вам шлет русские конфеты!»

Потом отправились в Ленинград, жили в гостинице «Европа» около Русского музея. В этих старинных кварталах Петербурга, среди ампира, театральные афиш, маленьких садов, мы с удивлением встречали на каждом шагу совсем пьяных людей...

Побывали в тот приезд и в Одессе, и в Ливадии.

После долгих лет мы с Джонни решили пожениться. Поехали в Данию, в маленький город Тондер, предна-

значенный специально для молодоженов. Более очаровательного места никогда не видела и, думаю, не увижу! Почталыоны там все в красных костюмах, а полицейские — в белых, с синими поясами и золотыми пуговицами. Нас объявил мужем и женой мэром города (который, кстати, был другом отца Джонни). Не забуду «Кукольный дом», где маленький старичок колдовал, выпекая вкуснейшие пирожные...

Из этого райского, сказочного, андерсеновского городка разослали телеграммы друзьям и родственникам:

«Наконец поженились!» Действительно «наконец»: мы уже четырнадцать лет были вместе.

Сразу после свадьбы сели в машину. Джонни специально купил «свадебную полость» из белого меха, чтобы согреться, — было дико холодно! Заехали на обратном пути на два дня в Гамбург — и вернулись в Париж.

Спустя какое-то время кто-то нам сообщил: из России приехал приятный молодой человек, певец по имени Жан Татлян. Говорили, что он был звездой эстрады в Ленинграде. Жан пришел к нам в «Русский павильон», спросил: «Хотите, спою под гитару?» Пел он чудно, голос дивно звучал.

Со временем он начал приходить все чаще — и однажды вдруг, без каких-либо предисловий, сказал: «Я хотел бы купить ваш ресторан». Я растерялась, но ответила: «Жанушка, не старайтесь, у вас ничего не выйдет...» Татлян стал возражать: «Я моложе, я умнее, я не менее известен, чем вы». — «Насчет ума не знаю, — с улыбкой сказала я, — но мне все-таки кажется, что у вас не получится».

Он продолжал приходить в ресторан и каждый раз возобновлял разговор о покупке «Павильона». Так прошло два сезона.

Я рассказала наконец об этом Джонни, он подумал и сказал: «В общем — почему нет? Мы здесь уже двадцать лет, пора отдохнуть и освободиться».

Традиционное выступление хозяйки ресторана

Татлян привел к нам иранского магната Абзадэ. Они вместе осмотрели ресторан, кухню, все помещения. Я назвала цену. Татляну она показалась слишком высокой, но Абзадэ понял, что торговаться я не буду. «Покупаем».

Так прекратил свое существование наш «Русский павильон». Продали все — и ресторан, и обстановку, и картины, и квартиру над рестораном со всем, что в ней было.

Пресса провожала нас ностальгическими вздохами: «Людмила... но с этим покончено! Никого не предупредив об опасности, она покинула свой волшебный “Русский павильон” на рю Лористон. Это была одна из лучших, истинно русских ночных “шкатулок” — и вот все исчезло.

Завсегдатаи не очень надеются на то, что это волшебство можно воссоздать. Ресторан отныне называется “Две гитары” — вот и все, что можно о нем сказать».

Через три месяца «Две гитары» Татляна разорились.

А мы, подписав контракт, сложили чемоданы и поехали в Венецию. Провели чудное лето, отдохнули, вернулись в Париж. Поселились в отеле на авеню Виктор Гюго. И сразу почувствовали себя сиротами.

Поехали в Испанию, в Марбелью (тогда отель «Марбелья клуб», который принадлежал принцу Альфонсо фон Гогенлоэ, мужу принцессы Иры фон Фюрстенберг, был самым модным в Испании и очаровательным местом). Оттуда в Севилью, Гранаду, Кордову. Потом отправились в Нью-Йорк, в гости к Делано, который счастливо жил в нью-йоркском пригороде Порт-Вашингтон со своей милой Винфред и двумя малышами.

Из Америки — в Мехико, где нас встретил мой племянник Патрик (в ту пору вице-президент фирмы «Матра»). Они с женой показывали нам город. Повсюду музыка и цветы. Марьячос, уличные музыканты, встречали гостей у входа в каждый отель.

Акапулько... Вновь Марбелья... Канарские острова.

Дивный климат. Потрясающие пляжи. Невыразимая скука...

И такое чувство, будто все время от чего-то убегаем.

Вернулись в Париж, сняли элегантную маленькую квартиру на авеню Фош. Появился рояль, по вечерам приходили друзья, которым я пела все, что когда-то звучало в «Русском павильоне». Гости слушали — и спрашивали: «Когда же вы снова откроете ресторан? Скучно без вас...»

Так прошло три года.

И вот однажды мы с Джонни шли по улице короля Франциска I, мимо отеля «Шато Фронтенак», где когда-то держал свой ресторан Жан Маре (кажется, там дебютировала Эдит Пиаф). Ресторан был давно закрыт, его помещение пустовало.

Нам пришло на ум спросить у хозяина, мсье Тома, что он делает с этой пустующей залой.

Он сказал: «Если хотите, я сдам ее вам». — «Хорошо, подумаем», — ответил Джонни. Через какое-то время он заметил вскользь: «Если хочешь... красивая зала... Возьмем!»

Так и решили. Сменили квартиру на апартамент в многоэтажном жилом доме на авеню Георга, напротив знаменитого отеля и совсем недалеко от ресторана, что очень удобно. Над нами жила Софи Лорен с мужем и двумя сыновьями, под нами — Дорфман, кинопродюсер.

Комментарии

Курд Юргенс (1915–1982) — знаменитый немецкий актер, режиссер театра и кино.

Царствование Герберта фон Караяна на оперных фестивалях в Зальцбурге — фон Караян Герберт (1908–1989), оперный и симфонический дирижер и режиссер, возглавлял Венскую оперу в 1957–1964 гг., в 1956–1960 гг. — Зальцбургский музыкальный фестиваль.

Ира фон Фюрстеберг (р. 1937) — светская дама, благотворительница, специалист в области рекламы в СМИ.

Ресторан Жана Маре (кажется, там дебютировала Эдит Пиаф) — певица Эдит Пиаф на самом деле дебютировала в парижском кабаре «Жернис» на улице Пьер-Шаррон в 1935 г.

*Людмила Лопато на рекламной фотографии для диска своих песен,
1970 г.*

Глава двадцать шестая

*Новый «Русский павильон».
«Вы хотите песню веселую
или грустную?» Тутаны,
реклама, наряды...
и другие проблемы ресторатора*

И, представьте, настал день, когда «Русский павильон» вновь открылся!

Зала была больше, чем прежняя, но мы постарались все устроить в том же стиле, отделать тем же красным бархатом. Повесили картины, стали искать служащих.

И вновь та же Мариночка Дадиани пришла нам помогать, и вернулись ко мне гитаристы Андрюша Шестипалов и Ванечка Николаев!

Андрюша позже стал солидным отцом семейства, директором в русском доме престарелых «Земгор» в Кормей, неподалеку от Парижа. Дом этот был основан русским «Союзом земских и городских деятелей в изгнании».

Андрюша — отличный директор. Это ему не мешает петь под гитару до сих пор.

Людмила со своими верными друзьями — дизайнером Фредериком Кастетом и его приятельницей

Пришли и новые люди. Португальский гарсон Альфред, нанятый нами на один вечер, для экстренного случая, потом явился ко мне и сказал: «Мадам, я хочу у вас работать!» Я внимательно поглядела на него и кивнула: «Хорошо. Но вместо Альфреда нельзя ли вас называть Федором? Это как-то больше подходит для русского ресторана». Он согласился и остался с нами на десять лет — славный, усердный, преданный человек.

Смуглого, чернобородого, в алой расшитой косоворотке, Федора-Альфреда все действительно принимали за русского. Теперь у него свой португальский ресторан в пригороде Парижа. А наш бармен Филипп работает в парижском отеле «Ланкастер» директором ресторана.

И опять Фредерик Кастет, еще до официального открытия «Русского павильона», устроил огромный вечер Дома Диора — с цветами и мехами! И манекенщицы новых поколений принимали именитых гостей и пре-

*Людмила и японская миллиардерша Масако Ойя с переводчицей.
1980-е гг., Париж*

зентовали духи новых марок. Таких вечеров потом прошло еще несколько.

Во французском издании журнала *Marie Claire* в июне 1981 года был описан один из таких праздников:

«Лучшие меха приходят оттуда, где холодно. Следовательно, из России. Там Фредерик Кастет, великий создатель высокой меховой моды, находит свой материал во всем его разнообразии — норка, каракуль, соболя, мех рыси... Возвращаясь к истокам, в новом русском кабаре “У Людмилы” (рю Пьер Шаррон) Фредерик Кастет устроил презентацию своей новой коллекции. Водка, икра, балалайка в меньшей мере создавали настроение и стиль, нежели дефиле Марии Феликс в роскошной накидке из разноцветной норки с инкрустацией в виде ацтекских масок и оторочкой из черного соболя. Модели вышли в шалях из красного каракуля, с инкрустацией в виде камелий из белой норки, в болеро, отделанных бахромой с подвесками... От красоты зрелища захватывало дыхание.

Триумфом коллекции — аплодисменты и восхищенный вскрик Софи Лорен, одной из тысячи двухсот друзей-клиентов мэтра, — стало длинное вечернее манто из черной и белой норки, где основная инкрустация имитирует небоскреб Манхэттена, а освещенные окна переданы аппликациями из посеребренной кожи».

Писали и о других наших вечерах, менее роскошных, без камелий из белой норки, но всегда с живыми цветами:

«Когда Людмила, окруженная слушателями, спрашивает своим неотразимым голоском: “Вы хотите песню веселую или грустную?”, все отвечают в унисон: “Грустную! Грустную!” И можно увидеть воочию: ностальгия вернулась и вновь овладела своим царством...

Людмила продала “Русский павильон” на рю Лористон, чтоб уйти на отдых, но затосковала так сильно, что, когда ей предложили взять под ресторан зал “Саламандры” на углу улицы Франциска I и рю Пьер Шаррон, она тотчас обосновалась там со своими медвежьими шкурами, своими русскими картинами, своим фортепьяно и коробками икры от Петросяна. Великие князья рассядутся по своим местам, и Людмила будет все так же фантастична и эксцентрична в окружении своих балалаек и гитар...»

Еще две газетные заметки:

«“Русский павильон” Людмилы Лопато, несомненно, один из самых уютных и притягательных русских ресторанов Парижа. Убранство зала — такое же, как в салоне элегантной женщины, в стиле, который очень подходит самой Людмиле... О “Святой Руси” напоминают лишь картины и гравюры. Стиль в целом сдержанный, скорее западный, и очень комфортабельный.

По вечерам, когда здесь ужинают под музыку, создается ощущение, что вы приглашены в гости к доброй приятельнице, наделенной природным чувством сча-

стья, которое она старается передать вам в той мере, в какой это только возможно. И передать очень мягко и тактично.

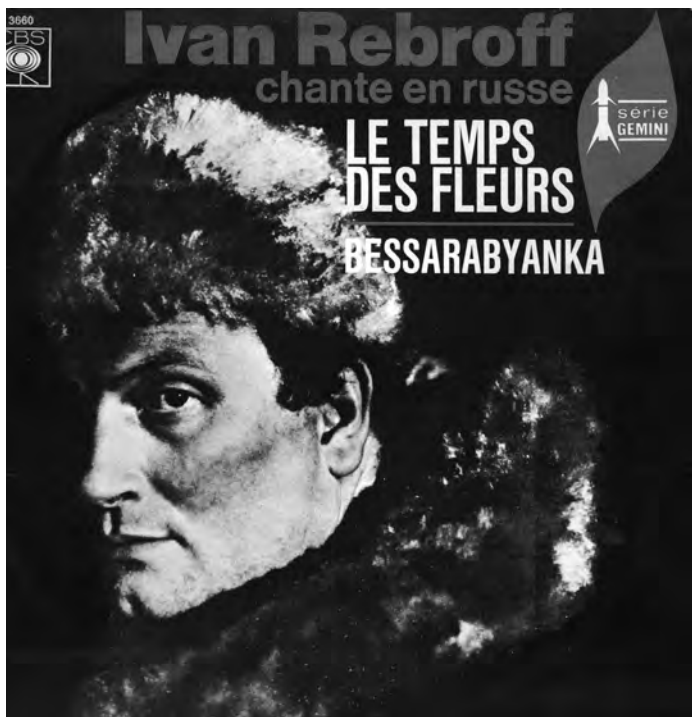
Улыбающаяся хозяйка дома постоянно стремится угадать и исполнить ваши желания. Она умеет создать атмосферу, в которой ночь проходит мечтательно, полна невысказанных обещаний — как когда-то в великих русских кабаре, таких как “Казанова” и “Динарзад”, где сама Людмила познала успех и славу до того, как разместить свой ресторан возле площади Этуаль. Там ее нововведением стал камерный, интимный жанр — без больших оркестров... Людмила поет, сидя за фортепьяно, поет, спускаясь в зал, поет у вашего столика, для вас. И ее репертуар, в котором смешан старый и новый русский фольклор, покоряет вас очень быстро...»

«То, как дано, важнее того, что дано» — эта строка Корнеля часто призвана оправдать скромность подарков, которые преподнесены со щедростью сердца и оттого могут сделать вас счастливым.

Это как раз случай Людмилы Лопато. Она по-прежнему само очарование. В ее ресторане в течение долгих лет все воспринимается как щедрый дар клиентам: ее персонал, ее прием, качество закусок, талант музыкантов и ее собственное пение — тонкое и пленительное.

Говоря об этом ресторане, я мог бы, не изменив ни слова, повторить то, что писал, когда ресторан Людмилы располагался на рю Лористон: “Русский павильон” верен себе, он стал неотъемлемой частью парижских ночей — как для светского общества столицы, так и для рафинированных туристов».

Сегодня этот ресторан расположен на улице Франциска I, на первом этаже отеля “Шато Фронтенак”. “Павильон” теперь называется “У Людмилы”. Но музыкальная аура все та же. И Людмила, элегантная и грациозная, не знающая уныния, остается большой артисткой

Обложка диска Ивана Реброва, 1970-е гг.

и королевой гостеприимства. Она аккомпанирует себе на фортепьяно, потом идет от стола к столу, поет втроем со своими чудесными гитаристами Андреем Шестипаловым и Ваней Николаевым (иногда к ним присоединяется балалаечник).

Убранство залы напоминает столовую в частном доме. Здесь не злоупотребляют фольклором и абсолютно не стремятся к стилю кабаре...»

Парижские кулинарные критики подвергали наше меню строгому разбору, но по-прежнему были благосклонны:

«Когда говорят “русский ресторан”, в воображении неизбежно возникают ночные гулянья под балалайку. Но от этого идеала весьма отличаются обеды и ужины в “Русском павильоне”, который покинул рю Лористон и переехал на улицу Франциска I. Людмила там поет каждый вечер, при мерцающих свечах, но она присутствует в ресторане и днем благодаря звучащим дискам из ее репертуара.

Полдень за окном или полночь — кажется, что в “Русском павильоне” время всегда одно и то же. Занавесы из красного бархата приглушают дневной свет и шум города. Мы как будто вошли в большой ларец, мы внутри чудесной шкатулки... Эта шкатулка, где сохранился дух домашнего уюта, — еще и место для завтрака. Его сервируют до трех часов дня. Выбор по карте обходится в 150–200 франков, но есть и меню за 120 франков, куда входят пирожок и соленый огурец, закуска, отбивная или цыпленок на вертеле, сладкий десерт и полбутылки вина.

Я пробовал некоторые закуски — и, поверьте, впредь буду заказывать не копченого лосося из Норвегии, а красную икру со сливками, копченого угря, паштет из лосося и, конечно, свежую икру.

Отвар из мяса и овощей, который здесь подают вслед за этим, недурен, но не принес того чувства перемещения во времени и пространстве, которое мне обещало его имя “борщ”. Такой суп варят во всех углах Европы, а вовсе не исключительно в заснеженном городке, изображенном на картине русского художника-передвижника.

В качестве реванша — котлеты по-киевски. Мясо домашней птицы нарезано тонкими ломтиками, внутрь кладется кусочек масла, все это заворачивается, панируется — и подается с зеленым горошком и гречневой кашей. Чудо!

Я завершил обед ватрушкой, русским пирожным, столь нежным, что оно заставляет забыть о начинке из обыкновенного творога...»

Статья Пьера Мазара нравится мне своим названием: «Ларец, где хранится время».

Был еще один щекотливый вопрос — каждый ресторатор с ним сталкивается.

Я сказала с самого начала: «Не хочу иметь путан — ни в баре, ни в ресторане. Это нехорошо, хотя они могут быть хорошими клиентками. Но если вы приходите в ресторан, как в дом, путан там быть не должно!»

И просила их нас не беспокоить.

Путан было шестеро. Я запомнила красивую, броскую Ольгу Морозову и их атаманшу Василису. «Погибшие, но милые созданья» из числа наших соотечественниц не относились к числу трагических фигур городского дна: они просили по 4000 франков за ночь. Мне говорили, что для некоторых жриц вторая древнейшая профессия была действительно второй. Якобы служили они как пороку, так и родине: Василиса носила под броским декольте незримые миру погоны чуть ли не полковника КГБ.

То были советские женщины, приехавшие в Париж в 1960-е — 1970-е годы, которые, осмотревшись, быстро разошлись со своими французскими мужьями. И до сих пор в Париже есть места, где работают исключительно русские путаны.

В ту пору еще шла холодная война, все были полны смутных опасений, вполне обоснованных. Мою коллегу Мусю, хозяйку русского ресторана неподалеку от собора Святого Благоверного Александра Невского на рю Дарю, как-то утром нашли повешенной в ее собственной квартире. Говорили, что Муся была убита за контакты с разведкой нескольких стран.

Мой постоянный посетитель, известный русский художник, часто приезжавший в Париж, однажды странным образом исчез из ресторана. Поздним ночным звонком его вызвали в булочную по соседству... и поминай как звали! Больше не появился, хоть и был склонен к ностальгии.

То ли по телефону советское консульство сделало классику выговор за посещения «белогвардейского гнезда», то ли... уж и не знаю, что за этим стояло.

Мало того, чтобы ресторан был похож на уютный дом с вкусным угощением. Дом может быть отменно обставлен, да и повар может быть хорош; но есть люди, к которым всегда хочется идти в гости, а есть такие, в дом к которым приводит необходимость — или тщеславие. Такими мы с Джонни не хотели быть!

Я не знаю, в чем секрет «идеальной хозяйки»: в радушии; в женственности; в интересе и даже любопытстве к людям?

Несомненно, важную роль здесь играют наряд, стиль украшений, макияж, улыбка... и шали, и каблочки... Мне всегда казалось, что настоящая женщина, чем бы ни занималась, тайно воспринимает вечерний наряд как сценический костюм.

А свою роль — как главную в спектакле.

Я любила наряжаться всегда. И считала необходимым наряжаться для встречи гостей ресторана. Я носила вечерние платья, любила золотые, блестящие ткани, шали с кистями. В «Русском павильоне» (особенно — на его эстраде) надолго удержалась мода на шарфы, боа, платья с блестками.

Все это было очень декоративно. И становилось частью нашего стиля.

В одежде важно все. Хоть это и не имеет отношения к истории «Русского павильона», случаются такие повороты в жизни, когда невозможно переоценить значение тонкого белья.

Конечно, дело не в белье... но... но и в нем тоже!

Я вспоминаю мастерство русских модельеров и белошвеек 1940-х годов. Особенно — вещи полузабытого Дома «Лор Белен». В послевоенном Париже, на званом завтраке, от снобирующих дам я услышала о «Лор Белен» впервые. Пошла к ним и увидела замечательно придуманные вещи, сделанные из тонкого прозрачного батиста и дорогих шелков. Искусство двух хозяек, Ларисы Бейлиной и Тамары Гамсахурдия (бывшей балерины), кропотливый труд и тонкое ремесло их белошвеек, тоже эмигранток из России, превращали любую фигуру в статуэтку. Фигуру Марлен Дитрих, например. Клиентками Ларисы и Тамары были многие знаменитости.

Я тоже (не так часто, но в очень важные периоды жизни) заказывала там вещи. До сих пор храню корсеты от «Лор Белен» из тонкого муслина и кружев. Носить их было большим удовольствием.

Туфли и сапожки я часто покупала у Гуччи, там были чудные ботинки. Обувь от Феррагамо... кое-какие вещи сохранились в доме до сих пор.

Я люблю, когда обувь шьют на заказ. На Капри я нашла мастера, который изумительно делал туфли и присылал заказы мне в Париж. Однажды прислал боты, я сообщила ему, что не могу их носить, что-то не так. Он ответил: «Си, сеньора! Когда я приеду в Париж, я вам позвоню». Вдруг звонок из «Гранд-отеля»: «Я приехал посмотреть ваши боты». Это было так мило! Он их взял и прислал другую пару.

Надо сказать, что меня всегда баловали большие дома моды: «Диор», «Ланвен», «Гермес», «Шанель», «Сен-Лоран», «Магги Руфф». Когда я приходила к тому же Фредерику Кастету в Дом «Кристиан Диор» и восклицала иной раз: «Ах, как красиво! Сколько?» — Фредерик отвечал: «Назовите цену сами, Людмила». Все смеялись, все кончалось хорошо, все были довольны, и все блестело.

Это была рекламная акция. Впрочем, для обеих сторон.

Комментарии

«Лор Белен» — Дом тонкого белья «Лор Белен» был создан в Берлине в 1920-х гг. русской эмигранткой Ларисой Бейлиной. В 1930-х — 1960-х гг. находился в Париже. Дизайнером была Тамара Гамсахурдия, известная танцовщица, представительница русской эмиграции 1920-х гг. Клиентками этой фирмы были Марлен Дитрих, Жаклин Кеннеди и др. См. подробнее: Васильев А. А. Красота в изгнании. — М.: Слово/Slovo, 2009. С. 345–361.

Людмила в Каннах, 2000 г.

Глава двадцать седьмая

Русская Пасха на французском телевидении. Ростропович празднует в моем ресторане падение Берлинской стены

У нового «Русского павильона» скоро сложился круг постоянных клиентов. Нас любила ливанская колония в Париже, в те годы многочисленная. Первым оценил новый ресторан мсье Твини, бывший ливанский посол в Вашингтоне. За ним дружно потянулись его соотечественники. Мсье Твини смеялся: «Смотрите, Людмила, опять они пришли со мной разговаривать».

Заходили к нам многие известные французы: военный министр Мессмер, братья и дети президента Валери Жискар д'Эстена, крупная финансистка мадам Бо.

Бывала датская королева Маргрет, с большой сигарой во рту, со своими двумя сестрами. И их дядя, граф Розенборг, очаровательный человек.

Любила к нам заходить дочь короля Саудовской Аравии — очень полная. Выпивала за вечер три бутылки «Дом Периньон» и уходила, заметно повеселев. Одна

из богатейших наследниц арабского мира, она владела восемнадцатью резиденциями с полной мебелировкой и прислугой в разных странах мира. Но это не сделало ее счастливой...

Мадам Наталия Рен, дама с чудным колоратурным сопрано, однажды к нам пришла поужинать с Галиной Вишневской. Обе пели у нас в тот вечер. Мадам Рен была урожденной киевлянкой, принадлежала к известной шляхетской фамилии Костка-Непржецких. Как и Мария Давыдова, Наталия пела в «Частной русской опере» и путешествовала с нею по Южной Америке в турне 1928 года. До конца дней мадам Рен сохранила свой голос, и в моем ресторане пела романс «Белой акации гроздь душистые».

Приходили дети мадам Рен — дочь Ирина, в замужестве княгиня Строчи-Гвиччардини, и сын Володя, мой верный клиент в течение тридцати лет, хозяин известной фирмы по прокату лимузинов.

Семья Голицыных устраивала у нас большие торжества. А в этой семье было тридцать пять человек домоладцев!

Известные импресарио, мадам и мсье Серфати, приводили к нам после гастрольных оперных спектаклей московских артистов и музыкантов: это было так приятно для меня. Москвичи увозили в Россию мои пластинки. Мсье Серфати больше нет — увы, он был убит в советской Москве! А мадам Серфати продолжает свое дело.

Бывал Александр Галич. Его баллады не всегда были понятны старым русским «белым» парижанам. Но я с самого начала почувствовала, в какой степени мелос баллад Галича вырастает из простых, знакомых всем в начале XX века русских и цыганских песен — тех, что так часто пели в «Русском павильоне».

Бывал, как я уже, кажется, говорила, Рудольф Нуреев... а вот Барышников, к сожалению, не появился

*Верный друг Людмилы, завсегдатай ее ресторана Владимир Буков.
Лазурный берег, 2000 г.*

ни разу. Впрочем, и я не пошла в его нью-йоркский ресторан «Самовар». По простой причине: собираясь туда, чтобы увидеть, как этот блестящий артист ведет дело, я решила позвонить метрдотелю, чтобы спросить, когда приходит сам Барышников. Метрдотель ответил: «Он не приходит почти никогда, мадам». Мы с Джонни переглянулись, пожали плечами и... не пошли!

У меня бывали известный шансонье Шарль Трене с миллионером Фусье, знаменитый бас Иван Ребров, композитор и певец Жак Дармон, телеведущий Мишель Друкер, композитор Гольдман, телеведущие Жак Мартен и Жак Шансель. Однажды, к моему большому удовольствию, у нас праздновал именины Хулио Иглесиас.

В те годы я часто выступала по разным каналам французского телевидения. Месье Робер Тутен, директор рекламных служб фирмы Sony, часто приглашал

Людмила у себя дома. Канны, 2000 г.

меня на ТВ, хорошо зная меня и мои песни, поскольку именно в Sony выходили мои пластинки. И сам заглядывал в ресторан с артистами.

Невозможно без волнения вспоминать, как я выступала вместе с пианистом Владимиром Ашкенази в телепрограмме Жака Шанселя. В ней пели также Ив Монтан и другие знаменитости — и вот, наряду со звездами, появилась на экране я.

«Ее отец исполнял эти песни, — писали газеты, намекая на то, что мои песни гораздо старше меня. — Людмила Лопато, которую вы увидите в передаче “Большая арена”, счастлива тем, что поет их снова. Но ее скромность ничуть не приглушает властного обаяния русского фольклора.

Людмила, восхитительная исполнительница, приглашена самим Владимиром Ашкенази при некотором участии Жака Шанселя. Это Шансель обратил внимание виртуозного пианиста на Людмилу Лопато, которая

держит «Русский павильон» в Париже, на улице Франциска I.

“В юности я пела в Америке и в Англии, но отныне все свои вечера даю только в моем ресторане”, — говорит Людмила.

Каждый вечер Людмила садится за пианино и поет своим гостям “Синий платочек”, “О любви никому не рассказывай” и “Снился мне сад” — так, как она делает это сегодня в “Большой арене”.

Она очень, очень боялась: “Мне казалось, что я никогда не смогу этого сделать! К счастью, Владимир подошел ко мне и сделал все, чтоб ободрить и успокоить меня. И поэтому я быстро вошла в работу!”...»

Я сохранила этот старый газетный анонс и улыбаюсь, перечитывая его. Он был очень лестно озаглавлен: «Ашкенази очарован хозяйкой ресторана, играющей на фортепиано».

Часто в передачах известных французских телеведущих Мишеля Друкера и Жана Мартена я, принимая их у себя в ресторане, пела и рассказывала про Пасху и Рождество, русские народные обычаи. На Пасху гарсоны подавали к столу куличи, пасхи и другие традиционные яства. Телесъемки завершались застольем, и все, кто в них участвовал, были очень довольны.

Об одной из таких пасхальных передач газеты писали: «Знаменитые русские в Париже, по преимуществу, люди искусства. Художник по костюмам Александр Васильев, изысканный, как отец дендизма Бруммель, обожающий песни Людмилы, праздник отмечает в ее “Русском павильоне”. Скульптор Игорь Устинов, сын актера Питера Устинова, предпочитает “Самовар” (“Там очень по-семейному”) или Plaza-Athenee (“Я люблю подпевать музыкантам”). Великий Ростропович, которого в Париже можно встретить везде, приглашен на корабль, где расположен ресторан La Ville de Petrograd. Серж Гинз-

бург, Соня Риккель, Иван Ребров и другие знаменитости помнят о своих корнях и воздают дань этому празднику, несмотря на споры о том, не становится ли он скорее

Людмила на Лазурном берегу, 1990-е гг.

символическим: в СССР теперь Пасха почитается больше, чем Новый год...»

Я в этой своей книге — конечно, вы заметили — часто цитирую газетные заметки. Наверное, потому, что в каждой сохранился дух того времени — и в каждой можно увидеть меня именно в тот период. Журналисты новых поколений характеризовали меня весьма живописно: «Людмила — одна из самых

ярких фигур русской колонии Парижа. Глаза персиянки, по три кольца на каждом пальце... Верные друзья Людмилы не забывают о том, что гранд-дама “Русского павильона” была и романтической актрисой...»

На один из праздников мне прислали подарок из Грасса — двести высоких темно-алых роз. Это был новый, особый сорт, названный моим именем, «Людмила Лопато». Их аромат витал по залу, и я была так счастлива!

Когда в прошлом году Александр Васильев по моей просьбе заглянул в Интернет, он обнаружил там свыше двадцати статей, в которых упоминаются розы «Людмила Лопато». Их особо успешно выращивают в Южной

Африке и в Зимбабве, там находятся самые большие плантации «моего» сорта.

В 1980-х годах в Грассе производились и духи «Людмила».

В продажу, впрочем, они не поступали. Патент на этот запах принадлежит моей семье. Мой сын Делано разработал для них нарядную упаковку в стиле мастерской росписи на сюжет «Руслана и Людмилы».

Когда рухнула Берлинская стена, Мстислав Леопольдович Ростропович пришел к нам с друзьями, чтоб отпраздновать это фантастическое событие. Воскликнул еще с порога: «Пожалуйста, Людмила, предложите всему залу шампанское!» Он выпил за здоровье всех, был хозяином вечера, заставил меня спеть «Я вас любил», сказал «Какая талантливая!» — и поцеловал прямо в губы.

Праздник удался на славу: когда пришел счет — они «прочитали... и прослезились».

Вечер был, конечно, особенным, историческим.

Но в то же время — очень в духе «Русского павильона».

Комментарии

Наталья Рен — урожденная Костко-Непржецкая (?–1989), солистка Русской частной оперы на Елисейских полях.

Барышников — Барышников Михаил Николаевич (р. 1948), артист балета, балетмейстер. Солист Кировского театра (1967–1974), с 1974 г. — в США. С 1982 г. — художественный руководитель Американского театра балета.

Шарль Трене (1913–2001) — автор и исполнитель песен, кинематографист.

Иван Ребров — настоящее имя Ханс Риббер (р. 1935), из семьи русских эмигрантов, в детстве пел в хоре фальцетом. Фаво-

рит королевских домов, гастролировал по всему миру, в 1985 г. продал за год 20 млн дисков со своими песнями. Живет в Греции.

Хулио Иглесиас (р. 1943) — испанский певец.

Владимир Ашкенази — Ашкенази Владимир Давидович (р. 1937), пианист, дирижер. Эмигрировал из СССР в 1963 г. С 1987 г. руководит Королевским филармоническим оркестром в Лондоне.

Ив Монтан — настоящее имя Иво Ливи (1921–1991), французский певец, композитор, киноактер.

Рекламная фотография Людмилы Лопато для обложки диска со сборником песен «Парижский вечер». 1980-е гг.

Глава двадцать восьмая

*Именины принцессы Монако.
Потомки «Тиковой дамы».
Не открывшийся «Русский
авильон» в Монте-Карло и...
закрывшийся в Париже*

Однажды собралось как-то особенно много знатных людей: португальская маркиза де Кастежа, португальская виконтесса Анна Лиотти, жена президента Индонезии Деви Сукарно, много других знаменитостей, хорошо известных в Париже.

В конце зала большой стол занимал князь Голицын со спутниками. Напротив — стол принцессы Монако Каролин, с ней пришли ее сестра Стефани, свита, Карл Лагерфельд и еще несколько известных людей. Все они были приглашены одним из парижских антикваров, который давал обед в честь принцессы, — был день ее ангела.

Стол засыпан подарками — ожерельями, браслетами, шарфами — и цветами. «Дом Периньон» шипел в хрустальных бокалах, икра искрилась, настроение у всех было прекрасное. Бал начался, играл скрипач,

потом на нашей небольшой эстраде пели под гитару (у меня тогда выступал бывший московский актер Алеша Булатов). Так длилось до половины двенадцатого. После этого, как всегда, было объявлено: «А теперь... Людмила!»

Я начала петь. Обыкновенно в зале в эту минуту наступала тишина. Но принцесса Каролин и Лагерфельд продолжали разговаривать.

Послышалось строгое: «Шшш...» — князь Голицын призывал гостей к молчанию.

Но — Каролин продолжала говорить с Лагерфельдом.

И тогда князь громко сказал: «В России все молчат, когда поют известные певицы!»

Тут на минуту действительно онемели все. Включая меня.

Сказать, что возникла общая неловкость, — это ничего не сказать.

Я, чтоб изменить атмосферу в зале, отошла от рояля, спустилась к гостям и стала петь: «Не слышны в саду даже шорохи...» — то, что знали и любили все. «Пойте с нами, принцесса... как всегда!» — сказала я Каролин. Она холодно ответила: «Мне приказали молчать». Я засмеялась: «Ну нет... поем!»

Когда я окончила номер, антиквар с бешенством в голосе приказал: «Счет! Вы испортили именины принцессы и мой праздник! Я это припомню! Счет!»

Я была в ужасе. Когда они уходили, я сказала: «Принцесса, ведь это князь Голицын, его матушка с вами хорошо знакома». Каролин ответила: «В таком случае надо было представиться».

Больше Каролин у нас не бывала.

И дело пострадало: мы с Джонни собирались, именно по желанию принцессы, вскоре открыть еще один «Русский павильон» в Монте-Карло. Хотели сами переехать

из Парижа туда, на Лазурный берег. Уже мечтали о мягком климате Средиземноморья.

Рыцарский поступок князя Голицына свел на нет наши планы.

Конечно, Патрику Голицыну было от кого унаследовать несгибаемый дух. Тут нельзя не вспомнить историю его бабушки Ольги. Она была необыкновенная дама!

Ольга в России, еще до революции, вышла замуж за американца, представителя фабрики швейных машин «Зингер» в Москве. Однажды на каком-то московском балу она встретила очаровательного француза и, танцуя с ним, сказала: «Когда я приеду в Париж — я вам позвоню».

Прошло несколько лет. Началась революция. Ольга испытала все ее ужасы, потеряла мужа. Одна, с маленькой дочерью, без капиталов, решила бежать куда глаза глядят. Была в Японии, в разных других странах — и наконец оказалась в Париже. Будучи очень умной женщиной, она сохранила номер телефона милого француза, который так хорошо танцевал вальс.

Позвонила ему: «Помните Москву и меня?» — «Конечно». Ольга сказала: «Я хочу встретиться с вами по очень важному для меня делу. Я хочу продать мое жемчужное кольцо. У меня совсем нет денег, а мой муж умер».

Мсье Лигони, владелец крупнейших магазинов в Париже, купил у нее кольцо и, прощаясь, спросил: «Не хотите ли позавтракать со мной через несколько дней?»

Они встретились в ресторане. Выбрали рыбу и белое вино.

Разделав рыбу, Ольга замерла от восторга: внутри лежали ее жемчуга.

Мсье Лигони не мог получить развод, так как вел дело вместе со своей женой. Поэтому Ольга в Париже, еще до войны, вышла замуж за князя Бориса Голицына.

После смерти мадам Лигони, через полвека после завтрака в Париже и еще больше — после тура вальса в Москве, Ольга, также овдовевшая, и ее «милый француз»... обвенчались!

И впереди у них еще были долгие счастливые годы! Я нередко видела эту пару в «Русском павильоне»: Голицыны-Лигони праздновали у меня все семейные торжества. Мсье Лигони, как правило, говорил: «Какой невкусный борщ! Дайте-ка еще тарелку!»

Свой последний прием на сто человек Ольга Голицына-Лигони устроила не так давно, в свой 103-й день рождения. Мэр Версаля вручил ей золотую памятную медаль.

Она была в этот день в белом платье — стройная, прямая, красивая. И в полном рассудке, в здравом уме: узнала каждого из гостей и каждому сказала какую-то любезность!

Почему-то хочется упомянуть еще вот о чем: Борис Голицын, муж Ольги, насколько я слышала, происходил из той же ветви рода, что и знаменитая княгиня Наталия Петровна Голицына, прототип Пиковой дамы...

Все же я до сих пор жалею, что мы так и не открыли «Русский павильон» в Монте-Карло. Мы с Джонни очень полюбили этот город, часто ездили туда на уик-энды, снимали квартиру в «Колумбия Палас» на авеню принцессы Грейс. Однажды увидели, что рядом продается квартира. Решили осмотреть.

Я пришла в восторг: это было именно то, чего мы хотели!

Я сказала агенту: «Покупаем! Сейчас мы должны уехать в Париж, но через два дня я вам позвоню, и мы все устроим».

Увы! Я действительно позвонила ему через двое суток, но агент смущенным голосом сказал: «Извините, квартира продана».

Я и расстроилась, и рассердилась, и не могла понять, почему так вышло. Но прошло несколько месяцев, мы были приглашены на прием в «Отель де Пари» и зашли в знаменитый бар отеля. Там ко мне вновь подошел агент из Монте-Карло — очень элегантный! — и сказал: «Я виноват перед вами, мадам Лопато, но вы так хвалили эту квартиру, так восхищались, что я не выдержал и купил ее сам. Еще раз прошу простить».

Ну что я могла сказать! От обиды хотелось плакать.

К счастью, тут подошел князь Юрий Трубецкой, человек, прекрасно известный в Монте-Карло (он был женат на американской миллионерше и устраивал у себя на вилле великолепные празднества, а его брат имел в Париже картинную галерею, занимался новыми талантливыми художниками, такими, например, как Поляков): «Выпьем — вы, Джонни и я! Вы сразу успокоитесь...»

Я, конечно, успокоилась. Но в глубине души — мне жаль до сих пор.

Мы продолжали ездить в «Колумбия Палас», жили на самом берегу, мимо нашей террасы проходили морские пароходы и яхты с белыми парусами.

Рядом были Музей кукол, летний театр, чуть подальше — синема на открытом воздухе, в конце авеню — знаменитый пляж «Спортинг Клуб».

Монте-Карло — особое место. Или вы его любите, или нет. Там меньше зелени, чем в других городах Лазурного берега, но больше всяческих удовольствий и удобств (и казино — самое знаменитое в мире!).

Неслучайно наследником дягилевских традиций стал «Русский балет Монте-Карло». И приятно, что русские традиции Монте-Карло продолжают теперь концерты с участием Мстислава Ростроповича и школа русского балета Марики Безобразовой.

А я продолжаю думать: в этом пестром, теплом городе наша судьба сложилась бы по-другому.

Но — мы остались в столице. А Париж слезам не верит.

Наши вечера в новом ресторане длились без малого десять лет, пока Джонни не сказал: «Хватит. Мы устали. Мне уже не хочется продолжать. Давай отдохнем».

Через три месяца истекал контракт на аренду. Мне хотелось его продлить. Но Джонни стоял на своем...

Я загрустила.

В этот момент история ресторана и наша судьба сделали новый крутой поворот.

За тридцать пять лет, что мы держали ресторан, у нас были разные поставщики продуктов и напитков. Но рыбу, семгу и икру все эти годы поставляла одна и та же фирма Петросянов. Мы их ценили, они нас ценили, все повторяли, что мы для них лучшие клиенты из всех русских рестораторов Парижа.

Когда я предупредила их, что через три месяца мы уходим на покой по желанию Джонни, эти солидные дельцы взволновались: «А почему бы вам не работать с нами? Станем партнерами. Мы будем заниматься всем, а вы останетесь хозяйкой дома, как и прежде».

Тут уж заволновалась я: мне хотелось сохранить «Русский павильон».

Джонни предупреждал меня: «Они очень странные люди». И мсье Тома, хозяин нашей залы, сказал: «Людмила, вы знаете, что я всегда с вами, но с этой фирмой надо подписать контракт, в котором все будет четко оговорено. И не увлекайтесь: это опасные люди, они даже судились с собственным братом!»

Я не обратила на эти предостережения внимания.

До контракта с мсье Тома они подписали контракт со мной. Я получила задаток в 50 000 франков, чтобы привести в порядок ресторан и заплатить служащим, которых не стали увольнять, так как у нас был очень хороший персонал. Мы починили кондиционер, почи-

стили бархат, отремонтировали стулья и сменили кресла в баре.

Но когда Амед Петросян пошел к мсье Тома продлевать договор на аренду, тот попросил большую гарантию. Петросян начал шуметь. Мсье Тома объяснил, что это страховка, так как он не уверен в репутации этих людей.

«Тогда будем судиться!» — сказал Петросян.

Через несколько дней их сестра, дородная красавица Кети Петросян, пригласила нас на открытие испанского ресторана «Дорада». Пили шампанское, ели дораду, и она заявила, что ресторан у мсье Тома открывать мы не будем, так как он «слишком любит деньги», мы найдем что-то другое, лучше.

Время шло. Мы устроили прощальный вечер и сказали всем «до скорого».

Когда ресторан был уже закрыт, Эльдар Рязанов и Игорь Бортников попросили меня устроить вечер, который был снят в виде документального фильма «Княжеское гнездо». Съемки велись в салонах русского посольства. Эта встреча была похожа на те, что назывались «В гостях у Людмилы Лопато». И фильм потом несколько раз прошел по российскому телевидению.

Но, по-моему, я в этом фильме была скучна...

Мы продолжали жить в нашей квартире на авеню Георга V, иногда ездили отдыхать в Монте-Карло или в Довиль. На Пасху, Рождество, старый Новый год часто устраивали приемы — наши верные клиенты теперь чувствовали себя нашими давними друзьями и приходили в дом.

Были и другие радости: помню, как во Флоренции выходила замуж моя юная родственница Аннушка, дочь польского посла в Анкаре. Было великолепное венчание, церемония в главном зале Палаццо Веккьо, прием на триста человек в семисотлетнем замке Сан-Карлоаль-Монте в Сеттиньяно. Замок принадлежал родите-

лям Аннушки, Манусу Зайончковскому и Миле Лопато. Звезды сияли в ночи, светлячки раскинули сеть огоньков в душистом воздухе ночной Флоренции.

Аннушка и ее жених венчались в канун Иоанновой ночи, праздника Рождества Иоанна Крестителя. В России она зовется Купальской, и все русские дети когда-то знали, что в эту ночь в воздухе должны вести хороводы светлячки. Оказалось, такое поверье существует и в Польше, и в Тоскане.

И оно сбылось: у Аннушки на свадьбе все светлячки Сеттиньяно устроили живую иллюминацию из голубых и изумрудных огней, просто воздушный балет!

Это было дважды прекрасное предзнаменование для свадьбы в Тоскане: ведь Иоанн Креститель — святой покровитель Флоренции.

Я всегда очень любила Флоренцию. Первый раз была там еще девочкой, с мамой и братом Володей. Потом мы с Джонни ездили в Тоскану несколько раз...

Помню еще — из событий этих лет — выставку картин Зинаиды Серебряковой в русском посольстве. Работы были, конечно, из парижского собрания семьи Серебряковых, а устроила выставку Женя Флавицкая. Успех был большой.

Петросяны тем временем продолжали показывать мне разные рестораны, которые нам не подходили. В один прекрасный день пришел завтракать мой адвокат, мсье де Мулен (весьма опытный юрист, адвокат компании по производству самолетов «Конкорд») и сообщил: «Петросян подал на вас в суд. Думаю, это нехорошо».

Я-то полагала, что ситуация разрешится по-дружески. Моя ошибка была в том, что я вовремя не реагировала на советы адвокатов. Дела с Петросяном кончились и в самом деле нехорошо, плохо, просто отвратительно, о справедливости не стоит и говорить. Мы были обобраны! Это стоило здоровья Джонни. У мсье Тома, хо-

зьяина нашей залы, после этого шесть месяцев длились сердечные припадки. Заболела и я: надолго впала в депрессию.

По решению суда Петросьяны забрали у меня большую часть моей коллекции картин и другого ценного имущества. Картины эти выставлены теперь в зале их ресторана в Париже.

Была бы я менее настырной, согласилась бы отдать им ту сумму денег, которую они уже вложили в наш общий проект, — я бы спасла и картины, и все ценности.

Комментарии

Княгиня Наталия Петровна Голицына — урожденная графиня Чернышева (1741–1837), фрейлина «при пяти императорах», по легенде прототип пушкинской старухи графини из «Пиковой дамы».

Патрис Александрович Голицын (р. 1939) — бизнесмен, внук предводителя харьковского Дворянского собрания.

Князь Юрий — Трубецкой Юрий Николаевич (р. 1905), бизнесмен. Служил в армии США в 1941–1945 гг. Друг князя Ф. Юсупова. Живет во Флориде.

Палаццо Веккьо (Старый дворец) — здание флорентийской Синьории, один из красивейших памятников города. Строительство было начато в конце XIII в., завершено в конце XVI в. Палаццо Веккьо украшен фресками Доменико Гирландайо и Дж. Вазари, статуями Донателло, Верроккьо, Микеланджело и множеством других произведений художников флорентийского Ренессанса.

Канун Иоанновой ночи — ночь на 23 июня (в католической традиции), на 7 июля (в православном календаре), праздник Рождества Иоанна Крестителя, Иоаннова ночь, Купальская

ночь, канун летнего солнцеворота. Сопряжена с множеством поверий, легенд, обычаев у всех христианских народов Европы. Так, обычай жечь костры «на Купалу» распространен от Уральских до Пиренейских гор: в средневековой Франции первый костер в Иоаннову ночь зажигал король. Поверье о том, что в Иоаннову ночь появляются светлячки, было распространено и в России.

Зеркало в стиле барокко в квартире Людмилы в Каннах

Глава двадцать девятая

Цветы на террасе. Машина. Зеркало

Мы решили переехать в Канны, которые хорошо знали и любили. В поезде Джонни сказал: «Если ты меня любишь — никогда больше не говори об этой грязной истории». И действительно, я с ним больше не заговаривала на эту тему.

Лидия Варано со своей подругой Л. Лопато. Канны, 1990-е гг.

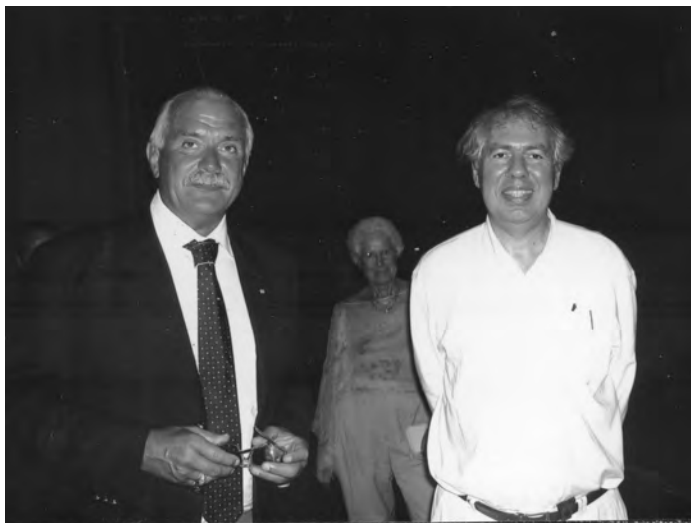
Мой сын Делано подыскал нам в Каннах очень милую квартиру с большой террасой, где было много цветов и зелени. Жизнь, и в первую очередь ее темп, конечно, переменялись. Но к нам на Лазурный берег стали часто приезжать наши друзья, и все потихоньку, постепенно приходило в норму. Я делала все, чтобы окреп после болезни Джонни. Мы старались как можно лучше развлечь друг друга — и не думать ни о чем.

В Каннах и на Лазурном берегу живут многие мои родственники. Я часто еду на обеды с моей приятельницей Лидией Варсано. Графиня д'Альфельд, моя давняя подруга Лилиан, подарила нам тропическое дерево. Оно и сегодня цветет на нашей террасе.

Подружились мы и с соседями, владельцами огромной виллы «Полония» (когда-то ее выстроил русский князь, женатый на польской даме). После смерти Джонни эта семья стала смотреть за мной, как за родной сестрой, за что я им бесконечно благодарна. Они — добрые, умные и оригинальные люди, а Даниэль к тому же чудесная хозяйка, все умеет.

Французы, надо сказать, довольно безразлично относятся к другим, совершенно не интересуются незнакомцами и живут лишь для себя. Но если вдруг полюбят кого-то — становятся лучшими друзьями, каких только можно найти. Мои друзья, найденные уже здесь, в Каннах, очень милы и добры ко мне, как, например, мой любимый доктор, знаменитый кардиолог Жианнети, доктор Эстачи, «доктор века» как любят говорить во Франции (он считается лучшим офтальмологом в Каннах) и семья Маньян — Ольга (урожденная Пуришкевич) и Иван Петрович.

Мой сын Делано и Винфред, моя невестка, очень дружно живут в Нью-Йорке, в районе, известном под названием Аппер-Ист-Сайд. Это престижный район, застроенный в период «между двумя войнами». Их дом своей архитектурой напоминает венецианское палаццо, а квартира

*Кинорежиссер Никита Михалков и предприниматель
Сергей Базилевский. Канн, 2000-е гг.*

оформлена в любимом стиле Делано и Винфред — так называемом провансальском. В нем смешаны французская мебель XVIII века и ткани солнечных расцветок.

В течение двадцати лет Делано владел фабрикой по производству упаковок для парфюмерии: эти изящные коробочки мой сын и невестка не только продавали, но и сами разрабатывали их эскизы.

Делано и Винфред — любители живописи. У них есть большое полотно Бориса Григорьева (когда-то купленное Никитой в Берлине, в мастерской самого художника и даже репродуцированное в знаменитом русском берлинском журнале «Жар-Птица»), эскизы Александра Бенуа, работы Кислинга и Шагала. В наследство от своего отца Деланушка получил комплекты журналов «Старые годы», «Столица и усадьба» и русские эмигрантские издания с автографами авторов.

Интерьер гостиной в квартире Людмилы в Каннах

Теперь это настоящие фамильные сокровища!

Я часто на праздники летаю к сыну в Нью-Йорк. И всегда это для нас обоих большое счастье.

У меня чудные внуки: Питер — известный адвокат, он женат на красавице Карле, родом из Колумбии. А моя внучка Лиза работает в Голливуде. Она очень красива и талантлива.

В Каннах и в Ницце проходят теперь фестивали русского искусства. Если я могу чем-нибудь помочь, то всегда стараюсь. В прошлом году приезжал ансамбль Моисеева, в этом — Никита Михалков (встреча была радостной, так как он часто приходил ко мне в Париже). Приезжают и совсем молодые артисты.

Люблю сидеть вечером на зеленой террасе, среди цветов, когда на небе стоит луна. Люблю играть на рояле. Люблю петь. Не устаю смеяться.

Интерьер гостиной в квартире Людмилы в Каннах

Я никогда не утрачивала вкуса к жизни. И чувства радости бытия.

В моей гостиной в Каннах висит большое старинное испанское зеркало XVIII века. Оно заключено в золотую раму с рокайльными завитками. Мы купили его с мужем на распродаже графского имущества в Марбейе. С тех пор оно мой верный друг.

Я гляжусь в помутневшее от времени стекло — и оно мне дарит волшебные воспоминания, радость и покой.

И сладкие сны...

Комментарии

«Жар-Птица» — литературно-художественный журнал (Берлин, Париж, 1921–1926 гг., редактор-издатель — А. Коган, литературный редактор — Саша Черный). Одно из лучших изданий времен эмиграции «первой волны». В нем публиковались

В. Ходасевич, Тэффи, В. Сирин (В. Набоков), репродуцировались работы С. Судейкина, Ф. Малявина, М. Шагала, Б. Григорьева, И. Билибина, был раздел художественно-театральной критики.

Кислинг — Кислинг Моэс (1891–1953), художник. Прибыл в Париж из Польши в 1910 г. В послевоенные годы имел репутацию блестящего светского портретиста (в его наследии также представлены пейзажи, книжная графика). Высшим творческим взлетом были его портреты парижан эпохи «между двумя войнами».

«Старые годы» — «Ежемесячный журнал по вопросам истории искусств», выходил в Петербурге в 1907–1916 гг. Редактор — В. Верещагин, с 1908 г. — П. Вейнер. Фактическим соредактором был Н. Н. Врангель (1880–1915), искусствовед и историк русской усадебной культуры, старший брат генерала П. Н. Врангеля. Наследие русской художественной культуры XVIII–XIX вв., декоративно-прикладное искусство этого периода, памятники и отношение к ним были главными темами журнала.

«Столица и усадьба» — «журнал красивой жизни», по аттестации главного редактора, литератора Владимира Крымова (1878–1968). Выходил в Петербурге в 1913–1917 гг. Был посвящен «светской жизни наших столиц, спорту, охоте, коллекционерству и особенно — жизни русской усадьбы в ее прошлом и настоящем».

*Людмила Лопато. Фото для рекламы кабаре Dinarzade в Париже.
Около 1950 г.*

Постскриптум

Заповеди

Приехал Александр Васильев с умнейшим лицом, стал задавать мне всяческие серьезные вопросы. Постараюсь на них ответить, как смогу.

— *Что вам кажется самым важным из общечеловеческих понятий?*

— Равновесие и справедливость.

— *Что такое Бог в жизни человека?*

— Отец с детства научил меня: Бог внутри нас, и мы должны желать другим того же, чего желаем себе. Это нелегко, так как люди слабы, но мы стараемся. Я верю в Бога, хотя и редко хожу в церковь.

— *Какую роль искусство играет в жизни людей?*

— Для меня — огромную. Я не представляю себе, как можно не ходить в театр, не слушать музыку. Музыка необходима человеку, во всяком случае — мне.

— *Что значат дети в жизни женщины?*

— Это все. Конечно, детей надо воспитывать, но самое важное для детей — чтоб их любили. Если их любят, все остальное не так страшно. А если они вам платят тем же (что обыкновенно и бывает), то это счастье.

Вы посмотрите на итальянцев — и мамы, и папы, все вместе. Они обожают свои традиции. Потому что это создает фон. Это основа жизни — если вас любят.

А лучшие родители после итальянцев — по-моему, русские. Они пекутся о детях, болеют за них, переживают. И это настоящая любовь. Жить с ней тепло.

— *Вы всегда были очень элегантны. В вас было много шика — в одежде, в прическе, в украшениях. Что такое женский шик и вообще женский стиль?*

— Прежде всего, надо чувствовать себя удобно в том, что вы носите. Потом — знание того, что именно вам идет. Конечно, очень важная вещь — зеркало: если вы хоть чуть-чуть смешны — снимайте туалет! Надо учиться смотреть на красивые вещи, на картины... а потом смотреть на себя в зеркале.

Когда мне было шесть лет, я вдруг влюбилась в голубую муслиновую кофточку, расшитую такими, знаете, цветистыми цветочками, — я ее увидела в окне магазина. «Купи, мама!» — но мама, которая вообще меня баловала, на сей раз не реагировала. Я горько плакала. И знаете... до сих пор обижена. Жалею кофточку.

— *Как быть элегантной?*

— Если вы красивый молодой человек или барышня — не надо, мне кажется, чересчур стараться быть тип-топ, как раньше, подбирать все в один тон, вплоть до перчаток. Надо чувствовать, что вам идет. И надо также слушать умных людей, которые могут дать совет... Таких людей, как вы, Александр, потому что вы чувствуете цвета и настоящую элегантность.

Мне в этом смысле повезло: мой муж имел изумительный вкус. И я всегда спрашивала мнение Джонни. Если ему что-то не нравилось, то я это не носила.

Но это инстинктивное понимание. Мне кажется, этому невозможно научиться.

— *Вы видели вокруг себя множество поклонников, у вас было два замечательных мужа. Какие качества мужчины в отношениях с женщиной вы цените более всего?*

— Все это такие вопросы... на них очень трудно ответить, потому что бывают моменты, когда у вас просто шок — и вы влюбляетесь. В такой момент очень трудно судить о качествах и недостатках людей. Вы погибли! Вы жертва! Вы становитесь счастливы или нет... и это все зависит от случая.

По-моему, логику трудно применить к чувствам человека. Судить можно только о том, что тебе безразлично.

С самого начала, прежде всего, нужно понять: хороший ли он человек, гуманный ли, умный, чуткий, верный. Бывает, что у человека много недостатков, но они компенсируются добрым сердцем или большим умом. Я люблю людей вне зависимости от их богатства: важно, чтобы они были хорошими людьми. Деньги — они сегодня есть, завтра их нет — это не так важно. Да, я люблю, чтоб они были всегда. Но если их сейчас нет — тоже не страшно...

— *Какие качества важны для женщины?*

— Вот этого я никогда не могла понять! Я могу судить только по собственной жизни, потому что невозможно сказать, в какую даму влюбится какой господин.

Неизвестно, почему женщины нравятся. Иногда вы думаете «Ой, какая некрасивая!» — а в нее все влюбляются. Или наоборот: сидит какая-нибудь красавица — и никто на нее не обращает внимания.

Думаю, что эта загадка называется «шарм».

Он и притягивает людей друг к другу.

Людмила в пальто с норковой оторочкой. 1960-е гг.

Александр Васильев широко известен как телеведущий проекта Первого канала «Модный приговор». Он автор 27 книг, три из которых уже раньше вышли в издательстве «Альпина нон-фикшн». Новая работа историка моды «Людмила Лопато. Царица парижских кабаре» – итог многолетней дружбы автора с уникальной женщиной и певицей, знакомство с судьбой которой не оставит равнодушным современного читателя. Это вторая книга из серии публикаций о судьбах русской эмиграции, первая из которых – «Ксения Триполитова. Маленькая балерина» – нашла теплый отклик в сердцах любителей прекрасного.

Царица парижских кабаре, знаменитая певица русской эмиграции Людмила Лопато родилась в Харбине, училась вокалу у прославленной сопрано Мариинского театра Медеи Фигнер, а драматическому искусству – у старых актеров Московского художественного театра в Париже. Русский Нью-Йорк и Голливуд, великие князья дома Романовых и Матильда Кшесинская, Сергей Лифарь и князь Феликс Юсупов вошли в красивую и драматичную судьбу этой талантливой и харизматичной женщины, история жизни которой записана и рассказана ее другом, известным историком моды Александром Васильевым.

альпина нон-фикшн
телефон: (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

ISBN 978-5-91671-115-8

9 785916 711158

мы на **facebook**

www.facebook.com/alpinanonfiction